

САЈА О КОНАНЈЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИЗИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМНЫ 2	КОНАН И МЕРЫ КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПЕВАЧЕМ ПЕДЕС 5	КОНАН И ПЕСЕНЫ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕВСТАЛ СЕКИРА 7	КОНАН И ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9
КОНАН И КАРУСЬЯ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРУПП ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14	КОНАН И ПРЕНЕ ЖАЛЯЩИХ СТРА 15	КОНАН И ГОЛЫ ВОИНЫ 16	КОНАН И ТАИНСКА МА 17	КОНАН И БЫЧ НЕРДА 18
КОНАН И ПОРОД ПЛАНЕТНЫХ ЛАШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕЙ 20	КОНАН И СЕРАНЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗЫКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕВИВЫ ВЕДЫ 27
КОНАН И ЗАГОРОД ТИНИ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И БРАТ ВЕЛИЧОСТЬ 30	КОНАН И АЛАМЫН ЛАКИРИНТ 31	КОНАН И РАСХОДЯЩИЙ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И АЛАНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЫ ПРЕЗИДИИ 35	КОНАН И АЛАТЫР ПОВОДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКОЮЩАЯ СЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАЛЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛЯВИ 40	КОНАН И ВЛАДИЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДАРЬЯ МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ АРЕВИНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМНЫ 45
КОНАН И ТИГЕ СЕДА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ЗОРОВ 48	КОНАН И ПОДСОМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МИТЕК ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕИМО ЗМЕЙ 51	КОНАН И ЗОЛЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СЛАГА 54
КОНАН И СЛЯЩЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЭВЛАЫ ШАДИЗАРА 56	КОНАН И СКАЛГ ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯЩЕННИК ПИКОВ 59	КОНАН И ПОВАЛЕНЬЕ МОЛНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАИВРИИ 61	КОНАН И ВОЛАНДА ВУРИ 62	КОНАН И СЛАГА ИСЛОДИНА 63

КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2005

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 30.03.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10000 экз. Заказ № 746.

Брайан, Д.
Б87 Конан и демоны степей : [роман] / Д. Брайан. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2005. — 430, [2] с. — (Конан).

ISBN 5-17-029314-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-253-X («Северо-Запад Пресс»)

Конан-книгерис считается по своему в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Венди до Кхитая и восстанавливает справедливость во всей Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2005
© С. Шишкин, оборт, 2005
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2005

Глава первая

Велизарий и его колдун

громный замок стоял на высоком холме в устье реки Запорожки и высокомерно глядел своими россыми, стройными башнями на сверкающие воды внутреннего моря Вилайет. В ясную погоду с крыши главной из башен можно было различить острова. И хотя чванливый этот замок был возведен совсем недавно, но слухов и рассказней о нем бродило по лесам, побережью Вилайет и предгорьям Ильбарса предостаточно, — пожалуй, больше, чем об иных древних развалинах. Властелином новопостроенной твердыни был некий барон Велизарий, приплывший на эти земли с острова Ксантур на воинственных кораблях с большим отрядом, набранным из головорезов всех мастей.

Местных туранцев барон сразу начал притеснять и облагать непомерными данями. В свири-

пости от барона не отставали его соратники — остроносые, смуглые ксапурцы. Говорят, Велизарий не ужился на острове, вот и отделился от родни, собрал для себя лихую дружину и отправился искать иной, достойной доли...

Жгучей кровью залил Велизарий эти жидкые горные леса. От некоторых деревень только и остались, что черные пятна на пепелищах. Собак — и тех истребил. Говорят, даже стервятники, напуганные жуткими делами барона, не решались приближаться к тем домам, где лутовал этот человек.

Те несчастные, нерешительные люди, что не снялись с места, а остались сидеть на прежних землях под рукою Велизария, порой ощущали себя хуже рабов. Барон разорял подчиненных ему людей поборами, а кроме того оставил за собой право чинить те непотребства, какие только вскочат на ум сумасбродному вождю. И попробуй возразить! Люди и не возражали. Даже роптать не решались.

Единственный человек выступил против Велизария — Бертен, младший сын владыки Хоарезма, который и сам зарился на плодородные земли в устье Запорожки. Но о том, что стало с неразумным храбрецом, не знал никто. Кроме, естественно, самого Велизария.

По слухам, замок Велизария был возведен в одну-единственную ночь на человеческой крови. Находился будто бы при бароне Велизарии некий колдун. Неизвестно, злой или добрый. Здесь мнения расходились. Иные полагали, например, что

у колдунов вовсе нет сердца — стало быть, ни злу, ни добру войти некуда, так что всякий колдун или зол или добр в зависимости от того, кому служит. Будто бы отдают колдуны свое сердце неизвестным богам или духам (здесь также мнения расходятся) в обмен на чародейскую силу. Сами колдуны не разбираются подчас, во благо или ко злу сотворенное ими чародейство. А недобрые люди этим, понятное дело, пользуются.

Вот и барон Велизарий сумел каким-то образом прикормить колдуна, подарив ему побежденного в битве юнца. Правитель Хоарезма сына оплакал, но вызволять его собственными силами не решился. Объявил погибшим — тем более что и слухи доходили самые плачевые. А какие надежды лелеял несчастный отец втайне — того он прилюдно никому не высказывал. Ждал подходящего случая и верил, что произойдет невозможное, и вернется к нему юноша...

Имелись в Хоарезме и другие люди, которые очень интересовались судьбой Бертена. Но у этих людей имелись совершенно особенные причины любопытствовать на сей счет. Поскольку вопрос о престолонаследии в Хоарезме был весьма щекотливым. Владыка этого города имел двоих сыновей, и после исчезновения (и возможной гибели) младшего у него оставался только старший. А этот старший, которого звали Хейто, в последнее время пристрастился к порошку черного лотоса. И друзья у него завелись самые для принца неподходящие...

Впрочем, Велизарий в хоарезмийские дела осо-

бо не вникал. Ему было довольно и того, что он завоевал: нескольких деревень, поставлявших ему мед, меха, мясо и хлеб, великолепного замка, храброй и злой дружины и пленного колдуна, готового выполнять любые повеления своего господина.

Самого колдуна, кстати, никто в глаза видел. Иные, вопреки очевидности, утверждали, будто и не было вовсе никакого дива в возведении замка. И не за одну ночь он был построен, и не чарами, а руками несчастных пленников. Как обычно и делаются подобные дела.

Но возражали не без оснований некие очевидцы: нет, не обошлось без чародейства. Замок действительно вырос на этих землях, как будто сам собой. Кто-то срезал основание скалы под фундамент замка — ровно, будто ножом отхватил. И грохот стоял при этом, будто во время грозы. Да только небо оставалось ясным, без единой тучки... Глядь — а скала-то и обвалилась! И место ровное, гладкое, как нарочно остриженное! Чудеса! И потекла по скале кровь, ровно по человеческой щеке слеза... А кто в замке плакал собственной кровью? Кому там плакать, кому бесславно терять кровь — сок жизни — если не злополучным пленникам, чья жизнь скрепила крепостные стены прочнее любого строительного раствора?

Говорят еще, будто колдун, дабы сподручнее творить свое страшное дело, в тот день опоил самих богов, подсыпал им одурманивающего зелья (или вызвал для них видение такой красоты и завлекательности, что и глаз не отвести, — тут мнения опять же были различны). Словом, от-

вернулись в тот день от Запорожки боги и ничего из творимого колдуном не увидели. Потому-то и не вмешались, не остановили дерзновенную руку.

О том, какова дальнейшая судьба колдуна, тоже известного было немного. Предполагали различное: провалился сквозь землю, ускакал на шестиногом жеребце, лопнул от натуги, забрызгав окрестные леса пятнами черной крови...

— В-враки в-все это, — вымолвил, плонув от негодования, Вульфил из старого отряда Велизария. Он был одним из тех немногих, кто проплыл с бароном из самого Ксапура.

Был этот Вульфил детиною немаленького роста и силы поистине бычьей, ума же небольшого. Однако, заметим при этом, охотников измерять ум Вульфилы почему-то не находилось, так что последнее замечание остается пока спорным.

Разговор происходил в общей зале замка на первом этаже, где обычно столовались люди барона, за добрым местным вином, погожим вечером, когда и люди, и кони были сыты, и боги явственно довольны, так что гулкий голос Вульфилы звучал вполне мирно и дружелюбно.

— В-вот что с колдуном с-случилось... Он н-на цепи сид-дит... С-сам видел. Страшный и костлявый, как сама смерть. — Тут он сам перепугался собственного утверждения и принялся обмахиваться охранными знаками.

— Вечно ты скажешь, Вульфил, — фыркнул другой воин. — С тобой говорить — все равно что пить пиво с тараканами.

— Ну вас обоих! — высказался третий, встал и вышел вон.

Прочие засмеялись.

Люди Велизария разговаривали о таинственных приключениях своего вождя хоть и вполголоса, но вполне свободно, ибо все здесь находились среди своих. Доносов, интриг или открытых подлостей пока что ни за кем не замечалось. Одни знали о делах барона побольше, другие — ощутимо меньшё, да что с того! Боевые товарищи, они одну и ту же кровь проливали, и это, как обычно водится в подобных случаях, роднило их сильнее, нежели происхождение от единой матери.

Среди воинов-ксапурцев и наемников с севера, которых Велизарий взял к себе уже после высадки в устье Запорожки, выделялся человек, совершенно на них не похожий — ни ростом, ни лицом, ни статью: невысокий, кривоногий, с бесстрастным темным лицом и узкими глазами — гирканец, непревзойденный лучник, острый и дерзкий на язык, хромец Арригон. Когда-то и сам он был вождем, водил в бой отважных молодцов, но после гибели своего небольшого племени, после плена почел для себя за благо оказаться при сильном бароне в качестве простого воина.

И Велизарий не прогадал, взяв к себе этого человека. Оба они помнили тот вечер, когда воины заметили гирканца.

Вождь возвращался с охоты, вез у седла верную собаку, и челюсти у пса были окровавлены.

Следом скакали пятеро, один вез оленя. Роскошная голова зверя с царственными рогами мягко моталась на мертвый шея. Полная луна высоко стояла в небе. Где-то вдали вил в степи, тоскуя, зверь, но его одинокий зов не находил отклика в сердцах воинов.

А затем, словно вырастая из каменистой почвы, перед вождем поднялась чья-то тень. Конь испугался, взвился на дыбы, захрапел; пес дернулся под хозяйской рукой всем своим сильным телом, вывернулся и, упав на землю, метнулся к незнакомцу.

Воины уже накладывали стрелы на тетивы, готовясь убить неизвестного. У Велизария в этих краях не водилось друзей; многие туранцы желали смерти дерзкому, осмелившемуся приплыть сюда на двух кораблях и выстроить волшебный замок на берегах Запорожки. Кто знает — может быть, нашелся отважный человек, который решил пожертвовать жизнью, обменяв ее на жизнь Велизария и забрав ненавистного барона в подземный мир, к озлобленным, вечно голодным богам с черными, лоснящимися, костлявыми телами...

Однако Велизарий остановил своих товарищ, подняв руку. И пса кликнул прежде, чем страшные челюсти успели сомкнуться на горле чужака.

В лунном свете блеснули узкие черные глаза. Гирканец приблизился к вождю и остановился в нескольких шагах от лошадиной морды, раздувая ноздри и жадно втягивая в себя запах конского

пота — как будто обонял сладчайшие благовония.

Был он страшно тощ, но, несмотря на это, силен и жилист. Держался как воин. И бросалось в глаза, что этот человек ничего не боится: ни вооруженных людей, готовых в любое мгновение наброситься на него и убить по первому же слову своего вождя; ни воюющего вдали волка, ни голода и лишений. Ко всему этому он был готов и ко всему успел привыкнуть.

И это понравилось барону.

— Назови свое имя, — приказал он встреченному в степи незнакомцу.

Тот сказал:

— Арригон.

— Не ищешь ли ты службы, Арригон? — задал Велизарий второй вопрос.

— Да, — сказал Арригон.

Вождь протянул ему руку:

— Садись.

И оставив пса бежать у ног своей лошади, взял в седло невысокого, истощенного кочевника.

Так Арригон появился в замке, что стоял в устье Запорожки и бросал вызов и окрестным правителям, и самим божествам.

Из людей своего нового господина сдружился гирканец с наемным мечом Вульфилой из Асгарда, и вместе эта неразлучная пара производила странное, подчас даже забавное впечатление.

Спустя две или три недели произошло событие, подтвердившее правильность выбора Велизария. Как чуял барон, что этот незнакомец, подоб-

ранный в степи, точно отбившийся от матери лисенок, пригодится ему.

После очередного похода за данью — а походы эти больше напоминали набеги, нежели обычные наезды правителя в подчиненные ему деревни, — вернулся Велизарий с женщиной, дочкой старости. Эта женщина послужила заменой бобровым шкуркам, которых недосчитался барон при сбое. Девушка плакала, уходя за конем барона, потому что разговоры о том, что происходит с женщинами в замке, шли самые жуткие. Плакали и родные ее, и друзья. И только один молодой мужчина не плакал. Провожал свою любимую сухими глазами, кусал губы, чтобы промолчать, ничем не выдать своего замысла.

И никто из верных Велизарию воинов не заметил его. Только узкие черные глаза скользнули равнодушно и тотчас отошли в сторону, обратились на лошадей и собак.

Но через день именно эти черные глаза углядели в густом кустарнике готовую сорваться с тетивы стрелу. То ли наконечник предательски блеснул в солнечном свете, то ли листья шевельнулись не так, как полагалось бы им в такой безветренный день... Только Арригон успел первым, и молодой человек, заливаясь кровью, вывалился из кустов, все еще тиская пальцами свой лук. В последний раз увидел он небо, которое затем сменилось ненавистным лицом барона Велизария. Он ничего не успел сказать, только дернул губами и умер.

Арригон наклонился и выдернул из тела свой

метательный нож с тяжелой деревянной рукояткой.

— Должно быть, жених девчонки, — заметил он равнодушно.

Велизарий перевел взгляд на своего нового человека. Что-то промелькнуло в глубине его зрачков. И он сказал:

— Этой девчонкой я уже натешился. Хотел отдать ее моему колдуна, но, может быть, ты захочешь?

Арригон молча кивнул; на том их разговор и закончился.

Вечером ему привели девушку. Арригон посмотрел на нее безразлично, показал место — где спать, добавил, что отныне она будет стирать ему одежду, шить для него, собирать ему вещи перед походом. Она подергала углом рта, ожидая продолжения, но Арригон ни разу к ней не притронулся. Он презирал рабынь и никогда не осквернял свое тело прикосновением к ним. Для любви существуют свободные женщины, которые считают, что дарить мужчине ласки — радость и смысл их жизни. Нет ничего гнуснее, чем владеть телом, которое содрогается от отвращения или — того хуже — лежит под тобой безразличнее матраса.

Разговоры о колдунах занимали Арригона чрезвычайно. Гирканец никогда его не видел, но, будучи суеверным, обожал пугать самого себя жуткими историями. Слушает грозный воин — и лицо у него делается, как у ребенка, наивным и доверчивым. Потому что чудеса и истории о волшебниках — это те области, где любой, самый

храбрый и сильный боец оказывается не крепче дитяти. Гирканец искренне любил сказки. Особенно страшные.

На Вульфилу зашикали было: не говори зря, чего не знаешь! Как это колдун может на цепи сидеть! Кто бы это смог такого могущественного чародея пересилить?

Но Вульфилу стоял на своем крепко:

— Г-говорю в-вам, ос-с-слы... С-сам в-видел!

И выходило из рассказа косноязычного Вульфилы, будто пересилил барон Велизарий колдуна, перехитрил его и посадил на цепь, под замок. Чтобы, значит, всегда под рукой был и услужить своему барону мог, когда потребуется. Заклят воробышьным словом. (Что это за слово, никто не знал, но в существовании оного не сомневались).

Где-то поблизости, в подземелье замка, черном и мрачном, о каком и помыслить-то страшно, этот самый колдун скрежещет от любой ярости желтыми зубами. А зубы у него длинные. Как сотрет их до самых десен, так начнет свою цепь гладить... Вот тут-то и надо ухо востро держать. Поскольку зубы у него лошадиные, а вот десны — железные. Деснами он вернее цепь перегрызет.

Вот оно как на самом деле обстоит. А кто не знает — тех просим помолчать.

* * *

Дружинники жили, как кому больше по душе: кто в общей зале, где и веселее, и теплее, и к кот-

лу поближе, а кто отгороженно, ибо многие обзавелись наложницами и подругами и не всякий любил свою забаву выставлять на всеобщее обозрение.

Арригон предпочел обитать от всех остальных отдельно. Не ради себя — сам-то он вырос в большой юрте, где поневоле вся жизнь проходит на виду (степняки только умирают в одиночестве). Нет — ради этой женщины, Рейтамиры, которую взял себе.

Рейтамира предпочитала не показываться на людях. Пряталась, как могла, скрывалась за занавеской. Зная нрав ее господина, Рейтамиру и не трогали. Даже заговаривать с ней не решались, если случайно встречали возле колодца или на реке, — себе дороже выйдет. Посмеивались, конечно, но втихомолку. И ждали — ждали, пока девушка-недотрога приестся грозному степняку.

«Д-долго ждать п-придется», — предрекал хорошо понимавший Арригона Вульфил. Даже если гирканцу надоест молчаливая, всегда печальная Рейтамира, если предпочтет обходиться без ее услуг, лишь бы не видеть этих заплаканных глаз и кислого лица, — вряд ли Арригон отшлет ее. Из одного только упрямства.

Впрочем, никто даже не догадывался о том, как на самом деле складываются их отношения. Арригон знал, что рано или поздно отпустит Рейтамиру от себя. Но не спешил с этим. Рейтамира нужна была ему не для развлечения — пустую забаву легко отыскать и на стороне, и не ради услужения — с такой работой воин легко справ-

лялся и сам. С этой женщиной Арригон хотел когда-нибудь (когда полученных от Велизария денег будет довольно) уйти в Гирканию, положить основание новому роду, коль скоро все его родные погибли в одной из многочисленных стычек между кочевыми племенами (такое случалось в Гиркании сплошь и рядом, когда оскудевали после засушливых лет пастбища).

С течением дней, очень постепенно, начал Арригон понимать, как ему повезло. Непозволительно повезло. Богами замышлялась Рейтамира для долгой семейной жизни, для большого дома, для множества детей. Она была спокойной, тихой, работящей. Только вот плакала по ночам, да и днем нечасто улыбалась. Но даже сейчас было очевидно, что таится в ней огромная щедрость. Кажется, стоит ей только развести руками — и градом посыплются из рукавов пироги, птицы, цветы и спелые плоды.

И все это, мечталось Арригону, будет принадлежать ему. Только не следует спешить. Вся жизнь еще впереди.

Арригон приносил ей горячую похлебку в горшке от общего котла, иногда мясо, сыр, следил за тем, чтобы хватало хлеба. Как-то раз принес молока и попросил сквасить.

После нарадоваться не мог. Умные руки у этой рабыни. Стоило рассказать, как приготавливали простоквашу в юрте его матери, как Рейтамира, глядишь, и сама спроворила нечто подобное. А у кушанья, в которое женщина вложила частицу себя, всегда особый вкус.

Вечерами они подолгу разговаривали. Вот уж чего Арригон, гордый гирканец, никогда не ожидал, так это подобного поворота событий: что будет он сидеть напротив женщины — существа, которое в его племени считалось чем-то немногим выше собаки, — поочередно с нею обмакивая хлеб в простоквашу, и вести степенные беседы... О чем они говорили? Да о том, что достойно обсуждения с почтенным мужем, с равным себе воином, с вождем! Об обычаях и разных богах, почитаемых у разных народов. О воспитании детей (даже об этом!). И вот что выходило дивно: столь различно растят детей в Туране и у гирканских степняков, а вырастают из этих детей совершенно одинаковые взрослые. Ибо благородство и подлость, чистота и грязь на поверхку везде оказываются одними и теми же. Хорошая хозяйка — везде хорошая хозяйка: если управляется с крестьянским двором, то справится и со степной юртой. Храбрец и воин остается таковым и на корабле, и на суше, и в седле...

А это означало, что Рейтамира приживется в степи. Арригон радовался этой мысли. Чем больше проходило времени, тем больше утверждался он во мнении, что под рукою у Велизария им с Рейтамирой нового рода не основать. Придется покидать барона, оставлять привычное уже дружинное житье и уходить вместе с женой в новые земли — в такие, где не видали еще люди ни самого Арригона, ни Рейтамиру, где никто не станет шептаться у них за спину.

Вот об этом и завел он речь как-то вечером.

Разговор как-то незаметно вывернулся на эту дорожку.

Поначалу Арригон задумчиво беседовал словно бы сам с собою: и о колдунах, и о Вульфиле косноязыком, который, кажется, знает куда больше, нежели говорит, о жестоких богах и о богах милосердных. Арригона не на шутку удивляло то обстоятельство, что многие поклоняются этим божествам милосердия, способным исцелять тела и души страждущих.

— Никогда этого не понимал, — горячился Арригон. — Иной раз, как глянешь кругом, так и кажется — кого тут целить-то! Мир зол и жесток, моя Рейтамира, и по мне, так стоило бы сперва провести по нему огненной метлой, а после залить все раскаленной лавой. Ну уж если кто-нибудь после этого уцелеет — тех, конечно, милосердно целить, по всем правилам. Ибо эти уцелевшие напуганы будут сверх меры, а испуганный — кроток и хорошо внемлет словам поучения...

Рейтамира тихо улыбнулась в ответ.

— Хорошо, что не тебе решать такие вещи, господин. Боги не так суровы, как ты...

— Как ты можешь говорить такое после всего, что над тобою учинили! — горячился Арригон. — Ни отец твой, ни родичи — никто не вступился, когда уводил тебя барон! Один только глупый юнец посмел поднять руку на Велизария — тот, может быть, по неведению оказался бесстрашен, не знал, как покарают его за это!

— Знал, — молвила Рейтамира. — Ради одного

только этого юноши следовало бы богам смотреть на наш мир благосклонно...

И ее глаза тотчас наполнились слезами.

— Вот ты как заговорила! — рассмеялся вдруг Арригон. — Теперь ты за богов решаешь!

— За богов не надо решать, они сами лучше нашего знают... — отозвалась Рейтамира. — Прости мне дерзость, господин, но хочу спросить: как ты полагаешь жить со мною дальше?

— Уходить нам с тобой надо, — сказал Арригон просто. — Вот завтра и пойдем. Вещей у нас тут немного, брать с собою почти что и нечего...

— Я пошла бы за тобой хоть на край света, господин, да найдется ли такое место, где нас примут? — проговорила Рейтамира совсем тихо. — Сдается мне, отовсюду станут нас гнать, решат, что приносим беду...

— А мы не пойдем к людям, — сказал Арригон. — Больно сдались они нам!

В эту ночь они легли спать вместе и, обнявшись, долго шептались. А потом вдруг послышался странный гул, и Арригон тотчас разлепил ставшие уже тяжелыми веки.

Кто-то пробежал по длинным переходам замка, почти бесшумно. Затем донеслись голоса. Здесь часто по ночам разговаривали: слышны становились приглушенные дневными заботами звуки подземелья, где переговаривались стражи и где, по слухам, томился тот самый колдун. Иногда долетали выкрики игравших в кости солдат. Слышалось, ходили и бегали по коридору.

Но сейчас Арригон каким-то звериным чуть-

ем почуял страшную опасность. Он разбудил Рейтамиру, велел ей одеваться. Она, по обыкновению, ни о чем не спрашивала — делала, что было велено, и помалкивала. Оба осторожно выбрались в общую залу, где спали воины.

Арригон растолкал Вульфилю. Громадный воин преуласно всхрапнул во сне и вдруг вскочил, выпучив бешеные глаза.

— Ч-что?!.. — вскрикнул он хрипло и вдруг узнул Арригона. Постепенно успокаиваясь, он шумно перевел дыхание. — Р-разбудил, д-дурак п-проклятый!.. Что т-тебе понадобилось, к-колченогий?

— Тихо! — Арригон бесшумно снял со стены оружие Вульфилы. — Одевайся и бери. Идем. Деньги есть? Захвати с собой.

— К-куда т-тебя несет? — бормотал Вульфил, затягивая пояс и упихивая за пазуху тощий кошель, где брякало совсем жиенько. — В-вот ос-сел бессонный!

По замку снова прошелся гул, как будто вдали стонал раненый великан. Вульфил замер, прислушиваясь.

— Ч-что это? — прошептал он совсем другим голосом. Теперь даже могучий и не обремененный заботами Вульфил выглядел испуганным.

— Не знаю, — сердито отозвался Арригон. — Что-то происходит... Что-то, от чего лучше держаться подальше.

Вульфил покал плечами, однако возражать не стал. Все трое осторожно двинулись к выходу. Рейтамира жалась к Арригону, и он чувствовал, как она дрожит. Он крепко держал ее за руку,

всей кожей ощущая: сейчас... сейчас... вот-вот, казалось ему, начнется что-то страшное. Поднимется суматоха, и в общей свалке Рейтамиру могут оторвать от него. Поэтому он сжимал ее руку изо всех сил, и вдруг услышал, как она тихо повторяет:

— Больно... ты делаешь мне больно...
— Прости. — Он ослабил хватку.

* * *

Они быстро бежали по переходам к наружной двери, которая была в этот час заперта. Четверо стражников, охранявшие в эту ночь ворота замка, беспечно спали. И то правда: от кого охранять-то? в завоеванной стране, где даже белки — и те ощутимо храбрее мужей? Да еще за крепкими засовами! Да еще заколдованный замок!

Арригон, не смущаясь, снял с пояса у одного из спавших ключ, вставил в замочную скважину и начал поворачивать. Поднялся дьявольский скрежет, который мог бы пробудить и мертвеца. Что и произошло — причем незамедлительно.

— Эй! — зашевелился стражник. — Эй, что тут... Это ты, колченогий? Ты что тут...

И вдруг по всему замку поднялись отчаянные крики. Сразу ожила и наполнилась шумом и светом ночь, только что безмолвная и черная. Грело оружие, беспорядочно топали ноги, кто-то спотыкался и падал, раздавались панические крики. Потом пришла волна жара. Огонь поднялся как будто сразу отовсюду.

Вульфила отшвырнул стражника, а Арригон распахнул ворота. Беглецы выскочили в черноту, а за их спиной уже рвались в небо оранжевые языки пламени, и пожар, мгновенно охвативший весь заколдованный замок, торжествующе заревел на ветру.

* * *

Из пылающей крепости спаслись очень немногие. О гибели Велизария даже и не говорили: все каким-то образом сразу поняли, что барон мертв. Будь он жив — не загорелся бы и замок...

— К-колдун в-вырвался, — молвил Вульфила, обтирая широкой ладонью вспотевшее лицо. Багровые отблески плясали в его глазах, перебегали по вспотевшему лбу. — В-он в-взлетает... В-он его хв-вост...

Рейтамира стояла чуть в стороне и смотрела на пламя не мигая. Ее охватило странное чувство торжества, едва ли не восторга. Она смотрела, как погибает, как корчится в веселом лютом пламени ненавистный замок, — и не могла наглядеться. Ей казалось, что душа ее расправляет крылья, доселе смятые чужой безжалостной рукой. Еще немного — и она бы взлетела над пожаром, уподобляясь Черной Птице, той, что прилетает кружить над павшими в бою, а после разносит вести родным. Зловеще, протяжно кликал в ее душе птичий голос: «ме-ертв! ме-ертв!» Умер барон Велизарий...

* * *

Человек, послуживший причиной всего этого переполоха, стоял, никем не замеченный, в тени огромного дерева. Был этот человек молод и высок ростом; пламя выхватывало из темноты его длинные черные волосы, спутанные, как грива дикого коня, и то и дело сверкали в темноте ярко-синие глаза. Его веселило разрушение, которое он причинил.

Разговоры Рейтамиры о милосердии, наверное, встретили бы у него полное непонимание. Ему ничуть не жаль было погибших в огне дьявольского пожара воинов. Во-первых, воин для того и берет в руки оружие, чтобы когда-нибудь погибнуть. А во-вторых, по слухам, эти люди служили человеку жестокому и — что гораздо страшнее обычной человеческой жестокости — заключившему сделку с колдуном.

Конан из Киммерии побывал при дворе правителя Хоарезма. Случилось это, можно сказать, совершенно случайно: преследуя буйных запорожских козаков, с которыми были у киммерийца свои счеты. Раненый в глупой уличной потасковке, где какой-то глупый воришка пырнул его кинжалом, он застрял в Хоарезме. Мечась на постели в доме добросердечной женщины, которая рассчитывала получить от спасенного воина некоторое количество золотых (а заодно, быть может, и теплой ласки, ибо красивая внешность и внушительные стати варвара произвели на нее сильное впечатление), Конан изрыгдал страшней-

шие проклятия дураку, который посмел нанести ему увечья.

В конце концов «увечья» были залечены, от ран не осталось и следа, и Конан поднялся с постели, очень недовольный. Женщина получила десяток золотых, поскольку попросила об этом. На большее ей рассчитывать не приходилось.

И тогда она, угощая его вином и тихонько пристраиваясь поближе к иссеченному шрамами могучему плечу киммерийца, проговорила:

— Как ты собираешься жить дальше, Конан?
Киммериец метнул на нее удивленный взгляд.

— Ты вылечила меня, спасибо. Я тебе заплатил — разве ты чем-то недовольна?

— Я всем довольна, — ответила женщина, немного обиженная.

Она не понимала, почему не нравится этому человеку. В представлении хоарезмийцев жировая складка на животе, пышная, колышущаяся грудь и круглое лицо были признаками неотразимой женской привлекательности. Конану же нравились женщины крепкие, с тонкой талией. И не такие назойливые.

А эта, несмотря на всю ее добросердечность, становилась просто невыносимой. Так и липла, точно халва к пальцам приклеивалась.

Конан чуть отодвинулся.

— Ты добрая, — сказал он нехотя, — но то, как я буду жить дальше, — не твое дело.

Она глубоко вздохнула.

— Я забрала у тебя все твое золото, — сказала она притворно-покаянным тоном.

Киммериец фыркнул, как конь.

— Этого добра сквозь мои пальцы утекло уже немало. Можешь не печалиться обо мне, добрая женщина. Я всегда найду, где заработать. Крепкие руки и добрый меч не остаются без дела.

— Об этом я и хотела потолковать с тобой, — кивнула женщина и отодвинулась, смирившись с тем, что варвар отказывает ей в ласке. — Наш правитель недавно потерял младшего сына.

— Невелика беда, если старший еще жив, — сказал Конан.

Но женщина видела, что варвар весь подобрался, и взгляд у него изменился — стал куда более внимательным.

Довольная произведенным эффектом, она продолжала:

— Старший жив, но глуп и не вполне здоров. У него бывают сильные припадки падучей болезни, так что правитель из него получится дурной. Да еще, по слухам, он полюбил порошок черного лотоса... А еще, говорят, что он участвует в тайных магических обрядах...

— Вот гадина, — сказал Конан.

— Он угодил прямо в лапы тайных магов, — проговорила женщина. — А они мучают его. Пользуются болезнью несчастного Хейто — так зовут его, наследника нашего, — и совершенно завладели его совестью... Впрочем, все это только слухи, ты понимаешь. Но одно очевидно: Хейто очень болен.

— Никогда не сочувствовал страданиям правителей, — проворчал Конан. — И когда сам сде-

лаюсь королем, они от меня этого не дождутся. Короли тоже никому не сочувствуют. В этом они сходны с наемными мечами.

Женщина пропустила сию решительную тираду мимо ушей, отнеся ее на счет молодости своего собеседника.

— Ты слушай меня внимательно, не отвлекайся, — строго молвила она.

— Я не отвлекаюсь, — рассердился варвар. — Старший сын болен и продался каким-то магам, которых никто в глаза не видел, а младший пропал. Вероятно, следует отыскать и вернуть отцу младшего, если старший такая дрянь. Правитель Хоарезма заплатит за освобождение любимого сынка хорошие деньги.

— Ты понял! — обрадовалась женщина. — Да, наш бедный Бертен в плену.

— Или погиб, — добавил варвар.

— Нет, — женщина вновь приблизилась к Конану и жарко зашептала ему на ухо: — Нет, он жив и томится в плену, в страшном плену! Когда барон Велизарий, гнусный разбойник и колдун, высадился в устье Запорожки, только один наш молодой господин, только Бертен, решился бросить ему вызов с малым отрядом, который был положен младшему сыну правителя. Барон захватил его и теперь кормит его душой своего ручного колдуна.

— Или же он погиб, этот ваш Бертен, — упрямо повторил Конан.

— Предложи свой меч нашему правителью, — сказала женщина. — Он щедро заплатит тебе да-

же за попытку освободить Бертена из жуткого, безнадежного плена. Попытайся!

И Конан последовал доброму совету — почему бы и нет, в конце концов? На следующий день он появился во дворце и был представлен пред очи скорбного отца.

Правитель Хоарезма был еще не стар, из чего киммериец сделал вывод о возрасте его младшего сына — лет шестнадцати, почти мальчик. Конан поморщился при одной мысли об этом. Ох уж эти чванливые юноши, дети правителей! Если Конан Киммериец когда-нибудь сделается королем, своего сына он будет воспитывать в строгости. Никаких сумасбродных вылазок. Никакого личного отряда, собранного из юных головорезов и готового идти за своим предводителем в огонь и воду.

— Мне сказали, что ты скорбишь, государь, — проговорил варвар бесстрастно. — Что ты потерял младшего сына и многое отдал бы за то, чтобы вернуть его и прижать к своему отцовскому сердцу.

Обветренное загорелое лицо варвара выглядело равнодушным, и печаль царя пнула сердце правителя шершавой ладонью. С каким безразличием говорят теперь люди о его боли! Как будто сами они никогда не теряли близких и не знают, что такое — утратить дитя.

— Люди рассказали тебе правду, чужестранец, — отозвался правитель, проводя рукой по черной с проседью бороде. — Если ты можешь помочь мне, то рассчитывай на хорошую награду, только не проси места при моем дворе.

Мгновенный взгляд синих глаз полыхнул в зале для аудиенций, как молния. Едва заметная усмешка коснулась губ киммерийца.

— Благодарю за щедрое предложение, владыка, — отозвался Конан, — но я никак не могу занять пост при твоем дворе, поскольку не желаю осесть на одном месте, сделаться грузным и ленивым. Даже визирь не может завоевать себе королевство. А бездомный наемник — может. В этом разница между жирным визирем и бездомным наемником.

Правитель хотел было возразить, что его не-правильно поняли, что он, напротив, никакого места при дворе не предлагает этому безродному бродяге, — но... что-то в ледяном взоре синих глаз остановило его. Внезапно он понял, что наемный меч насмехается. Под личиной бесстрастного, туповатого солдата скрывается изворотливый ум прирожденного жулика и вора.

Как ни странно, это открытие наполнило хоарезмийского владыку надеждой. Именно такой человек в состоянии освободить его Бертена. Если юноша еще жив.

— Я рад, что мы с тобой мыслим одинаково, — кивнул правитель. — Потому я и держу при себе жирных визирий, а хищных зверей отправляю подальше, поручая им различные дела, достойные их доблести.

Тут Конан впервые за время аудиенции широко улыбнулся и протянул руку к слуге, чтобы тот вложил ему в пальцы бокал с вином.

— Расскажи мне об этом Велизарии, — попро-

сил Конан. — Болтают, будто у него на службе настоящий колдун, который пожирает человеческие души...

* * *

В родной деревне Рейтамиры говорили о пожаре. Зарево полыхало по всему небу. До восхода оставалось еще несколько часов, но уже сейчас было светло, как на рассвете. Только страшное солнце всходило на западе. Люди толкались во дворах, задирали головы к небу, переговаривались.

Мать девушки тихо плакала. Она была уверена в том, что ее Рейтамира погибла. Если еще раньше не умучал ее кровавый барон, не истерзали бессердечные солдаты, то теперь-то уж точно настигла ее злая смерть.

Прочие думали совсем о другом.

- Если барону конец, то, значит, мы свободны!
- Стало быть, и дань можно не готовить...
- А тот знатный юноша, сын правителя Хоарезма, — должно быть, и он тоже теперь мертв.
- Он и прежде был мертв, — авторитетно возразил последнему сплетнику деревенский староста. — Его колдуну скормили, забыл?
- А если не скормили?
- А если правитель Хоарезма решит, что это мы спалили замок и извели его сына?
- А если правитель Хоарезма пойдет на насвойной?

Мысли крестьян переходили от одного мрач-

ного предположения к другому. Так уж устроены были эти люди: едва только придет в голову светлая мысль, как мрачные тучи прогоняют ее, словно туча воронья, набросившаяся на кроткую голубку.

И вдруг все разом замолчали.

На дворе показалась Рейтамира. Никто из крестьян не понял, когда и как она пришла сюда. Просто вдруг выступила из темноты. Уже и оплакать ее успели, и счастье мертвее мертвого, а она — живехонька! Платье на ней хорошее, волосы вымыты и убранны под расписной убор, взгляд ясный и строгий. Словно судить своих родных явилась, нарочно покинув Серые Равнины. И с нею — двое, оба при оружии, один колченог и косоглаз, другой обилен телом, могуч и косноязычен.

Деревенские расступились, давая ей дорогу. Мать попробовала было виться возле дочери, видя, что та не только жива-здорова, но и процветает, но девушка едва удостоила взглядом родных.

Решительно отстранила ее Рейтамира, сказала:

— Поздно — я уже замужем. Без моей воли меня отдали, и теперь не невольте — ухожу.

Когда это слово — «замужем» — прозвучало столь отчетливо и откровенно, Аригон заметно вздрогнул. Рейтамира не была его женой. Они даже не разговаривали о ее возможном замужестве. А с ее уст сорвалось так, словно она давно уже видела себя супругой Аригона и ничего другого для своей жизни не мыслила.

Гирканец почувствовал, как грудь его расширяется, наполняется теплом. С женой и другом он начнет новую жизнь. Если только отыщут они землю, куда можно будет поставить ногу и вткнуть первый кол, вокруг которого вырастет большой шатер...

— Куда же ты пойдешь, моя горемычная!.. — завела было снова мать, и опять остановила ее Рейтамира:

— Я за мужем моим не горе мыкаю. Уважай и ты меня — перестань по мне плакать.

И попросила отдать ей приданое, которое до сих пор хранилось в плетеной корзине в девичьей комнатке, которую Рейтамира делила с сестрами. Повинуясь сердитому окрику отца, мать доставила корзину, в руки отдавать не стала, поставила к ногам дочери и боязливо отодвинулась. Оба воина стояли за спиной Рейтамиры неподвижно, точно изваяния, но ощущение смертельной угрозы исходило от них так явственно, что его, казалось, можно было потрогать руками.

Младшие и двоюродные сестры украдкой поглядывали на Рейтамиру — кто завистливо, кто сердито: думали разжиться вышитыми рубашками из сестриного рукodelья, а она, гляди ты, вернулась и все забрала! И попробуй возразить, хотя бы тихонечко: тот рослый спутник Рейтамиры, Вульфил, хоть и поглядывает весело, а спорить с ним не все-таки не стоит, такой в землю кулаком вобьет и сверху разровняет, чтобы и следов не нашли!

В свете пожара спешно погрузили на телегу

хлебы, баклажку с молоком, короб с полотнами, предназначенными для свадьбы Рейтамиры (вот и пригодились!), а разбойник Арригон уже впряжен лошадь деревенского старосты — самую откормленную и лучшую. И все это молчком, без всякого почтения к хозяевам. Можно сказать, открытый, неприкровенный грабеж!

Выезжали со двора, скалясь стрелами, готовыми сорваться с тетивы. Да только здесь можно было и не скалиться. Не посмели в этой деревне противиться лихомству и самоуправству Велизария — не осмелились и Арригону возражать. Что за люди, в самом деле! Стоит ли сожалеть о них!

* * *

Не многое сумел рассказать о Велизарии и его колдунае правитель Хоарезма. Передал Конану некоторые слухи, а заодно вручил ему баклажку с горючей водой. Воду эту изготавливали в Венгрии, и секрет ее состава сохранялся в глубокой тайне.

— Хранил, как величайшую драгоценность, — сказал киммерийцу правитель и глубоко вздохнул. Его ухоженная, густая, черная с проседью борода колыхнулась, и в ней вдруг вспыхнули вплетенные в пряди крошечные кольца с драгоценными камнями. Точно росой была присыпана борода правителя, росой, озаренной рассветным солнцем.

Конан ухмыльнулся собственным мыслям, но вслух проговорил совсем другое:

— Расскажи мне, как пользоваться этой твоей величайшей драгоценностью.

— В этой воде, кроме сорока обычных ингредиентов, которые в сочетании производят жидкость, способную загореться при соприкосновении с воздухом, есть еще сорок первый, нечеловеческий и неземной. Откуда берут его вендицы — остается их неразрешимой загадкой. Ни один человек не расскажет об этом чужаку. Скажу даже более: об этом сорок первом элементе вендиец-мастер может сообщить только своему преемнику. На всю Вендию мастеров таких — не более десятка.

— Должно быть, эта штука стоит целое состояние, — сказал Конан задумчиво, взвешивая на руке баклажку.

Правитель Хоарезма на мгновение насторожился, и камни в его бороде погасли, когда он опустил голову. Но Конан быстро улыбнулся, блеснув зубами.

— Не бойся, правитель! Ты подумал о том, что этот пройдоха-киммериец украдет твою вещь и продаст ее на рынке?

Отец, потерявший сына, в ответ безмолвно кивнул.

Конан хмыкнул.

— Твое предположение не оскорбило меня, потому что подобная мысль промелькнула у меня в голове. Однако любопытство и желание увидеть, как в волшебном пламени сгорит колдун, гораздо сильнее алчности. К тому же, ты ведь щедро вознаградишь меня, не так ли?

Правитель молча приложил к груди растопыренную руку.

— Не сомневайся!

Конан скрчил гримасу. Когда имеешь дело с сильными мира сего, следует быть настороже: никогда нельзя знать наверняка, что выкинет титулованная особа. Иные попадались довольно неприятные — вероломные и жадные. Но случались и щедрые. И таковых обычно больше. Нужно только припугнуть их как следует.

— Я не сомневаюсь, владыка, — молвил Конан. — Расскажи мне теперь о том, как пользоваться этой волшебной водой.

...И никто бы потом не посмел сказать, что киммериец применил полученную ценность не во благо!

Пробравшись к замку, Конан несколько часов наблюдал за ним. Ему, не раз проникавшему в хорошо охраняемые дома вельмож и богачей, не составило труда выяснить, каким образом несут здесь охрану, как часто сменяются стражи и каков порядок прохождения ими по стенам. Ничего особенного.

Впрочем — чему удивляться! Местное население сплошь состояло из трусливых кроликов и глупых баранов (такова была характеристика, которую Конан без колебаний дал жителям этой области, позволившим Велизарию покорить себя и покорно платившим дань этому разбойнику). Естественно, ни один баран не осмелится даже помыслить о том, чтобы проникнуть в твердыню волка.

Воины Велизария — такие же волки, как и их господин, — не могли относиться к покоренным крестьянам без пренебрежения. Замок охранялся, скорее, как дань традиции, ради того, чтобы среди воинов не падала дисциплина. Ну еще и для того, чтобы твердыня действительно выглядела неодолимой.

Ха! Конан ухмылялся и скалил зубы. Для человека, родившегося среди голых заснеженных скал Киммерии, отвесные стены никогда не представляли достаточной преграды. Сняв сапоги и сунув их за пояс, киммериец босиком подобрался ближе к стене. Еще одна беглая тень среди множества колышущихся темных пятен, плодов соития таинственного лунного света и густой листвы деревьев и кустов. Никто ничего не заметил. В замке царили тишина и спокойствие.

Конан хмыкнул еле слышно. Его вытянутая рука коснулась камней стены. И тут киммерийца ожидала первая неожиданность: прикосновение отозвалось неприятной дрожью в кончиках пальцев, и короткие волосы на загривке варвара поднялись, щекоча кожу. Он ощутил присутствие магии.

Эта способность была у Конана врожденной. Он никогда не задумывался о том, имеется ли нечто подобное у других людей. Многие животные чувствуют близость потусторонних сил: кошки выпучивают глаза и застывают в неподвижности, созерцая никому из людей не видимый объект; собаки начинают выть и тоскливо скалить зубы, заранее признавая свое бессилие перед не-

ведомым, от которого даже хозяин не сможет их защитить; кони ржут, бесятся, встают на дыбы и лупят по воздуху копытами... Так почему бы дикому, «нецивилизованному» человеку не реагировать на близость нечистых сил?

Нет таких законов природы, которые помешали бы киммерийцу воспринимать близость магии!

Конан содрогнулся и нашупал баклажку с волшебной горючей жидкостью, как будто хотел обрести в ней поддержку. Отчасти ему это удалось. Теперь он больше не сомневался в своей цели.

Умелые ловкие пальцы рук и ног быстро находили опору в каменной кладке. Прижимаясь к стене всем своим могучим телом, варвар быстро поднимался наверх. В нескольких локтях от края стены он замер, ожидая, пока сверху простучат сапоги. По расчетам варвара, это должно было произойти уже скоро.

Но что-то задержало часовых. Видимо, сцепились языками где-нибудь возле башни, где встречаются два поста. Киммериец скрипнул зубами. Долго еще ему тут висеть? Скоро выпадет роса, станет холодно. Конечно, не киммерийцу бояться ночной прохлады, особенно здесь, в теплом климате, но все-таки это было неприятно. К тому же забираться наверх по влажному камню будет немного труднее. Можно поскользнуться. Конан был высокого мнения о своих способностях скалолаза, но, с другой стороны, никогда не позволял себе расслабляться в таких делах полностью: и на старуху бывает поруха. Особенно если старуха никакого подвоха не ожидает и ослабляет

бдительность, начинает допускать небрежности. Тут-то все и случается... А в свете того, что Конан успел узнать о Велизарии и его колдуна, очень не хотелось бы неожиданностей. Лучше бы уж ничего не случалось из незапланированного.

Солдаты — страшные сплетники, с досадой думал Конан. Говорят, будто самые жуткие сплетники — женщины из гарема, но ни одна наложница, ни один евнух и в подметки не годятся в этом отношении солдату, воинственному наемному мечу.

Отчасти это можно понять. Евнухи сплетничают из свойственной им склонности плести интриги и от подавленного властолюбия: перемывая кости владыкам, они чувствуют себя как бы у кормила власти. Женщины болтают, потому что они любопытны. Но солдаты обмениваются сведениями потому, что зачастую от правильного понимания ситуации зависит их жизнь. Ну и все прочее, что было сказано о женщинах и евнухах, солдатам присуще не в меньшей степени.

Наконец сплетники разошлись. Сапоги протопали над головой приникшего к стене варвара. Конан еле слышно вздохнул. Никогда не думал, что стук сапог стражи отзовется в его сердце такой радостью!

Когда шаги удалились, Конан в несколько рывков преодолел остаток пути и гибко, как кошка, забрался на стену. Огляделся по сторонам и метнулся к лестнице, выводящей на внутренний двор замка. Там тоже все было тихо.

Кони услышали шаги, и один тихонько всхрап-

нул, но на этот звук никто не обратил внимание. Темная несъышная тень пробежала, прижимаясь к стенам, через двор, и скрылась в дверном проеме.

Теперь следовало понять, где Велизарий держит своего колдуна. Если слухи верны, и барон заточил мага в своей крепости как невольника, то колдун должен обнаружиться где-нибудь в подземелье. Ничто не указывает на то, что Велизарий станет нарушать эту добрую традицию — прятать пленников в замечательно сырому, темному и вредному для здоровья подвале.

Конан скрипнул зубами, вспомнив свое знакомство — по счастью, не слишком долгое, — с подобными темницами. Свет киммерийцу не требовался — он недурно видел в темноте. Осторожно ставя ноги на склизкие ступени, варвар начал спускаться под землю.

* * *

Мрак и сырость становились все гуще, так что в конце концов даже киммериец стал задыхаться в этом тяжелом воздухе. Ко всему прочему добавились нездоровые испарения. Здесь пахло, как в гнилом болоте.

— Как в гнилом болоте, где сдохла корова, — уточнил Конан, обращаясь сам к себе.

И почти тотчас из полной темноты ему ответил тихий, сиплый голос:

— Кто здесь?

— А! — обрадовался киммериец. — Берегись, проклятый колдун!

— Ах, — отозвался голос, и все стихло. Капля, сорвавшаяся с потолка и упавшая в какую-то невидимую лужу, звякнула так громко, словно кто-то уронил на каменный пол большой хрустальный бокал, и тот разлетелся на тысячу осколков.

Конан тихо зашипел, ругаясь сквозь зубы. Голос, который дважды отзывался, а затем стих, не был похож на голос колдуна. Очень осторожно киммериец стал пробираться дальше, надеясь отыскать того, кто говорил.

Теперь он жалел о том, что не захватил с собой факела, понадеявшись на свое поистине кошачье зрение.

В таком мраке (возможно, не обошлось и без колдовства!) даже киммериец ничего не видел дальше вытянутой руки.

Под ногами то и дело шмыгали крысы. Дважды остренькие зубки пытались впиться в босую ногу варвара, но Конан отбрасывал нахальных животных ногой, а одного придавил пяткой так, что у зверька хрустнул позвоночник.

Голос больше не давал о себе знать. Конан тем не менее хорошо запомнил направление. Скоро он уткнулся лицом в большую клетку, подвешенную к потолку на тяжелой цепи. Под клеткой валялись обглоданные кости. Киммериец не стал разбираться, что именно это было: остатки трапезы сидящего в клетке или напоминание о прежних ее обитателях.

Конан тронул клетку и не без усилия качнул ее, точно детскую колыбель.

Некто сидящий там зашевелился и вздохнул. Конана обдало зловонием.

— Кром! — прошептал киммериец. — Кто ты?

Хлопнули крылья, по железным прутьям заскрежетали когти. Из чьего-то горла вырвался стон, а затем человеческий голос проговорил:

— Сон.

— Я не сон! — взревел киммериец. — Я — живой кошмар, понял? Хватит морочить мне голову! Кто ты?

— Сон, — упрямо повторил голос.

Конан протиснул пальцы между прутьями решетки и нашупал измазанные чем-то липким перья. Провел, превозмогая отвращение, по горячemu птичьему телу выше, нашел длинное голое сморщенное горло.

— Гриф! — вскрикнул киммериец, убирая руку прежде, чем она познакомится с прикосновением острого тяжелого клюва.

— Сон, — в третий раз проговорила птица и тяжело пошевелилась. — Я сплю.

— Ты не спиши, проклятье на твою лысую голову! — сказал Конан, потеряв всякое терпение и забывая о необходимости быть осторожным. — Я здесь! Я — живой кошмар! Я из тебя все перья вытрясу! Говори, кто ты такой!

— Я... — Гриф несколько раз испустил странный звук, напоминающий клекотание. — Мое имя... Он забрал мое имя! — вдруг выкрикнул он и закашлялся.

Кашель долго перекатывался по длинному горлу. Когти скребли и заскрежетали.

— Бертен, не так ли? — спросил Конан. — Так тебя звали?

— Не помню, — горестно сказал гриф. — Я стервятник. Меня кормят падалью.

— Да уж, — согласился Конан, — воняет здесь изрядно. Ну вот что я тебе скажу...

— Сон, — перебил его гриф и затих.

Конан сильно встрыхнул клетку.

— Ты человек, а я не сон, — объявил Конан. — Я намерен освободить тебя. Мне за это хорошо заплатят.

— За меня заплатят? — переспросил гриф. Он явно не все понял из услышанного. Кроме того, наполовину пребывая в болезненном бреду, заколдованный принц не был до конца уверен в том, что происходящее с ним — реальность. — Кто заплатит за стервятника?

— Твой отец, — сказал Конан. — Ладно, помолчи. Я все сделаю. Ты только слушайся меня. Ты понимаешь?

— Сон... — с облегчением вздохнул гриф, и на Конана полетела новая волна зловония.

Ворча и ругаясь, Конан начал возиться с замком клетки. Для опытного взломщика разобраться с этим замком было бы несложно, но — вот беда! — здесь работали какие-то странные чары. Замок, с виду самый что ни на есть обыкновенный и простой, упорно не поддавался никаким усилиям варвара.

— Магия, — пробормотал Конан. Это слово в его устах всегда звучало как самое грязное ругательство.

— Сон... — отозвался гриф эхом и шевельнул крыльями.

— Очнись, животное! — крикнул варвар, просовывая между прутьями кулак и стукнув грифа в бок. — Где колдун?

— Колдун? — Гриф всполошился и сделался на миг похожим на самую обыкновенную курицу. Он встопорщил перья и затоптался на месте. — Колдун? Какой колдун?

— Здесь был колдун, который превратил тебя в птицу, забрал твоё имя, твою душу, твой разум... Неужели ты ничего не помнишь?

— Ах, ах, — раскудахтался гриф. — Больно, больно... страшно, страшно... Нет, нет, нет, не говори о нем, не говори о повелителе...

— Велизарий? — спросил Конан. Он вдруг догадался, в чём дело. Нет никакого пленного колдуна! Нет, и никогда не было. Велизарий, сам барон — вот кто занимался магией в этом проклятом замке!

— Только не называй его имени, иначе он придет сюда! — жалобно проговорил заколдованный принц. — Я боюсь! И ты боишься!

— Вот уж нет, — объявил Конан. — Кого я не боюсь, так это какого-то глупого колдуна! Жди меня здесь, — торжественно приказал варвар несчастному грифу, как будто запертая в клетке птица могла куда-то подеваться за время его отсутствия. — Я вернусь за тобой. И принесу тебе подарки.

— Мясо? — спросил гриф жадно и сверкнул в темноте красноватым глазом. — Дохлого быка?

Отменно выдержанного быка, пролежавшего на солнцепеке несколько дней?

Конан плонул и стал выбираться из подземелья. Задача упрощалась — и осложнялась одновременно.

Киммериец не сомневался в том, что колдун и творение его рук каким-то образом связаны. Так всегда бывает. Уничтожишь мага — и тотчас рушится все, что он создал. Следовательно, замок, где сейчас находится варвар и где томится пленный Бертен, надежда Хоарезма, вполне вероятно сгорит вместе со своим творцом. Это сильно осложнит задачу по спасению принца.

Осложнит — да, но не сделает ее невыполнимой!

Ухмыльнувшись своей самой отвратительной ухмылкой, Конан покинул подземелье и вернулся в коридор, ведущий во внутренние помещения главной башни замка.

Он миновал несколько пустых комнат, затем поднялся на второй этаж по винтовой лестнице и услышал голоса. Осторожно заглянув в полуоткрытую дверь, киммериец заметил десяток воинов, которые готовились отойти ко сну. Кто-то сидел с кружкой вина, кто-то штопал одежду, некоторые просто болтали, устроившись поближе к очагу. Один или два чистили оружие. Мирная картина.

Конан покачал головой. Жаль, что некоторые из этих славных ребят — если не все — скоро станут добычей огня. Конан был уверен в том, что ни один из добрых воинов не является участни-

ком магии. Большинство даже не подозревает о том, что их предводитель занимается колдовством. Слухи о пленном колдуне, который якобы покорен Велизарием и исполняет его просьбы, распущены, скорее всего, самим Велизарием.

Ну что ж, солдат для того и приходит в этот мир, чтобы покинуть ясное небо и дневное солнце раньше времени. Ни один человек не живет вечно. А солдат живет меньше, чем обычный человек. Зато — весело!

Конан скривил рот. Ничего не поделаешь. Сам киммериец тоже не раз рисковал жизнью. Таковы правила игры, в которую все они ввязались.

Миновав общую залу, Конан прокрался дальше.

И наконец перед ним предстала невысокая резная дверь. Узор в виде сплетенных змей сразу не понравился киммерийцу и заставил его насторожиться. Ну кто еще захочет жить за дверью, которую охраняют змеи, пусть даже не живые, а изображенные на мягкой ореховой древесине! Только колдун.

И Конан прикоснулся к дверной ручке.

Дверь зашипела, змеи ожили и повернули к варвару маленькие плоские головы.

— Ох, какой я плохой! — обратился к ним Конан. — Я ужас какой плохой! Злой и жестокий варвар — вот я кто!

С этими словами он вытащил из ножен острый, как бритва, кинжал и срубил сперва одну плоскую голову, а затем и другую. Истекая ядом, головы упали на пол и покатились по каменным

плитам коридора. Они лязгали зубами и пытались ухватить варвара за ногу, но Конан ловко увернулся от них. Спустя мгновение головы затихли, а извивающиеся на двери длинные, точно хлысты, тела, обвисли. Из них потекла черная кровь. Конан отошел в сторону, чтобы случайно не наступить в образовавшиеся лужи. Он не сомневался в том, что и кровь у этих змей ядовитая.

Обуваться он не спешил. Скоро придется бежать, карабкаться — если он поскользнется и упадет, смерть почти неминуема.

Конан толкнул дверь плечом и вихрем вошел в комнату.

Там было темно, только горела в углу маленькая масляная лампа. Она была заправлена каким-то отвратительным маслом, которое выделяло при горении гнусный удешливый запах.

На низкой кушетке в углу, возле лампы, лежал Велизарий — высокий, худой мужчина со смуглым лицом, на котором выделялся огромный мясистый нос. Казалось, он спал. Широкие ноздри его раздувались, жадно втягивая запах, исходящий от лампы. Конан сделал еще один осторожный шаг по направлению к колдуну и тут заметил, что в темном воздухе над спящим колеблются какие-то странные полупрозрачные фигуры. Киммериец замер. Тени то свивались, сплетались между собой, образуя чудовищные единые существа с несколькими головами и десятком рук, то разлетались по комнате, выворачивая себе конечности в болезненном танце. Их

призрачные пустые рты были распахнуты в бездну, и в самой глубине этой бездны, как показалось Конану, различаются еще тысячи горящих глаз и разинутых в беззвучном крике ртов...

Колдун спал, и Конан видел его сны.

Неожиданно у киммерийца закружилась голова. Лампа выделяла какое-то наркотическое вещество, понял варвар. Оно и вызывало эти жуткие видения, делало их зрымыми, почти осозаемыми.

Если Конан помедлит здесь еще немного, зелье начнет оказывать свое действие и на него. Неизвестно, как долго сможет сопротивляться ядовитым испарениям крепкий организм варвара.

Нужно действовать — решительно и немедленно!

Конан потянулся к баклажке с горючей жидкостью.

В этот миг колдун открыл глаза и устремил их взгляд прямо на варвара.

— Кто ты? — спросил он странным, сдавленным голосом, исходившим из самой его утробы.

Конан вдруг понял, что колдун разговаривает с ним, не разжимая узких, посиневших от судороги губ.

— Я твоя смерть, — ответил Конан, вытаскивая из баклажки пробку.

— Ты умрешь вместе со мной, — равнодушно, ровно проговорил колдун. — Я заберу свою смерть с собой.

— А вот это мы проверим! — воскликнул Конан.

Видения колдуна заметались по комнате, встревоженные. Среди бесплотных теней киммериец вдруг заметил новую, которая появилась только что в призрачной толпе и, видимо, послужила причиной общего беспокойства. Эта новая тень была рослой, жирной, с огромным животом и ногами, похожими на стволы столетних деревьев. Физиономия существа была отвратительной: с гигантскими клыками, торчащими из пасти, с расползшимися по лицу кривыми, слезящимися глазками... И неожиданно Конан понял, что видит перед собой собственный образ — таким, видимо, вторгся киммериец в больное, наполовину отравленное, спящее сознание Велизария.

Брюхо? Толстенные ноги? Слезящиеся глазки? Да это какой-то омерзительный обжора! С чего проклятый колдун взял, что Конан-киммериец выглядит — или будет когда-нибудь выглядеть! — вот так?! Ненависть вскипела в варваре жаркой пеной. Возможно, тяжелое сложение, которым отличался киммериец, и допускает, что к старости онрастолстеет... Если доживет до старости... Если позволит себе сидеть сиднем, ничего не делать, а только лопать и лопать... Но ведь этого никогда не случится!

И Конан решительно облил колдуна с головы до ног горячей жидкостью.

В тот же миг видения исчезли, растворились, как будто были нарисованы, и их смыло потоком воды. Скрылась и образина, представлявшая Конана. Колдун заворочался на своей тахте, застонал, закряхтел. Глаза его закрылись, чтобы рас-

пахнуться вновь — теперь уже свободные от затуманенности видениями.

— Кто ты? — вскрикнул он. Больше не колдун во власти ядовитых испарений магического масла, но перепуганный человек. — Кто ты такой?

— Твоя смерть, — просто повторил варвар. — Довольно ты злодействовал, Велизарий.

— Что тут такое? — Барон провел руками по бокам, нащупал липкое жирное масло. И в то же мгновение вспыхнул, как факел.

Этот горящий сгусток материи был еще жив. Он вскочил с тахты, которая моментально превратилась в костер, и заметался по комнате, зевая, как одинокий, истерзанный тоской волк.

Занялись стены комнаты. Конан, не дожидаясь остальных «чудесных превращений», бросился бежать вон.

Он пронесся по коридору как раз в тот миг, когда из общей залы один за другим высекивали потревоженные воины. Звенело оружие, гремели крики, стучали сапоги по каменным переходам. Весь замок ожила. Но пламя стремительно распространялось по магическому творению Велизария, и никакие человеческие усилия не могли преградить ему дорогу. Один за другим воины оставляли свои попытки загасить пожар и начинали спасать собственные жизни. Но одни оказались заперты огнем в комнатах и погибали там, задыхаясь от дыма и жара, другие, охваченные огнем, катались по полу и умирали от ожогов, третья выпрыгивали из окон и разбивались на каменных плитах двора.

Были, впрочем, и такие, кто уцелел. Но таких оказалось очень немного.

Кашляя и обливаясь слезами, Конан мчался по коридорам, и огненный шар гнался за ним, как живое существо, намереваясь поглотить собственного создателя. Баклажка давно была брошена, огонь пожрал ее, не заметив. Он просто уничтожал все. В этом был смысл его бытия. Таким создали его вендийские мудрецы. Таким сотворил его таинственный сорок первый элемент волшебного состава.

Во все эти премудрости не вдавался киммериец, когда летел, преодолевая по три-четыре ступеньки за раз, вниз, в гадкое вонючее подземелье.

Теперь у него был факел. Замок раскалялся, болото под ногами закипало, крысы лавиной хлынули навстречу варвару и едва не сбили его с ног. Проклиная все на свете, киммериец пробирался по шевелящимся, копошащимся тельцам. Они отчасти спасали его от невыносимого жара.

Наконец перед Конаном предстало само подземелье. Теперь низкое тесное пространство было освещено багровым светом, который исходил от раскаленных стен погибающего замка. В этом свете киммериец увидел мерзкие ржавые пятна на полу, блестящие жирным блеском потеки на стенах, крысиные тушки, во множестве валявшиеся повсюду, и клетку, подвешенную к потолку. Клетка тоже, несомненно, уже нагрелась, хотя ее спасло то, что она не прикасалась к стенам и полу. Но цепь, которой она крепилась к потолку, уже начала накаляться, и верхние звенья ее

светились так, как светится кочерга, долго пролежавшая в камине.

А в клетке, достаточно тесной для грифа, скорчился молодой человек. Прутья впивались в его тело. Руки он просунул наружу, голову подогнул к груди, ноги подтянул к животу. Застыв в этой неудобной позе, он громко стонал и пласал. Слезы, срывааясь с его щек, падали на пол и там шипели и испарялись.

— Бертен! — позвал Конан.

— Сон, сон, сон, — быстро забормотал юноша. — Больно, больно...

Конан без труда сорвал замок с дверцы и начал вытаскивать пленника на волю. Он отбивался и рыдал в голос, явно опасаясь какого-то нового бедствия, которое, несомненно, должно было вот-вот постигнуть его.

— Я хочу тебя освободить, — говорил Конан, сжимая выдергивающуюся руку юноши своими мощными пальцами, точно клещами. — Меня прислал твой отец. Ты поедешь домой, в Хорезм. Ты меня понимаешь?

Молодой человек рычал и вырывался. Конан наконец решился на крайнее средство. Он ударили пленника кулаком по голове и без особого труда высвободил из клетки обмякшее тело. Затем, взвалив Бертена себе на плечо, побежал обратно к лестнице. Здесь творилось настояще безумие. Крысы покрывали ступени сплошным ковром. И по этому движущемуся ковру пронесся киммериец со своей ношей.

А наверху уже бушевало пламя. Набросив

плащ так, чтобы укрыть голову и себе, и освобожденному пленнику, Конан гигантскими прыжками помчался сквозь пожар. Плащ загорелся, но Конан уже вылетел во двор и сбросил плащ на землю.

В общей суматохе воины не обратили внимание на еще одного, вырвавшегося из пожара. Конан скользнул в тень и притаился там, прячась за стволом большого дерева.

Глава вторая

Сто зорких очей павлина

звестный в Хоарезме господин Церинген — торговец шелком, человек богатый, с причудами, но тем не менее весьма уважаемый. В его жизни, конечно, случалось (и до сих пор имеется) немало такого, о чём он предпочел бы никому не рассказывать. Но в целом... в целом он вполне доволен своей участью.

Бывали времена, когда, кроме шелка, господин Церинген приторговывал еще и живым товаром. И не какими-нибудь вульгарными рабами, годными разве что для черной работы в поле, на мельнице или на галере, — вовсе нет! Нежнейшими девушками, отменно воспитанными, выпоенными молочком, благоуханными, искусными в ласках, способными удовлетворить любые запросы мужчины — в постели, разумеется. Не на кухне и не в прачечной.

Господин Церинген сам их воспитывал, сам

отшлифовывал их умения. И о себе при том, конечно, не забывал.

М-да... Бывали времена.

А потом в его жизнь вмешалась злая судьба, и все пошло кувырком.

Началось с того, что господин Церинген отыскал себе нового компаньона, некоего Эйке, с которым собирался отправить караван шелка... И кое-чем еще, о чем этот самый глупый компаньон даже не догадывался. Сие «кое-что», со связанными мягкими лентами руками, помещалось в отдаленной телеге, под строгой охраной. Кроме того, девушки-рабыни были запуганы и охранялись верными слугами Церингена. Никаких неприятных неожиданностей от этого предприятия не предвиделось.

Эйке, как достоверно было известно господину Церингену, — представлял собою сущего теленка. Он был сыном одного богатого торговца, ныне покойного, и совсем недавно принял в свои еще неокрепшие руки бразды правления делами отца. Для целей Церингена такой компаньон был настоящей находкой — состоятельный, неопытный, восторженный.

Но вот незадача — на беду отыскался у Эйке сводный брат, сын отцовой наложницы и наверняка беглый раб. О его существовании Эйке узнал случайно, когда разбирал документы, оставшиеся от покойного отца. Будучи глуп (Церинген настаивал на этом определении), Эйке вознамерился восстановить свою семью. Мол, брат — родная кровь...

Брат этот (чтоб ему провалиться в преисподнюю, к демонам в глотку и глубже того!) оказался сущим проходкой. Не стоило тратить на сыщиков и гроша, чтобы обзавестись подобным родственничком, а неразумный Эйке выложил не один десяток золотых — и все ради того, дабы выудить из самых вонючих трущоб Хоарезма своего непутевого сводного брата Тассилона, черномазую морду.

Эйке обрадовался новообретенному родственнику, приветил в своем доме, посвятил в торговые и прочие дела. Словом, признал за близкую родню.

И вот этот-то прожженный, битый-перебитый, все на свете, кажется, испытавший братец Тассилон и вмешался в замечательные затеи господина Церингена, многоуважаемого торговца из Хоарезма. Всунул, куда отнюдь не просили, свой сломанный в драке нос, вынюхал благовония, коими умащали драгоценных рабынь, а затем решительно внес собственные изменения в столь превосходно задуманный план. И под конец... О том, что случилось под конец всей этой истории, господин Церинген старался не вспоминать, хотя как тут забудешь! Этот самый сводный братец Эйке, этот проклятый Тассилон, да разорвут его чрево демоны преисподней, — этот Тассилон лишил господина Церингена всех его мужских достоинств. Проклятые девчонки, освобожденные рабыни, скрылись. И уж конечно, Тассилон с Эйке помогли им попасть домой, откуда они были с такими трудами похищены. А одну из них, краса-

виду Одилию, робкую и кроткую, Эйке оставил себе. Не для утех — он взял ее в жены. Как такое пережить?

Вечное проклятье Тассилону! Вечное проклятье его легковерному и добросердечному братцу Эйке! И распутной Одилии — тоже! И еще одной женщине, о которой и вспоминать-то неприятно...

Элленхарда — вот как зовут узкоглазую разбойницу, подругу Тассилона, гирканку. Почти черна от загара, волосы вымазаны салом и заплетены в тонкие, как плетки, косицы, а к концам их привешены колокольчики, колечки, тряпичные куколки, кусочки меха, звериные коготки... Женщина-воин, наружностью страшная, как смерть от заражения крови, нравом лютая, словно гирканская зима во время снежной бури, и в общении неприятная, точно пухающая жаба. А Тассилону была эта уродина дороже собственной жизни. Чего ожидать от черномазого, если большую часть своей никчемной жизни он провел в трущобах!

Проклятые, проклятые... И ведь ничего с ними не делается — живут себе припеваючи в богатом доме Эйке в Хоарезме, неподалеку от дворца самого правителя. И поставляют шелка ко двору. Говорят, старший сын правителя, Хейто, в этих шелках ходит.

У принца Хейто — падучая болезнь, да и вообще он юноша очень нервный, склонный к припадкам ярости. А как наденет на голое тело шелковую рубаху, сшитую из товара, поставляемого Эйке, так и успокаивается. Какой-то особенный

шелк, ласковый и прохладный. «Меня словно волшебные пери ладошками по коже гладят», — так объяснял свои ощущения наследник после очередного укрошенного припадка.

Ну почему этому Эйке такое везение?! Почему боги не отомстят ему за то, что он со своим братом-разбойником сотворил с Церингеном?

Постыдная тайна тяготила Церингена. Единственное, на что он надеялся, — смерть всех его недругов принесет ему успокоение.

Свою сладкую месть он начал с Эйке, благо тот жил в Хоарезме и совершенно не скрывался. Считал, видимо, что во всем прав — а правому незачем таиться и прятаться.

Вот и посмотрим, кто здесь прав и кому следовало бы зарыться в землю по самые уши!

* * *

Светлейший Арифин, Венец Ученых, никогда не открывал свое истинное лицо перед непосвященными. Но здесь, как ему сказали, не следует таиться. Дом, куда его пригласили, славен и богатством, и щедростью, и почтением к ученым мужам. Кроме того, хозяин этого дома поражен тяжелым душевным недугом и жаждет очищения. Он ищет знания и рвется вступить в тайный орден, о котором обладает, как и всякий обыватель, весьма смутными представлениями.

Обычным смертным Арифин представлял как мелкий лавочник, торговавший в портовой улочке Хоарезма сладкими булками, холодной фрук-

товой водой, разными травками для жевания, полезными для зубов и бодрости духа, а также забавными амулетиками в виде морских змеек, ракушек и кораблей, вырезанных на скорую руку из кости, дерева и перламутра. Вся это вполне невинная торговля позволяла ему иметь широкие связи, не вызывая ни малейших подозрений.

Ибо под внешностью добродушного, лысого, бородатого крепыша с добрыми глазами скрывался Верховный жрец тайного Ордена Павлина, раскинувшего свои сети по всем крупным портовым городам. Имелись adeptы этого учения и в Хауране, и в Пунте... Но центром их по праву считался Хоарезм — оживленный торговый город, лежащий на перекрестье путей, ведущих в Вендию, город, где всегда бурлила жизнь и решались, как мнилось многим, судьбы всего мира.

— Входи, входи, почтенный, — кланялся Арифину слуга, наученный господином заранее (обычно мелочные торговцы и разносчики недорогого товара встречали в этом доме совсем другой прием). — Господин Церинген давно ждет тебя. Проходи, прошу тебя, в эти покои...

С подозрением оглядев холеного, одетого во все белое, босоногого слугу с безупречно чистыми ступнями ног и выкрашенными красным ногтями, Светлейший Арифин ступил в прохладу покоев дома Церингена. Со всех сторон глядели на него изображения птиц, бабочек, цветов. В маленьком бассейне посреди мраморного пола плескали золотые рыбки.

Слуга бесшумно скользил впереди по холод-

ным плитам. Шлепая дешевыми сандалиями, Арифин едва поспевал следом за проворным слугой. Его смуглая лысинка покрылась каплями пота, а от внезапного перехода с уличной жары в полуумрак и прохладу богатого дома Светлейшего бросило в дрожь. Тем не менее он не позволил жалкой плоти одерживать верх над высоким духом, и дрожь постепенно улеглась, укрощенная кратким молитвенным заклинанием.

Господин Церинген ждал почтенного гостя в шелковых апартаментах, удобно устроившись в креслах между тоненьким столиком из красного дерева и изящным резным шкафчиком, полным тонкой полупрозрачной посуды, которой никогда не пользовались, — изделиями умельцев Китая.

— Любезный... э-э... Почтенный... Достопочтенный мой и дражайший Арифин! — захлопотал Церинген навстречу гостю.

— Мой титул — Светлейший Венец Ученых, — негромко произнес Арифин, останавливаясь среди покоев.

— Церинген... э-э... Хоарезмийский, — представился торговец шелком и, привстав, склонил голову.

Оба замерли, рассматривая друг друга.

Церинген был изнеженным, манерным человеком средних лет, увы — без бородки, с неприятным, даже визгливым голосом. Это впечатление усиливалось привычкой слегка растягивать слова при разговоре. Он полулежал, облокотившись о вышитые шелком подушки и жеманно обмахиваясь кружевным платком.

Арифин, напротив, выглядел подчеркнуто земным, плотским человеком, стоящим обеими ногами на твердой почве. Крепкий, загорелый, с короткопальными руками, он казался воплощением Повседневности.

— Садись, прошу тебя, — махнул бледной рукой Церинген, указывая на кресло.

Не теряя достоинства, Арифин опустился на подушки.

— Окажи мне честь — угощайся, — продолжал Церинген.

Слуга тем временем безмолвно расставлял на столике вазочки с засахаренными фруктами, цукаты, апельсины, кувшины с вином и подслащенной водой.

— Благодарю, — молвил Арифин, даже не пошевелившись.

Повисло молчание. Церинген нервно ерзал на подушках — ждал каких-то немедленных и сногсшибательных откровений. А простой торговец мелочным товаром, которого при другом положении вещей и близко бы к этому роскошному дому не подпустили, рассматривал господина Церингена холодными, оценивающими глазами и безмолвствовал.

Наконец он обронил:

— Да... Душа твоя в великом смятении, брат непосвященный, и только Ее Высочество Павлин может исцелить тебя светом своего серебряного ока...

Все это звучало непонятно, но чрезвычайно заманчиво. Церинген тихонько засопел, а Свет-

лейший Арифин взял на колени вазочку с цукатами и принял с аппетитом кушать.

Затем он вновь обратился к хозяину дома, совершенно не смущаясь тем обстоятельством, что говорит с набитым ртом и по густой всклокоченной бородке у него течет сладкая густая слюна:

— Наш Орден — тайный, и всякий, кто прикасается к сокровенному знанию Павлина, обязан хранить эту тайну до конца своей жизни. Кара за разглашение — смерть!

— Очень хорошо, — кивнул Церинген.

— Кроме того, ты не должен содрогаться при виде жестокости, не должен иметь в душе своей страха смерти, не должен бояться пыток, вообще должен уметь отрешиться от всего земного...

— Хорошо, — повторил Церинген.

С аппетитом жуя и шумно потягивая прямо из кувшина, Светлейший Арифин рассказывал новому адепту о своем Ордене, основной целью которого является, несомненно, разрешение всех проблем и трудностей, которые, подобно плотинам по весне, запружающим реки, возникают в человеческой душе или препятствуют мертвому течению человеческой жизни.

— Мы отрицаем зло, — вещал Арифин, — и служим исключительно добру, а омовение в Источнике Павлина позволяет нам настроиться на философский лад и тем самым разрешить любую проблему.

— Любую... — прошептал Церинген.

Арифин удостоил его ледяным взором.

— Любую! Ибо все препятствия — вот здесь, —

он указал на грудь, — и вот здесь, — он сильно ткнул себя пальцем в лоб. — И больше их нигде нет! Мы не одобляем шумных, многолюдных ритуалов, не практикуем жертвоприношений, как это делают невежественные идолопоклонники и приверженцы древних богов. Ну вот, например, если ты не слышал: гирканцы поклоняются Четырем Ветрам. Дарят им дым от сожжения мяса жертвенных животных и считают их повелителями четырех времен года. Ну не глупость ли это? А в Киммерии — это такая далекая горная страна, приспособленная для жизни коз или каких-нибудь туполобых яков, — там верят в злобного бога Крома. Этому Крому даже молиться бесполезно, он только на то и годен, чтобы принять в свои железные объятия погибшего в битве воина. Что он делает с женщинами или немощными стариками, которые отходят от земной жизни в Серые Страны, — это неведомо даже самим киммерийцам. Исключительно глупая религия! Но это — для невежд, а мы — мудрецы. Так оставим же все мирское бренному и несовершенному миру! Мы верим исключительно в умственный и духовный контакт с нашим покровителем — Павлином.

— Следует ли понимать павлина как некую птицу, которую выкармливают ради того, чтобы она представляла собой божество... или же сия птица является конкретным телом, в котором вожделенное божество может воплощаться? — осмелился вопросить Церинген.

Светлейший Арифин поперхнулся цукатами и

несколько минут отчаянно кашлял, побагровев так, что Церинген не на шутку перепугался и даже позвал слугу, дабы тот помог гостю освободиться от застрявшего в горле кусочка. По счастью, все обошлось, и Верховный Жрец избежал столь бесславной кончины в доме торговца шелком (что вызвало бы кривотолки и в конце концов могло бы привести к разоблачению тайного ордена!).

Наконец Арифин изволил дать пространный ответ на столь невежественный вопрос:

— Павлина надлежит понимать не буквально, но иносказательно, как вместилище множества божественных очей, неустанно и неусыпно взирающих на нас из иного мира — мира, где вершатся низменные судьбы людей. Туда, в этот мир, надлежит стремится всей душой, окном же является Павлин. Ибо Павлин представляется в виде Силы, порождающей все события и явления нашей жизни. Для умения пользоваться этой Силой необходимо поверить в Павлина, научиться вступать с ним в контакт и открывать перед ним все свои помыслы без страха и утайки, без сомнений и колебаний. Однако перед тем, как приступить к обращениям к Павлину надлежит изгнать из своего сердца зло — разрушительную силу, которая мешает тебе усовершенствоваться.

Господин Церинген заскучал. Однако он чувствовал, что за всеми этими высокопарными словесами скрывается нечто совершенно реальное, а именно: хорошо замаскированная организация, разветвленная, с большим числом обученных

братьев. Есть среди них, конечно, умствующие жрецы, но наличествуют и умелые, опытные организаторы, а также имеются и проворные, не знающие сомнений и состраданий исполнители. И уж в чем-чем, а в том, что у этих исполнителей крепкие кулаки, быстрые ноги и острые кинжалы, господин Церинген был более чем уверен.

Так что остается одно: вступить в число братьев Ордена Павлина, омыться в «ритуальном источнике очищения» (что бы это ни означало на самом деле), поведать собратьям о надругательстве, которое произвели над ним, господином Церингеном, Эйке со своим братом и его подругой... и просить помощи.

* * *

Не подозревая ни о каком могущественном тайном ордене, который вот-вот ополчится на его мирный дом, Эйке радовался рождению первенца — красавица Одилия подарила ему дочь.

Впрочем, «дочь» — слишком громко сказано. Чертесчур помпезное наименование для крошечного существа, оповестившего о своем появлении на свет громкими криками. Девочка была толстенькая, хорошенская (как казалось ослепленным радостью родителям) и обладала завидным аппетитом.

Одно только омрачало семейное счастье: старший сводный брат, Тассилон, был теперь далеко и не мог видеть племянницу.

Старый Игельгус, старший доверенный писец

при хоарезмийском дворе, давний приятель отца Эйке, явился с визитом дружбы к молодому купцу, как только были проведены все надлежащие очистительные обряды, и мать с младенцем перестали таиться в глубине дома, опасаясь дурного глаза.

Игельгус сразу заметил, как преобразился некогда унылый, холодный и заброшенный дом старого друга. В последний раз старший доверенный писец посещал купца незадолго до его смерти. Отец Эйке готовился отойти в мир иной уже несколько лет, поскольку страдал от неизлечимой болезни, и совершенно запустил хозяйство.

Ему было безразлично, что происходит вокруг него. Его разум погрузился в страдания немощного тела, а всякие уборки и попытки ремонта, которые затевали домашние, раздражало господина, он начинал плеваться кровью и желчью, а потом у него случался приступ.

Поэтому все ходили на цыпочках и переговаривались только шепотом, стараясь не производить громких звуков.

А потом старый хозяин умер. В права наследства вступил Эйке. Он тоже некоторое время не решался что-то менять в доме, как будто в любой момент мог явиться строгий отец и сделать ему выговор, а то и наказать. И только после женитьбы на Одилии все в этом доме изменилось.

Игельгус не мог не радоваться столь благотворным переменам.. Тогда все здесь кричало об отсутствии хозяйствской руки, стены просили побелки, фонтан давил скучную слезу и умолял об

очистке, а веселые росписи внутреннего дворика слепо таращились осыпавшимися глазами и, казалось, подмаргивали — мол, поднови нас!

Сейчас все это радовало глаз свежими красками. Фонтан журчал, как и положено фонтану, на маленькой клумбе пестрели цветы. Весь дом преобразился, помолодел.

Эйке принимал гостя во внутреннем дворике возле фонтана, как тот любил, — без особых церемоний, но от души, угощал прохладной водой, сладостями. На краткое время показалась из по-коев Одилия. Старик так и ахнул при ее появлении. Она и раньше была чудо как хороша, но сейчас... Материнство явно пошло ей на пользу. Это была статная, уверенная в себе женщина, хозяйка дома.

Что с того, что не сын у нее родился первым, а дочка! В любви Эйке она была уверена. Как и в том, что сумеет подарить ему еще одного мальчишку.

— Для начала сойдет и девочка, — отшучивался Эйке, как и полагалось в Хоарезме, где все мужчины традиционно предпочитали видеть вокруг себя сыновей. Однако Игельгус понимал, что молодой отец по-настоящему счастлив.

Говорили о прошлом, вспоминали отца Эйке, поминали и Тассилона — что-то сейчас поделяет сводный брат в гирканских степях?

Странный он человек. Когда его разыскивали в какой-то жуткой вонючей норе в воровских кварталах Хоарезма, он даже не удивился. Пшел с людьми Эйке так, словно оказывал им величай-

шую любезность, и не снимал руки с кинжала. И подруга его, гирканка, кралась следом, как будто выслеживала добычу.

Старший брат не без удивления понял, что младший, законный наследник их общего отца, действительно готов полюбить вновь обретенного родственника. И нехотя, сопротивляясь новому, незнакомому для себя чувству, ответил на этот родственный призыв. «Брат, — сказал ему тогда Игельгус, — это друг, которого дала нам сама природа». Что ж, Тассилон сумел это доказать. Он помог Эйке обзавестись прекрасной женой и лютым врагом, а после сел на коня — и был та-ков. И Элленхарда исчезла вместе с ним.

— Тассилон упрям, — задумчиво проговорил Игельгус. — И горд. Он рассказывал тебе о том, как бежал из Аграпура?

— Да, — кивнул Эйке. — Наш отец продал его в рабство, когда Тассилон был еще ребенком, а в Аграпуре хозяин отправил его работать на разгрузку кораблей...

— У Тассилона редкий дар выживать при любых обстоятельствах. Раньше ему помогало желание отомстить вашему отцу, которого он ненавидел за вероломство и предательство отцовского долга. А теперь, я думаю, такой же всепобеждающей силой стала для него любовь.

Эйке покачал головой.

— Есть вещи, для меня непостижимые, почтенный Игельгус. Избранница моего брата, эта Элленхарда, — некрасива... Она злая и к тому же не любит его. Неужели эти обстоятельства, взя-

тые все совокупно, до сих пор не остудили его сердца?

И тут случилось неожиданное. Старший и доверенный писец, опытный, прожженный цареворец Игельгус... расхохотался. Это даже слегка обидело Эйке:

— Я разве сказал что-то смешное?

— Нет! — Он отер слезы, выступившие от смеха. — Но и ничего умного ты тоже не изрек, а над глупостью иной раз и посмеяться не грех.

Эйке вспыхнул. Быстро же перестал он быть балованным мальчишкой, попавшим в историю! Теперь он — купец, глава пусть небольшого, но вполне надежного и к тому же растущего торгового предприятия, хозяин хорошо обустроенного дома. И незачем над ним потешаться.

Все это так очевидно простило на его обиженном лице, что Игельгус не удержался от искушения — хмыкнул:

— Не держи обиды на старика. Избранница твоего брата вовсе не некрасива, она лишь непохожа на твою прекрасную супругу. Нет ничего удивительного в том, что ты находишь Элленхарду непривлекательной — ведь Одилия совсем другая... У каждого народа свои представления о красоте, не забывай об этом. Но кто осудит тебя за то, что, кроме жены, ни одна женщина не способна тебя пленить?

Эйке покраснел еще гуще.

— Я вовсе не говорил о том, чтобы кто-то меня пленял... Просто Элленхарда плоская, как доска, высокомерная, злая... неблагодарная...

Игельгус задумчиво проговорил:

— Я помню, как впервые увидел ее. Она держалась вежливо, ни на мгновение не забывая о своем высоком происхождении. Она — сестра степного вождя, пусть даже все их племя и было истреблено врагами... У нее на сердце лежит вечная горечь. Но вот что любопытно... Ты никогда не задумывался над тем, что она спасла жизнь твоему брату, когда он бежал из Аграпура?

— Задумывался... — соврал Эйке. На самом деле чувства и поступки Элленхарды были ему безразличны.

— Почему она решила выручить незнакомого человека?

— Из гордости, — буркнул Эйке.

— Не только...

— В который раз ты даешь мне понять, почтенный, что я — всего лишь самонадеянный мальчишка! — сдался Эйке.

— Ничего подобного, — отозвался Игельгус. — Ты и без меня превосходнейше все понимаешь. Впрочем, я пришел поговорить совершенно о другом.

— Я слушаю тебя.

Старший доверенный писец помолчал, как бы собираясь с силами, а затем выговорил, четко и раздельно произнося каждое слово:

— Несколько лет назад я заметил странности, творящиеся при нашем дворе. И в последнее время убедился в том, что в Хоарезме созревает заговор...

* * *

Тассилон, о котором так много говорили и думали сразу два купца из Хоарезма, его брат и его враг, действительно был человеком неприятного нрава. Его мать, чернокожая рабыня из Дарфара, принадлежала его отцу больше десяти лет. Затем она умерла от лихорадки, которая прицепилась к ней еще в Дарфаре, еще в те годы, когда она была свободна (мать называла эту болезнь, время от времени возвращавшуюся и вонзившую свои зубы все глубже и глубже) «последним поцелуем свободы». Так и случилось — в один прекрасный день этот поцелуй оказался слишком крепким, и женщина заснула вечным сном.

А вскоре родился Эйке — законный наследник от законной старшей жены. И чернокожий мальчик с большими черными глазами был отведен на невольничий рынок.

Он вырос озлобленным и очень сильным физически. Его перепродаивали множество раз. Покупали ради крепких мышц, а продавали из-за отвратительного характера. Один раз галера, на которой он греб, едва не пошла ко дну — гребцы попытались передраться, потому что Тассилон ухитрился перессорить всех.

Последний хозяин поставил Тассилона на разгрузку корабля. С тяжелой бочкой или тюком на шее, Тассилон тащился по причалу и зло косил глазами в поисках какой-нибудь жертвы. Хорошо бы, например, подвернулся беспечный пассажир с этой галеры. Тассилон как бы нечаянно уронил

груз на него. Ах, какие чудесные вышли бы из этой «оплошности» беды и неприятности! Какой крик подняли бы господа свободные люди! Самого Тассилона, конечно, избили бы до полусмерти, но зато какое удовольствие он получил бы при виде искаженных болью лиц, разинутых в вопле ртов, выпущенных от ужаса глаз... О, эти свободные господа страшно боятся покушений на свою драгоценную шкурку! Ну до чего боятся — просто кошмар.

И жертва отыскалась. На самом конце причала Тассилон увидел верзилу, сидевшего праздно под лучами жаркого солнышка, свесившего босые ноги в воду и любовавшегося, видите ли, брызгами воды! Солнце в них, в этих брызгах, видите ли, играет! Тыфу! Глядеть противно.

Верзила также не вызвал у Тассилона добрых чувств. Загорелый, мышцы под гладкой кожей так и перекатываются. Нечесаная копна черных волос валится на плечи, а в синих глазах — ленивое удовольствие от жизни.

Вот на него-то и уронил бочку с молодым вином «неловкий грузчик».

Что тут началось!

...Что тут началось!

Конан очутился в Аграпуре без гроша в кармане и как раз обдумывал, где и каким способом разжиться деньгами. Но день выдался слишком хорошим, слишком уж расслабляющим, чтобы всерьез размышлять над такими конкретными вещами. Весь мир вокруг киммерийца был размытым, нечетким, в полуденном мареве плавали

приятные видения — танцующие женщины, золотые монеты, фонтаны с прозрачной сладкой водой, бочки с вином... Одна такая бочка — совершенно реальная, в отличие от мечтаний киммерийца, проплывала поблизости. Она лежала на крепкой шее раба-грузчика. Грузчик этот мрачно сверкал глазами, синеватые белки его глаз были пронизаны красными прожилками. Толстые губы покрылись засохшими корочками. Конану не однажды доводилось бывать в похожих ситуациях, он знал, что этот раб хочет пить, что у него скверное настроение, что он ненавидит целый свет — и особенно свободных бездельников. Что ж, киммериец испытал подобное, но это не означает, что теперь он будет бросаться на грудь каждому невольнику с криком: «Брат!». Нет уж. Этот чернокожий парень с бычьей шеей и бычьей грудью пусть сам выбирается из передряги.

И Конан преспокойно отвернулся, любуясь искрами солнца, рассыпанными по воде гавани.

Что-то тяжелое неожиданно рухнуло ему на голову, и свет для Конана померк. Он успел услышать оглушительный треск, затем теплая липкая влага потекла по его лицу, попала на губы. Конан ощущил ее вкус, немного удивился — кровь никогда не бывает такой сладкой, такой терпкой — и, не успев разрешить эту загадку, потерял сознание.

А Тассилон стоял над поверженным верзилой и хохотал во все горло. Он видел, что по причалу уже бегут люди, и впереди всех скакет надсмотрщик, заранее размахивая плетью. Нехорошая

плеть, в каждый из трех ее хвостов вшит свинцовый шарик. Тассилон сморщил нос, поразмыслил мгновение — и прыгнул в воду.

Он поплыл сразу, хотя прежде никогда толком не учился. Соленая морская вода держала его, точно на широкой доброй ладони. Она попадала в рот и в нос, и у Тассилона вдруг начала распухать от раздражения слизистая. Он стал чихать, пытаясь избавиться от неприятных ощущений, но только еще хуже забивал нос. «Еще немного — и я задохнусь», — подумал он, продолжая упрямо грести.

Он ничего не видел. Впереди не было ничего, кроме ослепительного солнечного блеска. И вокруг него ничего не было — только плеск воды. Сзади доносились крики, на воду уже спускали лодку, чтобы догнать негодного раба. Тассилон не обращал на это внимание. Если ему суждено умереть сегодня, пусть это случится сегодня.

А потом впереди показалась преграда. Тассилон слепо ткнулся в нее, точно котенок в забор, несколько раз царапнул пальцами, срывая ногти. Что-то опустилось сверху, стукнуло его по макушке, и Тассилон вдруг ощутил, что его черные волосы стали горячими, что голову сильно напекло солнцем. Стукнуло еще раз. Он закричал, вода хлынула ему в горло.

Тассилон закашлялся, и тут наконец его руки — которые непостижимым образом оказались умнее своего хозяина! — вцепились в нечто. Весло, как он сообразил позднее, потому что в тот миг ничего не понимал. И кто-то сидящий в лод-

ке — потому что преграда, в которую он уткнулся, была ничем иным, как бортом небольшого суденышка.

Чей-то пронзительный, как у морской птицы, голос крикнул сверху:

— Я тяну тебя!

Тассилон начал перебирать пальцами, продвигаясь по веслу вперед. Затем его с усилием выдернули из воды, и он тотчас схватился за край борта.

— Опрокинешь! — прокричал голос. Весло выпустили, и оно в очередной раз стукнуло Тассилона, теперь по плечу. Он закричал от боли, но не разжал пальцев, продолжая держаться за борт лодки, в котором видел все свое спасение.

Некто, оставив весло, отошел к другому борту, чтобы уравновесить суденышко.

Но маленький кораблик бешено раскачивался на волнах, как будто его трясли пальцы очень нервных богов.

Наконец лодка немного успокоилась. Тассилон с трудом перевалил через борт и рухнул на дно. Затем он закрыл глаза.

Когда он открыл их, над ним склонялось лицо. Это было лицо гирканки, смуглой, узкоглазой, окаймленное множеством тугих косичек. А по щекам у нее змеились шрамы. Два глубоких неровных пореза, заживших совсем недавно.

— Элленхарда, — сказала гирканка.

Он понял, что это — ее имя. Его пальцы сами собой потянулись к ошейнику, закрепленному на его шее, просунулись в узкий зазор между метал-

лической полосой с выбитым на ней именем имени хозяина и натертой кожей.

— Тассилон, — хрипло сказал чернокожий беглец, — свободный человек.

А Конан на причале тем временем пришел в себя. Он обнаружил, что представляет собой жалкое зрелище. Великолепное тело варвара бесильно лежит в луже молодого красного вина, которое пенится вокруг него, точно кровь. Конан опустил палец в лужу, облизал. Точно, вино. Ощупал себе голову. Броде бы, цела. Только шишка над левым ухом, но это совершенно неважно.

Кругом суетились люди. Надсмотрщик тряс плетью и ругался на чем свет стоит. Несколько ленивых, разморенных солнцем скотов, которых Конан определил как подручных главного надсмотрщика, опускали на воду лодку.

Одно весло потерялось — его искали, потом весло нашлось — но беглец, кажется, уже утонул... Или нет, вон он... Или утонул... Может быть, вообще не стоит искать какого-то глупого раба? Ну, сбежал... Он ведь все равно утонул...

— Он совершил нападение на господина, — орал главный надсмотрщик, кося глазом на Конана.

Киммериец, конечно, не являл собой чудо-респектабельности. Но все-таки он был свободным человеком. И, что еще существеннее, обладал хорошо тренированными мышцами. А за плечами у него имелся великолепный меч. Поэтому следовало изобразить гнев и негодование

на строптивого упрямца, который осмелился — страшно молвить! — треснуть бочкой с вином по черепу столь внушительную персону.

Конан зевнул.

— Утонул, говорите? — сказал он. — Ну, если меня угостят здешним вином, я не буду на вас в обиде. Оно, кажется, недурно.

Вот таким было знакомство Конана с Тассильтоном. Они видели друг друга мимолетно и при довольно странных обстоятельствах, но тем не менее остались друг у друга в памяти. Так устроен этот мир. Не только все короли и вельможи в нем знакомы между собой, но и все сколько-нибудь значительные жулики, наемники и воры могут похвастаться взаимным знакомством.

И когда судьба свела Конана с Тассильтоном второй раз, они сразу же узнали друг друга...

* * *

После визита Венца Ученых Арифина к господину Церингену прошло всего несколько дней, а план совместных действий был уже разработан. Аdeptы ордена действовали быстро.

Для начала к Церингену явился совсем другой человек, который не назвал своего имени — показал лишь печатку с изображением павлина и произнес слова «Венец Ученых». Этот человек не был похож на Арифина — серенький, незаметный, малозначительный, какой-то шмыгающий. Тем не менее вскоре господин Церинген имел случай убедиться, что перед ним — выдающийся

стратег и тактик по части разрушения чужой жизни.

Прелесть плана, предложенного сереньким человечком, заключалась в том, что Эйке будет наказан (а желательно и удушен, хотя лучше было бы довести его до самоубийства) исключительно чужими руками. Никто из знакомых господина Церингена участвовать в этом не будет.

Напротив. Злейшими врагами Эйке должны будут выступить его собственные друзья, служащие, прислуга — словом, те, кого он никак не может заподозрить в недобрых замыслах. При этом и сами невольные злоумышленники до поры не будут догадываться о своей роковой роли в несчастьях, которые посыплются на Эйке одно за другим.

Для начала надлежало составить список людей, пригодных для использования в дьявольской операции. Была произведена сложная разведка и в конце концов определены подходящие кандидатуры. В их число входила домашняя прислуга и двое приказчиков из лавки, где шла различная торговля шелком и изделиями из этой ткани.

Что касается Игельгуса, то его надлежало устраниить. Старший писец обладал, по мнению серенького человечка, слишком ясным зрением и слишком трезвым умом. Он может догадаться о сути происходящего значительно раньше, чем союзники господина Церингена нанесут Эйке решающий удар. Кроме того (об этом Церингену, естественно, не рассказывали), Игельгус вообще, ка-

жется, слишком много разведал такого, о чём посторонним для ордена людям знать не полагается...

Господин Церинген с упоением слушал, как серенький развивает перед ним свои планы. Безупречная вязь интриги доставляла Церингену почти осязаемое наслаждение, как будто он пропускал между пальцами шелковистое кружево. Только при упоминании о необходимости убийства Игельгуса господин Церинген брезгливо поморщился.

— Неужели нельзя без... э-э... все-таки это как-то грязно... И неэстетично... Кроме того, я — сторонник мирных... э-э... исходов... Пусть лучше он сам себя... того... Мирно и тихо...

— Невозможно, — прошелестел человечек, сидевший на краешке предложенного ему кресла (однако, заметим, сидевший прочно!). — Довести Игельгуса до самоубийства — дело слишком хлопотное. Кроме того, он умен. Он не станет этого делать.

— А если ему... э-э... доказать, что все люди... дурны? Даже его друзья... ну... не без порока... А?

— Он и так об этом знает. Нет, возможно только физическое устраниние. Мы возьмем это на себя. Именем Павлина, человек, называющий себя «Игельгусом», причастный к оскорблению нашего брата, приговаривается к исчезновению с лица земли!

— Клянусь молоком Бэлит! — забормотал господин Церинген, в бессилии обмахиваясь платком. — Как это поэтично!

Глава третья

Все краски лжи

а, бываю на свете такие счастливцы: сядут посреди широкой степи, разведут костер, положат под голову седло, укроются плащом — вот уже им и тепло, и уютно, как будто они ограждены от всех бед недоброжелательного, холодного мира прочными стенами. Как это получается — только богам и ведомо.

Тассилон к числу таких счастливцев не принадлежал. Он постоянно ощущал какую-то невнятную, неопределенную угрозу, исходящую от пустого пространства, в котором — как ему мнилось — они с Элленхардой болтались, неприкаянные и одинокие (беззащитные!), точно лягушки, угодившие в большой чан с молоком. И это мешало ему быть безоглядно счастливым с той, которая стала для него дороже жизни.

Элленхарда, напротив, чувствовала себя вполне довольной. Она снова находилась в гиркан-

ской степи, вокруг расстилались бескрайние просторы, под вольными ветрами пригибалась трава. А вот сама Элленхарда — не трава и под ветром гнуться не станет. Ей было хорошо, весело и вольно. Вот уж не думала, что станет засыпать и просыпаться на мужской руке! Оказалось — это и тепло, и уютно. Любовь — как шатер, надежное укрытие от любой беды. Так думала Элленхарда.

Тассилон с тревогой поглядывал на свою подругу. Она по-прежнему оставалась маленькой и хрупкой, почти девочкой, несмотря на свой буйный нрав.

Много воды утекло, много песка переместилось вместе с кочевыми барханами с места на место, прежде чем они с Элленхардой стали любить друг друга.

Поначалу, оказавшись в одной лодке возле аграпурской гавани, они непрерывно собачились. Девушка избавила парня от рабского ошейника и тотчас стала злобиться на него.

— Зачем только я вытащила тебя из моря — сама не понимаю, — ворчала она.

— Ну так дала бы мне утонуть, — отвечал он.

— Сбросить бы тебя обратно! — грозилась она.

— Не получится, я буду кусаться, — обещал ей Тассилон.

Она рассказала Тассилону свою нехитрую историю. Их небольшое племя погибло во время одной из многочисленных маленьких войн, которые то и дело вспыхивают между гирканцами. Из всей родни в живых у нее оставался брат — может быть, до сих пор он где-то скитается по

свету. Элленхарда ничего так не хотела, как разыскать его.

Ради этого она взяла в руки лук и короткий меч и отправилась бродить по свету.

Рано или поздно их дороги пересекутся. Говорят, нет таких наемников, которые не были бы знакомы между собой. Почему бы гирканке не попытать счастья?

— Но ведь ты — женщина, — возражал ей Тассилон. — Неужели ты всерьез полагаешь, что солдатское ремесло — для тебя?

— Чем я хуже тебя? — огрызнулась девушка. — Бывают ведь женщины-воины! И сражаются не хуже других.

— А вдруг ты полюбишь мужчину настолько, что захочешь иметь от него детей? — вкрадчиво предположил ее друг.

— Не дождешься! — фыркнула Элленхарда.

Вдвоем они нанимались в армии к воюющим властителям, предпринимали дерзкие грабительские рейды, а потом, утопив свою лодочку во время неудачного полукирского набега на рыбачью деревушку, подались в Хоарезм и там на долго завязли в трущобах воровских кварталов. Тассилон планировал ограбление какого-нибудь богатого купца. Желательно, собственного отца. И желательно — с убийством.

Но судьба опередила его. Тассилон узнал о том, что несколько месяцев назад отец его умер.

А вскоре Тассилона нашел его единокровный брат Эйке. И Тассилон понял, что не в силах возненавидеть этого парня, который глядит на него

с такой искренней радостью, с такой братской любовью.

И тогда Тассилон плонул на все, чем жил эти бесконечные годы неволи. Он отказался от давней жажды мести и вошел в семью сводного брата.

И тут же, сам того не желая, втравил Эйке в скверную историю. Но больно уж мерзкой показалась Тассилону затея работоговца Церингена. Поэтому они с Элленхардой взялись укротить «укротителя рабынь», в чем и преуспели. Эйке, благодарный брату за спасение от бесчестья, кавковым он почитал работоговлю, предлагал Тассилону оставаться в Хоарезме, но чернокожий сводный брат отказался.

И ушел из Хоарезма вместе с Элленхардой. К тому времени они уже жили как муж и жена.

И теперь, странствуя с ней по гирканским степям, Тассилон не на шутку беспокоился о своей подруге.

Что будет, если она почувствует, как в ее теле зарождается новая жизнь? Выдержит ли? Ему казалось, что Элленхарда совершенно не приспособлена для материнства. Впрочем, об этом даже и речи пока что не шло.

Из Хоарезма они двинулись на север и обошли весь Туран. Некоторое время промышляли в Султанапуре, но затем им пришлось покинуть этот роскошный город и спешно уходить в пустыню. Едва не погибнув в смертоносных песках, они все же добрались до степей, а там, перевалив через горы и обогнув северную оконечность великого внутреннего моря Вилайет, они перебра-

лись в Гирканию и теперь направлялись на юг — к реке Запорожке. Возможно, там они сумеют найти для себя место... Хотя Тассилон уже сейчас провидел всю бесплодность этой затеи. Нигде на целом свете не найдется такого места, где оба они смогут жить спокойно и счастливо. Обязательно същутся «доброжелатели» — любители смущать чужой покой, которые вмешаются, начнут расспрашивать.. Ах, почему это вы такие разные!.. Ах, как это так — у юной девушки такие ужасные шрамы на щеках!.. А кто это ее порезал? Неужто сама? Как это — в знак траура по родным? Обычай такой? Варварский обычай, прямо скажем... Великие боги, значит, все ее родные погибли? А почему это, интересно, они не отправились жить к родичам ее мужа? Нет, как хотите, добрые люди, а тут дело нечистое... И у приятеля этой странной исполосованной шрамами девицы тоже какая-то подозрительная рожа... Почему он чернокожий? Что делает негр так далеко от Черных королевств? А что это у него на шее — не след ли от ошейника? А что это у него на спине — не рубцы ли от кнута? И какие выводы можно сделать из всего увиденного?

От таких мыслей делалось не по себе, и Тассилон ворочался на земле, подолгу не мог заснуть.

Элленхарда, напротив, всегда спала отлично — сном праведницы. И никаких серьезных планов на будущее не строила. Жила себе, как птица поет. Тассилон завидовал ей.

Иногда он думал о своей умершей матери, о единокровном брате. Одилия уже должна была

родить первенца. Интересно, кто появился на свет — племянник или племянница?

Хорошо все-таки знать, что где-то есть у тебя брат. Богатый и любящий. Брат, к которому всегда можно завернуть, чтобы залечить раны и отогреться...

Тассилон вдруг понял, что хотел бы иметь свой собственный дом. Не кочевые, а самый обыкновенный дом. На четырех столбах. И чтоб с крепкими воротами!

* * *

Впервые они встретили людей на своем пути в двух днях перехода до реки Запорожки. Десяток пастухов перегоняли стадо коров ближе к становищу. Издалека было видно большое облако пыли, поднятое стадом. И вот провалиться Тассилону на месте, если он, Тассилон, понимает, каким это образом Элленхарда отличает облако пыли, поднятое безобидным стадом коров, от облака той же самой желтой степной пыли, поднятой копытами лошадей смертельно опасной для одиночных путников лавины вооруженных всадников!

Однако девушка не ошиблась. Она могла, разумеется, и не знать, что встреченные кочевники принадлежали к здиристому, хвастливому и жизнерадостному гирканскому племени, которых ничего не стоило вызвать на шутейный поединок. Собственно, она этого и не знала. Но план, мгновенно созревший в ее юной головке, украшенной косичками и шелковым платком с наши-

тыми на него монетками, поразил Тассилона не-прикрытым коварством и прямо-таки аспидным знанием человеческой природы.

— Когда-нибудь ты поплатишься жизнью за все свои проделки, — проговорил он, нахмурившись. — Ты уверена, что сумеешь сделать то, что задумала?

— Ах, не останавливай меня, пожалуйста! — отозвалась Элленхарда. Она сердито тряхнула косичками, прикусила губу. — Почему ты всегда вмешиваешься? Я ошибаюсь куда реже, чем ты!

Тассилон вынужден был признать, что это правда.

— Просто я боюсь, — проговорил он в последней попытке удержать ее от шага, который представлялся ему безрассудным.

— Тебе давно пора перестать! Ты — вооруженный мужчина, свободный человек, воин! Гляди, как бы я не пожалела о том, что связала свою жизнь с твоей!

С этими словами она во весь опор помчалась навстречу незнакомым кочевникам.

Поначалу это вызвало у них смятение: они решили было, что наткнулись на какое-то незнакомое враждебное племя, которое перекочевало в эти степи и пытается занять чужие пастбища. Однако затем гирканцы удостоверились, что всадник всего один.

— Эй! — крикнули Элленхарде. — Кто ты и что тебе нужно?

— Ай, ай! — отозвалась Элленхарда, придергивая коня. — Какие тут невежливые люди!

Теперь она кружила вокруг пастухов, щурилась, цокала языком и покачивала головой. Именно так вел бы себя уверенный в себе воин, не побоявшийся бы вступить в поединок с десятком противников, которых он откровенно считает слабаками.

Гирканцы не верили собственным глазам. Девчонка! Лет шестнадцати, не старше! Хоть бы вырядилась по-мужски — так нет! Халат запахнут на левую сторону, косички перевязаны цветными ленточками, в некоторые вплетены бубенчики и амулеты. Но глаза из-под платка глядят злые, разбойничьи, а нежный рот ехидно улыбается. И розоватые щеки ползут по округлым девичьим щекам...

Поверить увиденному показалось вначале невозможным.

Дружно рассмеялись пастухи. Подозревали отставших — пусть повеселятся. Экое диво из степи выскочило и кривляется!

Но Элленхарда смутиить себя не позволила. Остановилась.

— Какие вы все тут невежливые... — повторила она. — Кто вас вырастил, кто только таких выкормил, кто научил уму-разуму — да и научил ли?

— Клянусь Четырьмя Ветрами! — воскликнул один из них. — Да кто ты такая, девчонка? Откуда выскочила? На вид ты, вроде бы, дохлая, но если пощупать — так может быть и сладенькая... — Тут он плотоядно улыбнулся, явно расчитывая смутить собеседницу.

— Я — не для мужской забавы, — отрезала Элленхарда. — Я — воин.

Новый взрыв смеха встретил это самоуверенное заявление. Давно уже пастухи так не веселились.

— Ты воин? — переспросил тот, что затянул с ней разговор. — Да, вижу — носишь саблю, и лук у тебя исправный, но разве это делает тебя воином? У кого ты украла оружие?

— Я добыла его в бою, — сказала Элленхарда спокойно.

Это было чистой правдой.

— Ай-ай! — в притворном испуге отшатнулся один из гирканцев. — Да к нам тут нагрянуло, я погляжу, страшное нашествие!

Элленхарда молнией наклонилась к нему с седла.

— Хочешь — сразимся? — быстро предложила она. — Победитель получает оружие побежденного и одну корову.

— Говоря о «корове», ты имела в виду себя? — осклабясь, осведомился гирканец.

— Говоря о «корове», я имела в виду корову, — отрезала Элленхарда. — Поскольку вряд ли ты будешь хорошо доиться...

Тут товарищи гирканца и предали его — засмеялись. Молодой воин покраснел от жгучей досады.

— Воистину, жаль тратить слова попусту! Я научу тебя вежливости! — молвил он Элленхарде, хватаясь за оружие.

— Тихо, тихо! — остановила его Элленхарда. —

Поединок наш — для развлечения, не ради крови. Остынь — не следует начинать такое дело с гневом в сердце. Мы ведь не убивать здесь друг друга собирались, не так ли?

— Ай да девчонка! — выкрикнул другой гирканец. — Вот так госпожа! Если она так же ловко управляетя с оружием, как со словами, то, глядишь, и впрямь тебя одолеет, брат...

Оба противника начали кружить друг против друга. Оружие в их руках было настоящим, однако убивать они действительно не собирались — целью таких поединков, затеваемых ради «чести», было обезоружить или прижать к земле «неприятеля».

Элленхарда была уверена в победе: молодой гирканец еще совсем недавно ни о чем подобном не помышлял, серьезного соперника в девчонке, разумеется, не видел, а она затевала свою игру давно и не первый день готовилась.

Не напрасно Элленхарда с Тассилоном тренировались, долгими часами обливаясь потом на солнцепеке, размахивая мечами, атакуя, отступая, блокируя удары. Тело запомнило каждое движение и действовало, не спрашивая разум, — самостоятельно. Вся воля перетекла в меч, и уже не человек ведет благородное оружие, но само оружие, словно бы оживая в руке, ведет за собой человека. Это как танец, как любовное сонтие...

Мужчина-воин совершил первую ошибку, когда отнесся к Элленхарде — девчонке! — как к несерьезному противнику. Она почти сразу удивила его, ловко уклонившись от первых ударов,

сперва небрежных, а затем и более осмотрительных.

Поначалу она не нападала — только выжидала, присматривалась. Бледное лицо с полосками заживающих шрамов на щеках больше не казалось гирканцу детским. Перед ним была уверенная в себе женщина, давно уже не ребенок. Взгляд ее темных узких глаз пугающе притягивал к себе. Молодой воин вдруг с удивлением понял, что она очень красива.

И в этот момент она усмехнулась и с силой ударила его плащмя по голове. В отличие от молодого человека, Элленхарда не промахнулась — гирканец со стоном вывалился из седла на землю.

Элленхарда наехала на него конем и указала на поверженного острием своего меча.

— Ты убит, — бесстрастно молвила она.

Гирканец пошевелился на земле, обхватил обеими руками голову. Его товарищи безжалостно хохотали, наблюдая эту сцену.

— Ай да красотка! — повторил один из них.

Элленхарда обратилась к нему:

— Хочешь попробовать?

Восхищавшийся Элленхардой молодецки отмахнул рукой:

— И попробую!

— Берегись, красавица! — закричало еще двое. — Этот — хитрец! Он смотрел, как ты бьешься, — его старым способом не уложишь!

— У меня много способов укладывать мужчин, — холодно молвила Элленхарда.

Ее новый противник даже не улыбнулся, за-

слышав это хвастливое замечание. Что-то таилось в этой юной девушке такое, от чего холодок пробегал по спине. Гирканец молча приготовился к бою. Он кружил и кружил, выжидая, и Элленхарда не выдержала — нанесла первый удар. Как и следовало ожидать, гирканец ловко избежал прикосновения стали. Но теперь очередь была за ним.

Ай! Элленхарда едва успела отпрянуть. Новый противник гораздо опаснее прежнего, это она успела понять с первого взгляда. Но и на него найдется управа. Ей требовалось выдержать по меньшей мере три поединка. Мысленно она призвала богов.

Рука сама подняла меч. Клинки, зазвенев, скрестились. Удар. Снова удар. Всхрапнула лошадь, Элленхарда посильнее скжала колени — вперед! Кругом молчали. Не раздавалось больше подбадривающих криков, никто не бил в ладони, не смеялся, не подначивал противников.

Перед Элленхардой был крепкий мужчина, привыкший побеждать. Не юнец, пробующий свои силы в шутейном поединке с красивой женщиной, которая называет себя воином. Этот — взрослый мужчина. И он, если одолеет, не станет вспоминать о поражении сородича в первом бою. Он возьмет Элленхарду себе, сделает женой или наложницей — как пожелает. Потому что он знает, как надлежит поступать победителю.

— Бей! — кричал в ее голове отчаянный голос Тассилона. — Не медли! Бей, дорогая! Клянусь Бэлит, клянусь нашей любовью, ты можешь победить!..

Элленхарда мотнула головой, пытаясь отогнать назойливый голос.

И вдруг Элленхарда заметила, что ее меч окутало странное сияние, и теперь оружие совершенно вышло из ее воли — оно металось, как бешеное, и увлекало за собой руку, отражало и наносило удары, взвивалось над головой, чтобы обрушиться сверху, рассекало со свистом воздух, коварно подбираясь сбоку...

— Бэлит! — закричала девушка, яростно атакуя своего противника.

— Хватит! — воскликнул вдруг гирканец и отступил. В его голосе прозвучало удивление. — Ты убьешь меня, красавица, а этого совсем не нужно делать.

— Сдаешься? — не веря собственным ушам, спросила Элленхарда. Она тяжело дышала и стала теперь белее мела.

— Да, — кивнул воин. — Вижу, что ты сильнее.

— Не может быть! — вырвалось у его товарища. — Я не могу поверить, чтобы девочка одолела тебя...

— Но это правда... — Гирканец перевел дыхание, покрутил головой, как бы изумляясь случившемуся, и наконец через силу рассмеялся: — Она взяла верх! Она — воин получше любого из нас. Пусть выберет себе корову, как мы и договаривались...

— Погоди. — Теперь уже несколько пастухов стали горячиться. — Не решай за всех. Раз уж мы начали эту забаву, давай закончим ее как должно.

— А как должно? — вмешалась вдруг Эллен-

харда. — Биться со мной, пока я не выдохнусь и один из вас не одолеет меня? Много ли чести в такой победе?

Мужчины замолчали. Потом первый противник Элленхарды проговорил:

— Пусть уходит.

— А корова? — прищурилась Элленхарда.

— Отдайте ей корову!

Мужчины снова запшумели. Элленхарда хорошо понимала, что не дает им покоя: сейчас они отпустят «этую девчонку», а она потом будет рассказывать всем и каждому, как побила нескольких гирканских воинов, одного за другим. Как же! Никто не позволит ей уйти просто так.

Нет. Женщина должна быть побеждена. Иначе этим храбрым мужчинам не знать покоя до конца дней своих. В конце концов, они вообще могут позабыть все условия их договора — просто навалятся гуртом, скрутят ей руки... и доказывай потом что-то, кричи о «честном поединке»! Да кто же эдакой нелепице поверит!

Для того, чтобы предотвратить подобный поворот событий, и была предусмотрена вторая часть хитроумного замысла Элленхарды.

Неожиданно перед противниками появился второй всадник. Это был рослый, широкоплечий чернокожий воин в пыльной одежде. Его черные вьющиеся волосы выбивались из-под наполовину размотанного тюрбана, налитые кровью глаза горели яростным огнем, толстые губы были искусаны.

Он явно проделал долгий путь. Он был взбе-

шен. Он кричал еще издалека, что должен догнать эту разбойницу и отомстить ей. Он умолял гирканцев оставить ее в живых — чтобы можно было поквитаться.

Ах, как любопытны бывают воины! Как жадно смотрели они за развитием событий! И все-токазалось им интересным и важным. Да, следует запомнить все увиденное, чтобы потом рассказывать и пересказывать: и как этот всадник настиг девчонку, и как угрожал ей, и как смотрела она на него ледяными глазами...

В конце концов, как и предвидела Элленхарда, мужчины сговорились между собой против женщины. По этому договору незнакомец, если одолеет девчонку, забирает целых две коровы в знак вечной дружбы. Что до двух поражений, которые Элленхарда успела нанести гирканцам — что ж, об этом ведь никто не узнает. А вздумай Элленхарда похваляться своими победами — так ей, пожалуй, и не поверят...

Может быть, кто-нибудь из следивших за третьим поединком Элленхарды и видел, что здесь все подстроено заранее: и премудрые финты и выпады из-под локтя, и ловкие ретирады, и быстрые атаки. Может быть. Во всяком случае, бой Тассилона с Элленхардой выглядел чрезвычайно эффектно.

И Тассилон, разумеется, победил.

Они оба, конечно, знали, что Тассилон победит. Более того: сама Элленхарда все это и придумала. Но как она побледнела, когда увидела острие его меча у себя под горлом! Какое бешенство

засверкало в ее глазах! Теперь даже Тассилон усомнился — а было ли впрямь все это проделано по ее воле? Не оскорбил ли он ее, упаси Бэлит от такого несчастья?

Конечно, оскорбил! В углах ее рта закипела пена, когда она принялась шипеть:

— Ты был третьим, с кем я сегодня вышла на бой! Можешь похвальяться своей победой над женщиной, которую двое твоих предшественников вымотали поединками и предоставили тебе усталой!

Тассилон отступил, не обращая внимания на злые выкрики Элленхарды.

— Я забираю коров, — обратился он к гирканцам.

— Ты это заслужил, — благодарно отозвался тот воин, что бился с Элленхардой вторым. — Девчонка сущий демон. Кто знает, может быть, ей помогают духи... Или же вселился в ее юное тело какой-нибудь бесприютный демон, который и помог ей одержать те две победы?

— Просто она хороший боец, — сказал предсмотристый Тассилон. — Говоря по правде, в молодецких забавах она давно превзошла своих братьев...

— Почему же ты гнался за ней? Грозил убить, а теперь защищаешь!

— Она украла у нас целое стадо...

Тассилон рассказал замечательную историю о том, как Элленхарда подкралась к этому самому стаду, как выпустила из мешка целую стаю тушканчиков и принялась свистеть в деревянную ду-

делку и верещать нечеловеческим голосом, как пастухи вдруг оказались посреди целого моря этих самых тушканчиков и нешуточно перепугались: известно ведь, что Небесный Стрелок, громовержец, ненавидит мелких грызунов и, едва завидев, начинает метать в них огненные стрелы... в общем, люди разбежались, а Элленхарде только того и надобно: вылетела из темноты и погнала стадо прочь.

Стадо, конечно, вернули, но за оскорбление решили отплатить... Впрочем, не оскорбление и было — шалость.

Но шалость обидная...

Впрочем, не такая уж обидная...

В принципе, не след девице заниматься проказами, какие только молодцам пристойны, да и то в юном, нерассуждающем возрасте...

С другой стороны, чем девица хуже...

Слово за слово — восстановился мир, и вот уже Тассилон с Элленхардой, позабыв взаимные обиды, сидят у костра вместе с гирканцами, попивают кислое кобылье молоко и обмениваются новостями и сплетнями.

Хорошо в степи...

* * *

Здешнего вождя звали Салимбеном. Был он молод, красив и удачлив. Правду говорят, нрав вождя и его удача всегда сказываются на судьбе целого народа. Вот и гирканцы, встреченные на берегу озера Вилайет, при более близком знаком-

стве показались пришельцам людьми приветливыми и смешливыми, с короткой памятью на неудачи.

А что молод вождь этих кочевников — так на то существуют советчики. В наследство от отца достался Салимбену умудренный годами Трифельс. Как тень, всегда за плечом молодого вождя старый советник.

Салимбен еще не отыграл свое, не насытился молодостью. Приветливо встретил своих людей и незнакомцев, которых те привели. Разговаривая с вождем, Элленхарда назвала своих предков до шестнадцатого колена и о каждом рассказала что-нибудь важное: перечислила их победы, назвала имена покоренных врагов; она знала и прозванья их жен, и число юрт, бывших в их становищах. Салимбен слушал, благосклонно улыбаясь, а под конец молвил так:

— Клянусь Четырьмя Ветрами и их небесными конями, красавица, следовало усадить тебя не на женской, а на мужской половине, чтобы над головою у тебя висели мечи и колчаны, а не бурдюки да платья! Ты, как я погляжу, и сама могла бы сделаться славным вождем для своего народа!

Элленхарда бесстрастно смотрела на него немигающими глазами.

— Благодарю тебя за приветственное слово!

Тассилон все это время молчал. Широко махнув рукой, Салимбен молвил:

— Будьте же вы оба моими гостями. — И обратясь к служанкам, добавил: — А с этой госпожой обходитесь так, словно она — воин!

Девушки переглянулись и прыснули. Никакой почтительности! Слишком молод повелитель, слишком беспечен. Наверняка успел уже удостоить каждую из этих девчонок своей ласки... что, впрочем, никак не может считаться предосудительным.

* * *

Бурдюк с дурманящим молочным напитком переходил из рук в руки, голова уже туманилась и становилась тяжелой, когда Тассилон встретился глазами с Трифельсом — советником молодого вождя.

Трифельс не был пьян. Он смотрел на гостей холодно, изучающе. Тассилон почувствовал, как в животе у него растет кусок льда. Старик что-то заподозрил...

А Трифельс как ни в чем не бывало протянул Тассилону кусок мяса:

— Попробуй вот это, — предложил он.

Тассилон взял. Мясо было жестким, круто посоленным, нащипованым чесноком и еще какими-то резко пахнущими пряностями.

Трифельс поднялся и на нетвердых ногах направился к выходу из юрты. Вслед ему полетели смешливые замечания, однако старый советник не обратил на это никакого внимания.

Помедлив, Тассилон последовал за ним.

Ночь была холодной, над головой ярко горели крупные звезды. Трифельс ждал, смутно выделяясь в темноте.

— Твоя подруга складно говорила сегодня перед нами, — бесцеремонно заговорил старик.

— Она не подруга мне, — ответил Тассилон, — а госпожа и жена моя.

— Я так и понял, — кивнул Трифельс. Он задрал голову к небесам и вздохнул. — Ох, великие боги! Когда же у людей открываются глаза, чтобы они могли замечать очевидное!

— У иных — никогда! — огрызнулся Тассилон. — Иначе ты заметил бы нечто вполне очевидное: ни я, ни моя супруга ничего дурного против твоего народа не замышляем!

Трифельс вдруг рассмеялся.

— А это я, представь себе, как раз и заметил! И то, что она говорила о своих предках, — тоже правда. Кое-что из рассказанного ею я слыхал и прежде... Да, она знатного рода... Но как же вышло, что столь высокородная и прекрасная госпожа путешествует одна?

— Со мной, — напомнил Тассилон.

Трифельс смерил его глазами.

— Ты согреваешь ее по ночам и кормишь днем, — сказал старый советник двух вождей, умершего и ныне здравствующего. — Но это еще не означает, что она не одна... Кто выдумал всю эту историю с коровами?

— Она...

Тоска вдруг охватила Тассилона. Неужели старик прав?!

Может быть, Элленхарде и впрямь не нужен спутник-мужчина? Согревать ее по ночам, кормить днем...

Что ж, в конце концов, пусть так. Ему для счастья, кажется, большего и не нужно.

Трифельс призадумался.

— Я присматриваю жену моему вождю, — пояснил он. — Твоя спутница вполне подошла бы ему...

— Нет! — вскрикнул Тассилон.

Трифельс удивленно поднял брови.

— Почему же нет? Знатное происхождение, умение держать себя, красота... Лучшей жены не сыскать. Я знаю, на кого заглядываетя Салимбен, — на дочь нашего соседа, да только этот брак мне не по душе.

— Почему?

— Потому что красота иной раз оборачивается проклятием. Не один мой вождь мечтает об этой девушке. Может начаться война, а нет ничего хуже войны между соседями. Если то, что я слышал о племени Элленхарды, — правда, то тебе это тоже должно быть известно. Не оттого ли и шрамы на ее щеках?

— Я не отдам, — хрипло проговорил Тассилон. — Я не отдам тебе мою Элленхарду.

Трифельс еще раз вздохнул.

— Боюсь, мой вождь и сам ее не захочет...

Тассилон схватил Трифельса за полу халата.

— Прошу тебя, позволь нам уйти! Мы не станем тревожить ни тебя, ни твой народ! Дай нам одну корову вместо двух обещанных — и позволь уйти! Клянусь, ты никогда больше о нас не услышишь!

Старый советник опустился на землю, скре-

стив ноги, и жестом пригласил Тассилона последовать его примеру.

— Вот что я скажу тебе, — заговорил он спокойно. — Вы можете уйти, и мы позабудем о вашем существовании, но ответь мне наконец правду: от кого вы бежите?

— От злой судьбы... — нелепо ответил Тассилон.

Старик с досадой ударил кулаком по земле.

— Послушай меня! Сегодня ты показал мне все краски лжи, от белоснежной, когда ложь рядится в одежды правды, до самой черной, когда ложь обнажена и сверкает своей опаленной шкурой! Если я начну доискиваться, где ты не солгал, то не закончу и до самого своего смертного часа! Отвечай — или клянусь богами, я выпущу тебе кишки!

Тут Тассилон с удивлением обнаружил, что Трифельс готов привести свою угрозу в исполнение: в руке он держал длинный кинжал, и острие этого самого кинжала было направлено как раз Тассилону в живот.

— Хорошо, — пробормотал он, — какую правду ты хочешь?

— У правды только один цвет, — отозвался старик. — Отвечай: почему вы скитаетесь по степи, точно безродные бродяги?

Глава четвертая

Возвращение «грифа»

своей полной приключений жизни Конан предпочитал путешествовать в одиночку. Спутники — за редким исключением — его обременяли. И давно уже не случалось ему обзавестись таким компаньоном, который не просто отягощал бы ему дорогу, но стал самой настоящей головной болью. Расколдованный принц Бертен упорно продолжал считать себя грифом и держался соответственно.

Конан отказался наконец от идеи объяснить парню, кто он такой. Пустая трата времени, как выяснилось. Поэтому киммериец перестал с ним разговаривать и просто тащил его за собой, безмолвно (а иногда и вслух) проклиная глупость самонадеянного юнца. Сунулся, не подумав, в логово Велизария! Знал ведь о колдунах...

Велизарий, конечно, хитер. Распустил слухи о подчиненном ему маге, а сам упорно сохранял

личину обычного воина. Ну, может быть, достаточно свирепого, беспощадного к побежденным, но все-таки вполне земного человека, которого возможно одолеть храбростью и силой. А оказалось — вот что... Разве мага одолеешь обычной храбростью? Тут нужно нечто большее.

Как раз по плечу таким героям, как киммериец Конан. Но уж никак не всяким Бертенам из Хоарезма. Глупо влип мальчишка.

Конан тащил с собой принца на веревке, потому что добровольно «гриф» идти отказывался. То и дело он останавливался, топтался на месте, тянул шею и бил себя по бокам руками в тщетных попытках взлететь. Конан, бранясь, дергал его за веревку и несколько раз ронял таким образом в пыль.

Клокоча и ворча: «сон, сон, сон...», Бертен следил за своим освободителем.

Когда впереди на дороге показалось небольшое облако пыли, Конан плонул в сердцах: еще какие-то люди! Надо бы поскорее миновать их...

Но миновать путников не удалось. Еще издалека Конан узнал нескольких человек из замка Велизария.

Воин с раскосыми глазами — несомненно, гирканец, лучник, — его киммериец приметил еще с первого раза, когда наблюдал за замком. При нем здоровенный верзила, северянин — может быть, из Асгарда, — наверняка приятель и соратник. Киммерийцу не раз доводилось видеть, как сходятся между собой противоположности. Ему и самому не раз доводилось водить дружбу с людь-

ми, совершенно на него не похожими: с кхитайцами, теми же гирканцами.

И чем больше размышлял Конан об этих двух воинах, тем меньше нравилась ему мысль о возможной схватке с ними. Будь Конан один, без обременяющей его нагрузки в лице сумасшедшего принца, — тогда еще можно было бы попытаться. Но с Бертеном на шее...

Третий путник оказался женщиной. Конан не стал придавать ей большого значения — даже с этого расстояния он видел, что она — не воин, просто подруга одного из солдат. Вероятно, северянина, он все-таки симпатичнее.

Те, на телеге, тоже заметили всадника. Гирканец потянулся за луком, северянин только плечами повел — он в любое мгновение мог выхватить свой огромный меч. Конан пустил лошадь рысью и догнал телегу.

— Привет вам, — сказал он, сверкая белозубой улыбкой.

«Гриф», почуяв знакомый запах велизариева замка, забеспокоился, закрутил головой, затоптался на месте и испустил несколько пронзительных криков.

— И тебе привет, — отозвался гирканец.

Конан мгновенно понял свою ошибку: гирканец в этой парочке старший, и женщина, конечно же, принадлежит ему. Не может женщина принадлежать не старшему. Не бывает иначе. Либо — в очень редких, практически невозможных случаях — вождь является собой образец добродетели, милосердия идержанности по части

женского пола. Но женщина как всякое слабое существо так уж устроена: она и сама, по доброй воле, стремится принадлежать лидеру.

Гирканец смотрел на Конана неприязненно. Он, конечно, не мог знать, что именно этот рослый, мускулистый человек спалил замок барона, убил самого барона и вытащил из подземелья сумасшедшего пленника. Но что-то, видать, почуял.

— Мое имя Конан, — сказал киммериец, желая проявить вежливость. В конце концов, совершенно не обязательно рассказывать этим людям разные подробности своей биографии, но сообщить имя стоит. Незачем ссориться на дороге.

— Арригон, — буркнул гирканец, — а это Вульфилы.

Вульфилы производил обманчивое впечатление «безобидного богатыря». Выражение лица глуповато-добродушное. Да еще и заика. Впрочем, асгардец давно уже понял, как пользоваться этим недостатком в собственных, далеко не всегда безобидных целях. Начнет какой-нибудь человек прислушиваться сочувственно, как спотыкается косноязычный на каждом слове, кивает, внимая: мол, не спеши, горемыка, не волнуйся — выслушаю до конца, не перебью... Ан этого-то как раз делать обычно и не стоило, ибо последнее слово, выдавливаемое Вульфилой с трудом и запинками, зачастую несло с собою самую что ни на есть ядовитую пакость. И поворачивалось дело таким образом, что сострадательный слушатель выходил перед косноязыким Вульфилой

распоследним болваном. И в драку с таким обломом не всяк полезет, ибо даже в дружеской потасовке Вульфилы запросто мог проломить человека голову — от простой чрезмерности сил.

Конан обменялся с мощным северянином быстрым, ревнивым взглядом. Оба остались друг о друге неплохого мнения, поскольку каждый решил: «Ну, этого-то я при случае заломать сумею».

Арригон, змей многохитрый, все это видел, проницал и посмеивался в жидкие усы. Рейтамира помалкивала. Сидела за спиной у мужа на телеге, придерживая рукою мешок с припасами, невидяще глядела, как поднимается за колесами пыль, а то безразличным взором обводила тянувшиеся мимо деревья.

Впервые в жизни она покинула родные места. И горько от этого делалось, но и радостно. Дома теперь — какое житье? В родном селении все знают, какому надругательству подверглась она в замке Велизария. Еще и сочиняют, небось, подробности, обсасывают, как собака косточку: мол, и то с нею там делали, и это. Находятся любители обсудить и просмаковать детали подобных историй. И чаще всего — что самое смешное — любители эти в повседневной жизни оказываются безобиднейшими людьми, не способными даже муху, кажется, прихлопнуть без скорби сердечной. Но вот свербит что-то на самой глубине души, хочется чего-нибудь кровавого и жуткого... а более всего — чтоб женщину помучили, а им бы поучаствовать. Стоя в сторонке и проливая жиденькие слезки. Вот и прикрывают ужасом удо-

вольствие: на словах — «ах, ах, как все страшно», а там, внутри, копошится приятное щекотание.

Впрочем, все это вполне невинно и безобидно... пока касается одних только мечтаний. Но вот ежели для таких невинных удовольствий пользуются твоими собственными бедами... Да еще начинают провожать тебя жадными глазами, словно ощупывая сквозь одежду каждый синяк, оставленный железными пальцами насилиников... Тут уж как ни высокомерься, как ни задирай носа, как ни прячься за плечо мужа — а от чужих мыслей не скроешься.

Поэтому Рейтамира без колебаний согласилась навсегда оставить родину. И это было ее собственным решением, ибо Арригон не стал бы ей ничего навязывать.

Сказать, что гирканец жизни без Рейтамиры не мыслил, было бы явным преувеличением. Захоти она остьяться, пади ему в ноги с мольбою отпустить ее, освободить от этого брака — никакими богами еще не освященного, заключенного только перед людьми! — и он не стал бы ее неволить.

Но она ни о чем не попросила. И Арригон был этому, пожалуй, рад.

Киммериец ей не понравился, но она промолчала. Арригон заметил, конечно, как ежится его подруга, но решил до времени не обращать на это внимания.

Продолжил разговор со встреченным на дороге путником как ни в чем не бывало:

— А кто это с тобой?

Конан метнул взгляд на Бертена. Тот то подскакивал к лошади, то шарахался в сторону, словно примериваясь, нельзя ли вырвать из конского крупа кус мяса.

Арригон заметил колебания киммерийца и добавил с бесстрастным видом:

— Если мой вопрос показался тебе неуместным, не отвечай — я не сочту это невежливым.

— Почему же, — сказал Конан, — я вполне могу ответить на твой вопрос. Мой спутник безумен. Он считает себя птицей. Если точнее говорить, то падальщиком.

— З-заколдован? — жадно спросил Вульфил.

— Может быть, — не стал отпираться киммериец. — Я должен возвратить его отцу, но вот думаю: стоит ли печалить старика? И того довольно, что он оплакивал этого юношу, считая его мертвым. Узнать, что сын жив, но все равно что умер, — тяжелое бремя.

— Ты можешь привезти его тело, — предложил Арригон. — Старик похоронит его с почестями и обретет успокоение. А о его безумии никто не будет знать, кроме тебя.

— Н-неплохо! — восхитился Вульфил.

Но Конан покачал головой.

— Я все же надеюсь вернуть ему рассудок.

— Еж-жели рассудка н-н-нет, то его н-негде взять! — рассудил Вульфил.

— Позаимствую у кого-нибудь, — сказал Конан, — у кого ума переизбыток. Найдется же такой человек!

Арригон не улыбнулся, но в его узких глазах

мелькнула искра веселья, и Конан успел ее заметить.

— Ты воин, — проговорил Арригон, — и я не отказался бы видеть тебя в своем отряде.

— Вместе с грифом? — уточнил Конан.

Арригон кивнул. Рейтамира поежилась и прижалась теснее к мужу, но Арригон, казалось, даже не заметил этого. Вульфилла сморщил нос, однако от замечаний воздержался. На дорогах не безопасно, а лишний меч не повредит.

— Куда вы направляетесь? — спросил Конан, когда телега вновь двинулась вперед, и киммериец на своем коне затрусиł рядом, а Бертен, влемский веревкой, побежал бок о бок с конем.

— По правде говоря, и сами пока не знаем, — признался Арригон. — Я хочу основать новый род. В Гиркании найдутся земли, где можно будет поставить шатер. Вот туда и еду. А ты?

— Пока мальчишка безумен — мне все равно. Потом я должен буду вернуть его отцу, но это, похоже, произойдет нескоро, — ответил Конан довольно уклончиво. Ему не хотелось называть Хоарезм. Его новые спутники достаточно проницательны, чтобы догадаться, откуда взялся сумасшедший юноша. Разговоры о хоарезмийском принце, который томится в колдовских подвалах замка Велизария шли давно. Вряд ли воины барона не знали о пленнике.

Киммериец решил пройти часть пути с этими людьми. Возможно, что-то в их действиях пробудит в принце спящий разум. В конце концов, именно эти воины долгое время оставались тю-

ремщиками Бертена. Вдруг они сыграют роль в исцелении младшего сына хоарезмийского владыки?

Конан не без оснований полагал, что за рехнувшегося наследника ему в Хоарезме много не заплатят.

Они двигались на север вдоль побережья моря Вилайет. Спешить было некуда. Время от времени попадались небольшие селения и даже городки, но путники обходили их, как правило, стороной.

Никому из них не хотелось встречаться с местными жителями. По крайней мере, пока Запорожка не останется далеко позади. Всегда оставался риск, что в какой-нибудь деревне узнают воинов Велизария и расправятся с ними, вымешав на малочисленном отряде все обиды, которые Велизарий наносил здешнему люду.

К скучным припасам, взятым из дома, Рейтамира прибавляла собираемые в лесу травы, ягоды, грибы и ухитрялась стряпать вполне сносные обеды. Что было очень кстати, потому что настоящей, хорошей охоты в этих краях не было.

Хлеб, взятый из дома, постепенно подходил к концу — нужно было все же рискнуть и выбираться к людскому жилью.

Село показалось не вдруг. Сперва дало о себе знать различными приметами: вот выкошенный луг, чуть дальше — вытоптанное скотом пастбище, следы навоза, а вот и отпечаток копыта в мягкой почве. Все ближе люди, все настороженнее держатся мужчины, одна только Рейтамира

радуется — а чему, и сама не знает. Быть может, запаху очажного дыма — он уже улавливается.

Дорога сделала еще один поворот — и вот оно, село, на берегу обмелевшей речушки, небольшое, нарядное.

Народу сейчас мало, все заняты в поле. Телега остановилась на пригорке, откуда все дома, рассыпанные по берегу, видны как на ладони. Да и сами путники на этом холме хорошо различимы. Торопиться незачем, следовало бы поначалу присмотреться к незнакомым людям и себя показать.

Их заметили. По дороге, вздымая пыль, прошустрили мальчишки, крича что-то на бегу тонкими голосами, скрылись в одном из домов. Остановилась шедшая с кадушкой женщина, поднесла ладонь щитком к глазам, окинула незнакомцев цепким взглядом. Задумчиво покачала головой. Видимо, размышляла — кто они такие: торговцы, что ли? А если так, то какой товар привезли?

Затем на дорогу из одного дома медленно выбрался старик. Мальчишки окружили его, продолжая верещать. Дед цыкнул на них, пригрозив палкой, и те рассыпались в разные стороны, как воробы. Старик задрал голову, поглядел на неподвижную телегу, затем покряхтел и медленно направился к незнакомцам.

Те ждали, не сходя с места: может быть, здесь, как и у некоторых степняков, чужакам запрещено приближаться к жилью, пока не пройдены очистительные обряды. Незачем нарушать чужой

обычай и наносить оскорбление попусту, от топотливости и неведения. Лучше выждать.

Старик наконец с кряхтением и одышкой вскарабкался на холм. Остановился, сердито щурясь. Молвил:

— Далеко ли путь держите?

Отвечать взялся Арригон — по негласному договору. Приосанившись, встал перед дедом, повернулся и так и эдак, чтобы старик мог лучше разглядеть его стать и повадку, и отвечал:

— Куда глаза глядят.

Конан с Вульфилой молча стояли сзади, наблюдали: Вульфилу в ожидании какой-нибудь неприятности, Конан — откровенно забавляясь. Киммериец не знал, кто смешит его больше: важный старик, который может рассыпаться от неосторожного прикосновения, или колченогий гирканец, шуплый и невидный, точно подросток, который красуется так, словно представляет собой роскошного мужчину — то есть гору мышц, увенчанную бычьей головой.

— Ну надо же! — изумился старик и тоненько закашлялся. — Какой ты серьезный господин!

Ковыляя, он обошел Арригона кругом, потыкал своей палкой в землю, а затем остановился и уставил гостю в лицо седую бороденку.

— «Куда глаза глядят»! Куда ж они у тебя глядят, косоглазый?

И в этот момент «гриф», которого прятали в телеге, сорвался с привязи, выскочил на волю и заплясал перед стариком на земле, крича пронзительным голосом. Старик отшатнулся и едва не

упал, оступившись на склоне. Конан еле успел подхватить его. А Бертен принялся подпрыгивать и клокотать, после чего припустил бежать вниз, подпрыгивая на бегу и взмахивая руками.

— По-моему, ему становится все хуже, — заметил Конан, выпуская старика. — Когда я его освобо... — Он осекся и немного изменил фразу: — Когда мы встретились впервые, он еще сохранил остатки человеческого разума.

— Интересно, куда он побежал? — проговорил Арригон, следя глазами за удаляющимся принцем. — Ты не боишься, Конан, что потеряешь его? Тогда плакали твои денежки!

— Сбежит — невелика потеря, — проворчал Конан, которому уже изрядно надоел принц с его выходками. — Впрочем, полагаю, мы легко его отыщем. — И обратился к старику, который при виде бегущего «грифа» так и замер от изумления: — Скажи, отец, есть ли в селе дохлятина?

— Что? — старик даже подскочил на месте.

— Я неясно выразился? — деланно удивился Конан. — Я спросил, есть ли у вас в селении дохлятина.

— Откуда мне знать? — Старик с достоинством пожал плечами.

— Я так понял, что ты все здесь знаешь, — объяснил варвар с приторно-вежливым выражением лица. Обычно Конан нацеплял на свою загорелую разбойничью физиономию такое выражение, когда имел дело с туповатыми придворными или властителями, желавшими нанять варвара для какого-нибудь важного дела.

— Возможно. — Старик пожевал губами в бороде. — Может быть, собака околела. Или корова не смогла разродиться... — Некая мысль мелькнула в его глазах. — Точно! — сипло вскрикнул старик и закашлялся. — Откуда ты узнал, варвар? — Он приблизился к киммерийцу вплотную и уставился на него с подозрением. — Ты колдун?

— Нет, просто предположил. Это было бы естественно, поскольку грифы-стервятники всегда слетаются на падаль, — объяснил Конан.

И широко ухмыльнулся.

Арригон кусал губы, чтобы не рассмеяться. Вульфиле плюхнулся на телегу рядом с Рейтамирой. У северянина и девушки вид был отсутствующий: она думала о своем, он — о своем. Рейтамира пыталась понять, хочет ли она снова жить в такой деревне, в селе, ходить за коровой, прядь и ткать... Или же она навсегда оставила привычное житье и будет кочевать за стадами своего мужа? А если он возьмет другую жену? Гирканцы так делают.

Впрочем, что гадать! Туранцы тоже часто берут себе наложниц...

Вульфиле же размышлял о пище. Его воображению рисовались окорока, бычья ноги, копченые зайцы, свиные колбасы, печень теленка в сметане и тому подобные захватывающие вещи.

Арригон переглянулся с Рейтамирой. В последнее время им часто доводилось обмениваться мыслями, не прибегая к словам. И сейчас у обоих мелькнуло в голове одно и то же: пока они поте-

шаются над выжившим из ума стариком, а безумный юноша рвет зубами павшую корову, селяне уже собираются в стаю, готовят острые вилы, снимают со стен серпы и ножи, чтобы изгнать проклятых разбойников и колдунов... «Эти оседлые люди всех чужаков считают негодящими, — подумал Арригон. — И, в принципе, они недалеки от истины, только нам от этого легче не будет».

Мысль о том, что придется убивать крестьян, была ему глубоко отвратительна.

И тут Рейтамира спрыгнула с телеги и крикнула прямо в лицо старику:

— Неужели у вас в селении совсем позабыли добрые обычаи? Разве так гостей встречают? Не видишь разве, кто перед тобой!

Дед пожевал в бороде губами, оборотился к девушке и сухо молвил:

— Да уж вижу. Разбойники и колдуны явились. Какого вы все тут роду-племени, вот чего не разберу! И кто у вас за главного? Уж не ты ли? И который из этих тебе за мужа? А может, все?

— Х-хочешь, я его уб-бью? — беззлобно, вполне деловитым тоном предложил Вульфил, обращаясь к вспыхнувшей Рейтамире.

Она покачала головой.

— Нет. Кто он такой, чтобы я на него обижалась? Просто полоумный старик...

Старик рассмеялся неожиданно добро:

— Вовсе я не полоумный! Это ты зря. А вот приглядеться к вам не помешало бы. Что вы за народ, в самом деле!

— А мы все — разный народ! — заявил Вульфил, противу обыкновения не заикаясь.

Дед фыркнул.

— За полоумного меня считаете, а сами-то вы кто? Я-то вижу, что народ вы один и тот же. Бродяги вы, без всякого народа, вот вы кто! Оттого и жметесь друг к другу... Приличные люди таких не жалуют и правильно делают.

— Мы заплатим, — сказал Арригон. Во время пожара у него единственного из всех не погибли деньги, потому что он носил их всегда при себе, защищими в пояс.

— Ух ты! — притворно изумился дед. — У вас и чем заплатить имеется? Ну давайте, платите. А за что платить-то собрались, бродяги?

— За хлеб.

— Хлеб, братец ты мой, такая вещь, что ее кому попало не продашь, хотя бы и за деньги, — рассудил старик. Он больше не казался выжившим из ума, в его выгоревших глазах появилась твердость. — Взять, к примеру, тебя, колченогий. Бедой от тебя за версту разит, как от козла похотью. Весь ты дымом пожарищ пропах — небось, и родню потерял, и дом твой сгорел, и сам ты чудом жив остался... Что, угадал я? — хмыкнул он, заметив, как окаменели скулы Арригона. — Все это у тебя на роже твоей плоской вот такими буквами написано! Вот и сам посуди: как я эдакого бедоносца к нам в селение пущу? По доброй воле, честно тебе скажу, вовсе не пущу! Разве что прибьете вы меня, старика, за правду...

— А от-ткуд-да т-тебе знать, ч-что не прибьем? — осведомился Вульфилл.

Дед вздохнул.

— Да ниоткуда... может, и прибьете, только вот мне это совершенно безразлично. Стар я и ничего не боюсь. А ты, разбойник, — он повернулся к Вульфиллу, — сдается мне, северянин. Откуда ты родом? Из Ванахейма?

— Из Асгарда, — проворчал Вульфилл.

— Наемник? — прищурился старик.

— Можно с-сказать, и н-наемник, т-только т-тебе до этого ч-что, с-с-ст... — Вульфилл надолго застрял на этом слове: — С-старый хрыч!

— А вот был тут такой барон Велизарий, к югу от нас лютовал, говорят... Не из его ли ты людей, заика?

Вульфилл кивнул.

— Уг-гадал...

Дед всплеснул руками.

— Так и есть, беда к нам на телеге пожаловала! Тебя-то какими ветрами сюда занесло? Сидел бы под боком у своего проклятого барона, жировал за чужой счет и горя бы не ведал.

— М-мертв Велизарий, — сказал Вульфилл. И больше ничего прибавлять не стал.

Повисло молчание. Старик о чем-то размышлял, водя глазами: то на небо взглянет, то в сторону своего села, то вдруг начнет Вульфиллу взором прощупывать.

— Да, — уронил он наконец. — Телесами ты богат, братец, умом тоже, пожалуй, не обделен, а как насчет совести — о том не ведаю. Если сов-

рал насчет барона — я заветное слово знаю, и у тебя все кости размягчатся, превратишься в мясной мякиш... Не веришь? Я одного известного враля вот так-то своим заветным словом однажды извел, можешь у кого угодно спросить — расскажут...

И завершив таким образом свою тираду, старик уставился на Рейтамиру. Та покраснела, закрыла лицо рукавом.

— Такая смелая была, а теперь прячешься! — укорил ее дед. Он как будто пробудился от долгой спячки, стряхнул с себя наросший за это время мох и теперь сделался проницательным и словоохотливым.

— Напугал ты меня, вот и прячусь, — тихо отвечала Рейтамира.

— Чем же это я тебя напугал, скажи на милость? Чего ты боишься?

— Грубости твоей боюсь, — прямо отозвалась девушка.

— Это ты правильно, — одобрил дед. — Я человек грубый. Что думаю, то и говорю. А думаю я, что не след девице бродяжничать в компании такого неотесанного сброва...

Арригон побелел.

— Остановись, почтенный, прошу тебя, иначе может случиться беда!

— А от тебя иного и не жду — одной только беды! — резко обернулся к гирканцу старик. Ленивой насмешки в его голосе как ни бывало. И глядел он на гирканца холодно и трезво. — Откуда эта девушка? Вы трое — чужаки, но она роди-

лась в здешних краях! Кто из вас украл ее? Кому надлежит возвратить похищенную дочь?

— Я ушла с ними по добной воле, — упрямо проговорила Рейтамира и опустила руку, открывая лицо. — Не оскорбляй их. Эти люди спасли меня от злой участи, а человек, которого ты имеешь бедоносцем, — муж мой.

— Ох, ох... — Старик тяжело вздохнул. — Вести ваши тревожные, и сами вы мне крепко не по душе. Подумай в последний раз, женщина, хочешь ли ты идти дальше с этими людьми. Скажи только слово — оставим тебя здесь, и никто тебе слова худого не молвит, а бродяг твоих отправим дальше, куда несут их хромые ноги да дохлая кляча.

— Нет, — повторила Рейтамира, — я с ними пойду...

— Дело твое, больше предлагать не стану. В селение не ходи. Явишься без спроса — затравим собаками, забьем дрекольем. Хлеба вам принесут, пожалуй, только немнога, а платы никакой не нужно. Незачем брать от бедоносцев — еще оставите у нас свою беду...

Конан повел тяжелым плечом, отстранил старика и начал спускаться с холма.

— Ты куда? — визгнул дед.

— Заберу своего «грифа», — не оборачиваясь, отозвался киммериец. — Где у вас корова сдохла? Покажи!

Старик побежал, мелко семеня и быстренько перебирая посохом по земле, за широко шагавшим киммерийцем.

— Уходи! Не суйся в нашу деревню! Что тебе здесь нужно?

— Я же сказал, хочу забрать парня, — откликнулся Конан. — А что до всего остального, — тут он остановился и, развернувшись всем корпусом, уставился в сморщенное лицо, покрытое сетью мелких, каких-то бегающих морщинок: — то и нам вашего хлеба не надо! Неизвестно, какой пакости вы туда подмешиваете! Злобы вашей, подозрительности, глупости, лживой проницательности? Лучше уж нам вашими пороками не заражаться, а то ведь людские недостатки хуже всякого морового поветрия.

И, отодвинув от себя старца, Конан быстро пошел дальше.

Полоумный парень отыскался на заднем дворе одного из богатых крестьянских дворов. Конан заметил в воздухе скопление мух и побежал туда. Он застал удивительную картину. Околевшая скотина лежала, вытащенная из хлева. Двое крестьян стояли рядом с лопатами и волокушами — они как раз намеревались отвезти тушу подальше от села и закопать. Но выполнить это намерение они не успели. Бертен, ворча, размахивая руками и топоча ногами, налетел на них, оттеснил прочь и замер над своей добычей, поворачиваясь во все стороны и угрожающе вскрикивая.

На шум выбежали женщины, прискакали дети. Дети веселились при виде безумца — все, кроме одной девочки постарше, которая, наоборот, безутешно плакала. Женщины перепугались. Странное действие оказывает безумие на людей, кото-

рые почитают себя пребывающими в здравом рассудке. Одни боятся сумасшедших, другие над ними смеются, а трети так жалеют и так огорчаются, что тотчас ударяются в слезы.

Бертена, казалось, беспокоило только одно: чтобы у него не отняли еду. Выкрикнув еще несколько бессвязных угроз, он набросился на тушу и начал грызть ее зубами.

И в этот момент на двор вбежал Конан.

Он схватил юношу за плечо и сильно дернул. Тот, не разжимая зубов, зарычал и мяса не выпустил.

— Идем, — сказал ему Конан.

Бертен затрясся и взрыл землю ногами.

Конан освободил плечо юноши, затем сжал пальцы в кулак и, не колеблясь ни мгновения, нанес безумцу сильный удар в висок. Послышался хруст — казалось, череп бедняги от этого удара проломлен. Бертен рухнул на землю, не издав ни единого звука. Конан наклонился, поднял его, взвалил себе на плечо бесчувственное тело и невозмутимо зашагал прочь. Уходя со двора, он обернулся и подмигнул ошеломленным крестьянам.

А потом уверенной походкой начал подниматься на холм.

— Ну их, этих мужланов, — проворчал он, взваливая Бертена, как куль, на телегу. — Поехали отсюда. Завтра сворачиваем от побережья в степь и начинаем охотиться.

Он сел на коня. Арригон поглядел на измазанное кровью лицо безумца, остававшегося без соз-

нания, глянул на Конана, на Вульфилу, скисшего при мысли о том, что придется еще день сидеть без пищи, — и вдруг расхохотался.

— И в самом деле! — сказал гирканец. — На что нам эти оседлые люди и их невкусная еда? Она разве что для грифа хороша, да и то не для всякого. Нашему грифу я ихнюю падаль клевать не позволю.

* * *

И потянулась мимо путников бескрайняя степь. Разговаривали по пути о том, о сем — коротали дорогу.

Поначалу у Рейтамиры не заживала обида, полученная от старика: как это так, их, мирных и в общем-то хороших людей, гонят от порога, точно псов приблудных! Девушка выросла в состоятельной семье, которая пользовалась в ее родном селе уважением и почетом, и до сих пор не привыкла к своему новому положению изгнанницы, у которой нет ни кола ни двора.

— А мы и есть приб-блудные! — высказался Вульфил. Для него как раз такое состояние не было в новинку.

Конан промолчал, только презрительно скрипил губы.

Рейтамира, чтобы отвлечься от невеселых мыслей, рассказала историю, которую слыхала когда-то о здешнем люде. Говорили, будто главным божеством здесь считается простая обеденная ложка.

— Не может ложка быть богом! — не поверил Арригон.

— Д-для кого к-как, — заметил Вульфил.

— Да уж, для тебя, толстобрюхий, и ложка — святое, коли она не пуста! — огрызнулся Арригон.

Конан философски заметил:

— От крестьян можно ожидать чего угодно.

Приободренная общим вниманием, Рейтамира робко продолжала:

— Я сама не знаю, а при мне так говорили: они считают, будто круглая часть ложки — женщина, а длинная — мужчина, и в самом образе ложки мы видим мужа и жену на брачном ложе.

— Я теперь буду есть только с ножа, — объявил Конан. — У меня теперь при виде ложки будут возникать нескромные мысли.

— Ты, наверное, и так ешь только с ножа, — улыбнулась Рейтамира.

— Может быть, — не стал отпираться Конан, — но я только сейчас понял, почему это делают.

— Арригон д-даже п-похлебку руками ест, — сообщил Вульфил. — С-сам в-видел.

— А еще рассказывали, — продолжала Рейтамира, — будто они верят: опуская ложку в пищу, человек чтит своих богов. И чем жирнее пища, тем лучше чтит.

— Ж-жратве п-поклоняются, — подытожил Вульфил.

Все трое почувствовали вдруг облегчение. Может быть, всю эту историю насчет бога-ложки

Рейтамира и выдумала нарочно, желая хотя бы издалека, безобидно, отомстить недобому проницательному старцу за пренебрежительный прием, оказанный путникам в селении. А может, кстати, и не придумала. Разные люди — разные боги. Наверняка есть и такие, кому и жирная каша — божество... И водить дружбу с подобными людьми — лишнее.

И даже «гриф» громко крикнул, как будто соглашаясь со своими спутниками.

* * *

Вечерами, когда потрескивал костер, лошади, в темноте почти неразличимые, паслись неподалеку, а в горшке булькала густая похлебка, заваренная с мукой и грибами, либо истекала на вертеле жиром подстреленная днем птица, путники чувствовали себя — лучше некуда. И хотелось им, особенно Рейтамире, чтобы будущее никогда не наставало, чтобы вечно длилось настоящее.

— А что, — спросил у киммерийца Арригон, — давно ты возишься с этим полоумным юнцом?

Конан неопределенно пожал плечами. Юноша то и дело впадал в буйство, и его приходилось связывать, но обычно киммериец надеялся на свою силу и ограничивался тем, что набрасывал Бертену на шею веревку. Не хватало еще, чтобы освобожденный принц сбежал и начал вести жизнь дикой птицы в здешних степях! Ищи его потом...

Бертен примостился возле Конана, шевеля руками, как крыльями, и жадно поглядывая на заячью ножку, которую обгладывал киммериец. Он ждал, пока ему бросят кость.

— Во всяком случае, он еще не успел надоесть мне настолько, чтобы я захотел от него избавиться, — ответил наконец Конан и зевнул.

Бертен выхватил из его руки заячью ножку и, ворча, принялся обкусывать с нее остатки мяса. Конан невозмутимо протянул руку и взял себе еще порцию.

— Где ты нашел его? — продолжал расспросы Арригон.

Конан не ответил. Гирканец смотрел на него из темноты проницательными черными глазами. Плоское лицо степняка оставалось бесстрастным, но в углах рта зазмеилась нехорошая улыбка. Еле заметно пока что.

— Что ты пристал ко мне? — спросил наконец варвар, сердито отвлекаясь от трапезы. — Если мы с беднягой вам мешаем, то завтра же уйдем в степь, только вы нас и видели.

— Я не об этом спрашиваю, — напомнил Арригон.

Конан встал, приблизился к гирканцу и навис над ним. Впрочем, на того это не произвело ни малейшего впечатления. Сидя на земле со скрещенными ногами, Арригон задумчиво разглядывал киммерийца и ковырял в зубах ногтями.

— Видишь ли, Конан, — заговорил Арригон снова, — сдается мне, ты не все нам о себе рассказал при нашей первой встрече.

— Ты тоже не все поведал, — отозвался Конан вполне миролюбиво. — Например, не сообщил мне, кто твои родичи и почему ты прибился к Велизарию.

— Родные мои погибли, и ты об этом знаешь, — возразил Арригон, — а Велизарий дал мне место в боевом отряде, где я мог отдохнуть душой.

— Кром! Да ведь твой Велизарий был убийцей!

— Мне-то что? — отозвался гирканец почти равнодушно. — Я и сам убийца. Да и ты ведь не лучше.

— Мирных жителей и женщин я не убиваю, — сказал Конан.

Арригон неожиданно быстро и ловко вскочил на ноги.

— Я спросил тебя об этом парне, — повторил он. — Кто он такой? Где ты нашел его?

Конан вздохнул. Ну почему некоторым людям обязательно нужно докапываться до правды? Да еще так настойчиво... Половина войн из-за этой ненужной правды начинается.

— Этот парень — Бертен, младший сын владыки Хоарезма, — сказал Конан внятно. — Велизарий держал его у себя в подвале, злым колдовством превратив в стервятника. Теперь, когда Велизарий мертв, чары отчасти рассеялись, но мальчишка до сих пор не свободен от них. Я ищу способ очистить его от этой грязной магии. Я ответил на твой вопрос, Арригон?

Гирканец кивнул.

И добавил:

— Я не стану тебя спрашивать о том, как умер Велизарий...

— Не лучшим образом, — фыркнул Конан.

— Т-ты уб-бил его? — вмешался Вульфил. Он побледнел, раздул ноздри. — А к-как же к-колдун?

— Что — колдун? — не понял киммериец.

— К-колдун д-должен был его защитить! — взорвался Вульфил. — Я же говорил, что этим к-колдунам н-нельзя верить!

— Не было никакого колдуна! — рявкнул Конан. — Как вы до сих пор этого не поняли! Велизарий и был колдуном, а вы ему служили. Вы, воины!

Наступило тягостное молчание. Потом Арригон отступил на шаг.

— Не знаю, что тебе и сказать, киммериец. Ты убил человека, который был нашим вождем, нашим благодетелем.

— Посмотри, что он сделал с парнем, ваш благодетель, — буркнул Конан.

Воины машинально уставились на Бертена. Тот ворчал, ковыряясь пальцами в костях уже совершенно обглоданного зайца. Почувствовав на себе взгляды, он поднял голову и вдруг пугливо вжал ее в плечи.

— Что? — пробормотал он, растерянно озираясь по сторонам, словно опасаясь наказания, которое может обрушиться на него откуда угодно. — Я что-то не так делаю?

Однаково изумленное выражение появилось на всех лицах. Юноша перепугался еще больше.

Он осторожно поднялся на ноги, вытер измазанные жиром пальцы о свои рваные штаны.

— Я ошибся? — спросил он еще раз.

— Нет! — взревел Вульфил. Северянин и сам не понимал, почему испытал такую огромную радость, когда молодой хоарезмийский принц проявил первые признаки возвращающегося рас- судка.

Конан улыбнулся.

— Привет, — обратился он к Бертену. — Ты отлично справился, дружище. Полагаю, этому зайцу настал конец. С чем я всех нас и поздравляю!

Глава пятая

Павлин распускает хвост

т ока тысячеглазого павлина ничего не скроется! Потому и избрали его божеством те, кто мечтает о тайной власти среди людей. Рассуждения adeptов Ордена Павлина хоть и просты, но не лишены своеобразной логики. Пусть внешне мы выглядим самыми обычными людьми — торговцами, караванщиками, рыболовами, ткачами и гончарами. Это ровным счетом ничего не значит, ведь на самом деле любой из нас обладает тайной властью и каждое мгновение может сокрушить не угодившего человека — о чём тот, естественно, даже не подозревает. И от этого еще слаше мысли о мести...

Разумеется, Эйке и думать забыл о господине Церингене. Занимался расширением дела, радовался на доченьку, радовался и обществу тихой, ласковой жены, чья красота после рождения ребенка расцвела победоносно. Случалось, задумы-

вался о непутевом сводном брате, но без особой печали: свою участь Тассилон избрал себе сам, да и не такой он человек, чтобы пропасть! А если надумает вернуться — под этим кровом всегда ему будут рады.

И при чём тут какой-то господин Церинген, который заслуженно поплатился за все свои преступления? Забыт, навсегда оставлен в прошлом!

В этом и заключалась самая большая ошибка счастливца Эйке. Ибо господин Церинген ни о чём не забыл и самым тщательным образом готовился о себе напомнить.

Его еще раз навестил Арифин, глава хоарезмийского отделения Тайного Ордена Павлина. С Арифином было двое безмолвных служек, облаченных в длинные черные одежды, расписанные узором в виде множества глаз. Арифин же, напротив, был весь в белом.

Господин Церинген, обнаженный, лежал перед ними на ложе, покрытом одной только шелковой простыней. Арифин рисовал на теле посвящаемого глаза, выводя кисточкой самые разные — и широко распахнутые светлые, аквилонские, и прищуренные гирканские, и раскосые кхитайские, и круглые черные, как у негров... Господин Церинген немного ежился под холодной кистью, однако возражать и просить сделать процесс более удобным и менее, так сказать, мокрым, не решался. Служки переливали воду из кувшина в кувшин, имитируя журчание водопада, — это, как объяснил Арифин, было необходимо для создания соответствующего настроения.

Затем, когда все было окончено, Церингену позволили подняться с ложа и указали место между служками, где он должен был сесть на пол, скрестив ноги и обратив руки ладонями к потолку, дабы приобщиться к энергиям высшего света. Церинген безмолвно повиновался. Арифин почему-то начинал вызывать у скопца-торговца безотчетный ужас. Внешне мягкий, добродушный, глава Ордена таил в себе огромные силы.

Опустив веки, Светлейший Арифин начал по-вествование.

— Каждая ступень посвящения имеет свою легенду и свою историю, — заговорил Арифин вполголоса. От этих тихих, вкрадчивых слов мурашки побежали по обнаженному, разрисованному краской телу Церингена. — Ты посвящаешься в Ступень Красную, низшую, и, следовательно, надлежит тебе узнать то, что открыто каждому из нашего тайного братства, — историю Начала Ордена...

Вначале не было никакого павлина, а был человек с ручным петухом на плече. Звали этого человека Радогость, и по слухам происходил он откуда-то с верховьев Запорожки. Однако не следует гадать, кем он был, ибо куда важнее, кем он стал.

Он появился в семье не один, но вместе с сестрой-близнецом, которую называли тем же именем, и были они похожи как две капли воды — говорят, родители и те могли их различить только сняв с детей рубашечки и определив, который из двоих мальчик, а который — девочка. Брат и

сестра были неразлучны, вместе играли, ели из одной плошки, пили из одной чашки и даже спать ложились всегда на одной скамье. Добром это закончиться не могло, но как ни пытались родители положить границу между дочерью и сыном, никакие их ухищрения не помогали: из-под любых засовов сбегали строптивые дети, чтобы только не расставаться.

И в конце концов случилось то, чего так боялись мать и отец близнецов: сестра понесла от брата. Когда это сделалось заметно, девушку схватили, привязали к деревьям и побили камнями.

Схватить и покарать брата им не удалось — Радогость бежал.

Говорили, что вместе с ним исчез со двора красный петух, которого близнецы выкормили с ладони и любили носить на плече. Радогость шел по дремучим лесам, прорыпался сквозь непролазную чащу, и не одна луна успела умереть и возродиться на небе, а он до сих пор не встречал людского селения.

К нему подходили звери, и птицы не кричали, когда он проходил мимо, и постепенно он и сам начинал превращаться в зверя.

И вот однажды показалось какое-то селение. Люди не видели Радогостя, но он-то хорошо их различал, сидя в кустах на другом берегу реки. Так сидел он целый день и думал, а когда густилась тьма, к нему подошла медведица и заговорила голосом его покойной сестры. Поначалу Радогость даже не понял, о чём она говорит, — только голос узнал и заплакал. И еще догадывал-

ся он, что медведица пытается внушить ему нечто важное.

А она улеглась рядом и заснула. Радогость сидел возле спящей медведицы, смотрел на небо, на безмолвное село — и размышлял. И пока размышлял, увидел три мира и единство всего сущего... А потом понял другое: нет, не существует единства — чего-то мучительно не хватает для того, чтобы гармония трех миров была полной. И об этой-то отсутствующей малости, которая разрушает весь мировой порядок, и говорила ему медведица-сестра. И тогда осиротевший близнец стал думать о той самой отсутствующей малости.

А когда небо окрасилось алым, и красный петух встрепенулся на плече Радогости, он понял вдруг, в чем эта малость заключается и о чем просила его медведица. А поняв, вошел в село и, пока там спали, вырезал в селении всех людей. И помогали ему в этом лесные звери.

А когда люди в том селении погибли, Радогость понял, что кровь надлежит возвращать в землю и что поступил он правильно.

И тут взошло солнце. Радогость посмотрел на небо и понял, что он — сын солнца.

А с неба брызнули лучи, и каждый луч попал в кровавое пятно на одежде Радогости, а петух вдруг начал клевать его в темя. И когда все было кончено, не осталось уже ни человека, ни петуха, но стояла, протяжно крича, большая птица, исполненная глаз, и было этой птице открыто и прошлое, и будущее, и сущее, и солнечная кровь была ей подвластна...

Церингена была крупная дрожь. Происходящее казалось ему странным сном. Впрочем, не превратилась разве в неприятный сон и вся его жизнь после того, как в нее вмешались этот проклятый Эйке со своим безумным кровожадным братцем-негром?.. Постепенно страх сменялся торжеством. Одетый глазами, подобно павлину, Церинген начинал ощущать, как вливается в него животворное Знание, как сам он становится одним из братьев, как приобщается к могуществу Ордена. В этом было упоение.

Арифин оборвал рассказ и трижды стукнул согнутым пальцем Церингена по темени.

— Именем Всевидящего Недреманного Павлина — встань, Радогость! Отныне ты — павлин, как и мы, и имя твое засветится еще одним оком на многоцветном его одеянии!

Церинген, качнувшись, поднялся на ноги... и заплакал. Он плакал впервые за много лет — от переполнявших его чувств, от всеохватного восторга, от осознания, что месть обидчикам близка!

* * *

Мстить надлежало, разумеется, чужими руками. То был один из главных постулатов ордена. Первым делом эти руки следовало найти. И они отыскались — на удивление быстро. Впрочем, стоит ли удивляться — ведь Эйке, несмотря на все свои добродетели, был торговцем, а в этой среде, как показывает практика, нечистые на руку люди водятся не реже, чем среди каких-ни-

будь наемников, торгующих не только своими мечами, но и совестью.

Некий Клаваст, охранявший склад, где Эйке держал нераспроданные партии товара, охотно взялся помочь. Господину Церингену этого Клаваста даже не показали. Просто однажды вечером, когда Клаваст тряс игральными костями в «Подстреленном журавле», к нему подседел некий человек с незапоминающейся внешностью. Заговорил о том, о сем.

Клаваст отвечал неохотно: он проигрывал. Охранять склад ему не нравилось, другой работы найти не мог — поскольку сызмальства умел только лениться да драться, когда приспевала, по мнению Клаваста, такая необходимость. Хозяина своего Клаваст видал только издали, поскольку Эйке в тонкости работы охранника не входил. Хозяин Клавасту, разумеется, тоже не нравился — настоящий сопляк, а строит из себя почтенного торговца. В общем, с какого бока ни зайди, везде плохо.

Неприметного человека такой поворот клавастовой жизни, как ни странно, даже радовал. На каждое презрительно брошенное слово он кивал головой и усмехался. Наконец положил руку Клавасту на бугристое плечо и молвил:

— Вижу я, что ты человек разумный. Этот Эйке, поверь, не одному тебе глаза намозолил, а то, что ты о нем сейчас говорил, свидетельствует о твоей проницательности.

Клаваст моргнул. Ему никогда еще не говорили о том, что он проницателен или разумен. Чা-

ще честили болваном, чурбаном, который только кулаками размахивать горазд. Поэтому охранник поневоле призадумался: а нет ли в льстивых словах какого-нибудь особенно злобного подвоха?

Непрошеный собеседник, однако, словно бы читал его мысли.

— «Нет ли какого-нибудь подвоха в словах этого проходимца, который зачем-то ищет со мною знакомства?» Сознайся, ведь именно об этом ты сейчас думаешь! — засмеявшись, сказал неприметный человек.

Клаваст вздрогнул и непроизвольно отодвинулся в сторону.

— Не пойму, о чем ты!

— Да о том, что ты мне не доверяешь!

— А с чего мне доверять тебе? — Клаваст сумрачно уставился прямо в смеющиеся глазки незнакомца. — Мы с тобою, кажется, и не встречались прежде... О хозяине выспрашиваешь — что ж, мне этот Эйке не брат и не приятель, чтобы я свое мнение о нем держал при себе, а мнение мое о нем ты знаешь. Я человек прямой и ежели о ком-нибудь думаю: дескать, дрянцо, а не мужчина, то так и говорю. А кому не нравится, тот быстро схлопочет...

— Я понял, понял, — мягко перебил его незнакомец. — Теперь вопрос более сложный: желаешь ли ты насолить и наперчить этому Эйке, да так, чтобы он чихал — не расчихался после такой трапезы?

Клаваст нахмурился и пристально вглядился в лицо незнакомца. Тот опять улыбнулся:

— Не гадай, не распознаешь. У меня свои причины желать твоему хозяину неприятностей, и тебе об этих причинах знать совершенно не обязательно. Лучше скажи: согласен?

— Ну... — пробурчал Клаваст. — Ежели оно не слишком опасно... Знаешь ведь, как принято поступать с ворами... Мне мои руки еще очень бы пригодились, не хотелось бы, знаешь ли, чтобы отрубили их по самый локоть...

— Не отрубят! — заверил незнакомец. — Точнее, отрубят — да только не тебе. А вот что мне ответь, друг мой Клаваст: имеется ли среди приказчиков в лавках Эйке какой-нибудь красивчик, который был бы тебе особенно не по душе?

* * *

Такой «красавчик», разумеется, имелся: это был молодой человек по имени Инаэро, нанятый вскоре после того, как Тассилон покинул Хоарезм. Поначалу Инаэро был только писцом, причем даже не записывал и не учитывал товар, а лишь переписывал набело беглые заметки, сделанные другими. Но честность и усердие принесли хорошие плоды: спустя пару месяцев Инаэро уже поручили всю лавку, расположенную поблизости от порта.

Торговля здесь велась бойкая, народ заходил самый разнообразный. Случались и солидные купцы, которым хотелось посмотреть товар, договориться о поставках крупных партий — часто в обмен на привезенные издалека товары: слоно-

вую кость, резные изделия из драгоценных камней, мех пушного зверя, мед, льняные полотна. С ними Инаэро вел переговоры, записывал придуманной им самим скорописью предложения, показывал хозяйствский товар, назначал встречи, о которых затем через мальчишку оповещал Эйке.

Но заходили сюда и совсем простые люди, моряки, желавшие купить шелковой ткани на плащье подруге, горожане, думающие обновить гардероб к свадьбе дочери или сына... И для них у приказчика тоже находилось время, умело подбирались недорогие и красивые вещи. Словом, у хозяина не было никаких причин быть недовольным Инаэро — парень действительно старался и, как все больше и больше убеждался Эйке, в этой лавке оказался совершенно на своем месте.

Жизнь улыбалась Инаэро. Впереди, казалось, ждали одни только радости.

Вот и прекрасная Татинь, дочь мастера из камнерезной мастерской, стала глядеть на него благосклонными глазами — а там, можно считать, и до свадьбы недалеко...

* * *

— Где штука нового шелка, которую доставили в лавку вчера вечером? — Инаэро выглядел растерянным. Он точно помнил, где оставлял товар. Это был редкий шелк, предназначенный для продажи очень маленькой партией, ручная работа мастериц Кхитая, украшенный, к тому же, чудесной вышивкой: лебеди и лилии на водной гла-

ди. Сегодня должен был зайти покупатель, которому Инаэро загодя расхвалил ожидаемый из Кхитая товар, и сделка обещала быть чрезвычайно выгодной. Однако сегодня шелка на месте не оказалось.

Перерыли всю лавку. Инаэро то и дело поглядывал на водяные часы — календарь, пытаясь определить, много ли у него осталось времени до визита покупателя. Мальчишка-рассыльный по распоряжению Инаэро постоянно высакивал из лавки, выглядывая на дорогу, не идет ли клиент.

Дело складывалось скверно. Куда бы запропаститься целой штуке шелка? Замки и запоры целы, охранник клянется, что никуда не отлучался... И тем не менее товар пропал. Не духи же ночные его, в самом деле, унесли?

Плохо, очень плохо...

И тут сердце у Инаэро упало в пятки. Он вспомнил. И не хотелось бы припомнить, а вот встало в памяти: перед самым закрытием лавки заходила к нему невеста, Татинь, и не одна, а с отцом. Старик камнерез, крепкий еще, с вечно прищуренными, немного слезящимися глазами, сильными пальцами и сутулой спиной, приглядывался к будущему зятю. Смотрел, как тот распоряжается в хозяйствской лавке, одновременно и о господской выгоде помышляя и о собственном достатке не забывая. Одобрительно усмехался.

Что и говорить, Инаэро нравился ему. И дочка без памяти влюблена. Человек Инаэро, несмотря на молодость, вроде бы, надежный, рассудительный. Противиться счастью дочки и этого

хлопотливого приказчика из лавки господина Эйке старый камнерез не собирался.

Доброжелательное отношение будущего тестя до глубины души тронуло Инаэро. В своей недолгой жизни он нечасто встречал людей, которые бы сразу отнеслись к нему с симпатией. Вот господин Эйке — тот сразу поверил в добрые качества будущего работника. И не ошибся же! А теперь и Татинь с ее отцом...

Вот и растаял, расхвастался Инаэро. Все им в лавке показал, гордясь так, словно ему одному она принадлежала. И как хранит товары, чтобы не портились от сырости (а проливные дожди в Хоарезме случались — как задует ветер с моря, как хлынет в город, кажется, вся морская влага, какая только накопилась в воздухе...), как охраняет от лихого вора хозяйствское добро, каким образом разрешаются споры касательно снятия мерок... Ибо что ни страна, то свой способ отмерять длину ткани. Чаще всего, разумеется, меряют локтями, да вот ведь какая незадача — локти у каждого покупателя разные! И почему-то обычно так случается, что приходят в лавку люди с поразительно длинными ручищами — намотают полштуки шелка, а выходит всего-навсего четыре локтя! Дабы избежать такого недоразумения и начертил Инаэро на стене длину «среднего локтя» и всякому покупателю предлагал соизмеряться с длиной именно этого «среднего локтя».

И недоразумений меньше, и крику в этой лавке по поводу «обмеров» не возникает, и обиженные потом не бродят, жалуясь налево и направо:

дескать, опять надули их треклятые торговцы, ободрали как липку и еще посмеялись — «это за наши-то собственные деньги!»

А под конец похвалился тем самым только что полученным шелком — небесного цвета, расшитым лебедями...

И вот настало утро, а шелка-то и нет!

Инаэро опустился на скамью, устало потер ладонью лоб. Что же получается? Что старик камнерез (или, что вообще невозможно себе представить!) его дочь проникли ночью в лавку, обдурив или напоив охранника, и утащили прекрасный шелк? Но для чего? Татинь стоило только попросить — и Инаэро купил бы для нее на собственные деньги любой материи.

Он тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Снова позвал к себе охранника. Клаваст как бы нехотя явился.

— Что тревожите занятого человека? — хамски начал он, выразительно зевая. — Что ж это такое делается?! По ночам жизнью своей рискую, охраняя хозяйствское добро, точно пес цепной, так потом и днем передохнуть не дают — терзают и мучают! Не знаю я, куда этот проклятущий шелк запропастился! Я-то его всяко не брал, вот провалиться мне на этом месте... Ежели кто и украд — так это тот, кто последним из лавки уходил...

Инаэро болезненно сморщился. Последними лавку покидали как раз он сам, Инаэро, и камнерез с дочерью. Старик, кажется, еще задержался — остановился на пороге поправить ремешок

на сандалии. Неужто в этот самый миг исхитрился и стянул?

Нет, нет, о таком даже и подумать-то страшно. Инаэро еле слышно застонал. «Ну почему это случилось именно со мной! — в тупом отчаянии подумалось ему. — Почему? Отчего так получается — за что ни возьмусь, все рано или поздно рассыпается прахом? И ведь так хорошо все начиналось... Разве я не старался, разве не вкладывал все силы, всю душу в новое дело? Разве не был предан хозяину? И Татинь... как она могла со мною так поступить? Нет! — вдруг с решимостью отринул он худые мысли. — Татинь тут не при чем. Это все отец ее. Хитрый он и жадный. И сразу видно было, что жадный. Когда рассматривал ткани, даже пальцы от алчности скрючил... А она, невинная душа, ни о чем и не догадывается... Но если я уличу старика в краже...» — Тут он окончательно помрачнел, боясь даже закончить свою мысль. Ибо уличи Инаэро отца Татинь в похищении небесно-голубого шелка (и в ущербе, нанесенном торговому делу господина Эйке!), решение суда вряд ли будет милосердным. А лишенный руки старый мастер будет обречен на нищенство и голодную смерть.

И как после этого Инаэро сможет стать мужем Татинь? Их любовь оборвется, едва начавшись...

Клаваст с нескрываемым удовольствием наблюдал за тем, как самые противоречивые и страшные мысли раздирают на части душу молодого приказчика. Разумеется, подкупленный се-

реньким незаметным человечком, охранник отличнейшим образом ЗНАЛ, куда подевался шелк. Более того, удар был рассчитан с поразительной точностью: пропажа товара уничтожала этого нелепого выскочку Инаэро — и как работника, и как несостоявшегося жениха красивой (и не бедной!) девушки. А кроме того вся эта история носила первый, пока еще не слишком серьезный удар по Эйке.

Так ничего и не добившись от Клаваста, который упорно стоял на своем — «знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю» — Инаэро с болью в сердце пошел встречать купца. Кое-как объяснил ему, что товара нет — подвели, мол, поставщики. Посетовал лицемерно: ни на кого теперь надеяться нельзя! Купец покачал головой, перерыл имевшийся в лавке шелк, ничего не приобрел и ушел недовольный.

Теперь предстояло как-то объясняться с Эйке и, что самое ужасное, — с Татинь.

Заперев лавку, Инаэро некоторое время беспечно бродил по Хоарезму. Конечно, Клаваст об этом не знал — но мог догадываться, и одна только мысль о мрачном состоянии, в которое ввержен удачливый молокосос приводила охранника в отличнейшее расположение духа.

Город, обычно радовавший Инаэро деловитой толчеей, наплывом незнакомых лиц, бесконечных приезжих, удивлявших разноцветьем кожи, волос и глаз, не говоря уж о разнообразии одежда, сегодня выглядел, на его взгляд, мрачным, полным нездорового возбуждения. Ничто не радова-

ло, не вызывало любопытства. Вот его толкнули в толпе — он с досадой двинул в ответ локтем. Подбежал горластый торговец, сватая сущеную рыбу и хлебный напиток, — Инаэро грубо обругал его, едва не вызвав драку неосторожными злыми словами. Чем ближе подходил он к дому Эйке, тем медленнее становились его шаги.

Он вдруг понял, что совершенно не знает — как сказать о пропаже. Кого обвинить? Взять всю вину на себя? И оказаться без работы, никому не нужным юнцом, да еще с подмоченной репутацией? Ведь после истории со злополучной кражей, пусть даже ее и замяли, по городу поползут слухи, и никто никогда больше не предложит ему работы...

Эйке удивился позднему визиту своего приказчика. Пригласил его во дворик, предложил подслащенной воды и засахаренных фруктов. Инаэро нервно поблагодарил, однако даже не притронулся к угощению. Эйке, благодушствуя после целого дня, проведенного в обществе жены и маленькой дочки, участливо принялся допытываться — какие заботы омрачили жизнь гостя, с чем он явился?

— Припоминается мне, будто ты собирался жениться, — добавил Эйке. — Неужели тебя постигли на сей счет какие-либо сомнения? Если они и возникают подчас, отринь их, послушай женатого человека: ничего лучше нет, как ввести в дом достойную хозяйку, готовую родить тебе красивых, здоровых детей! Я слышал, что твоя невеста и скромна, и хороша собой...

— Это так, — пробормотал Инаэро. — Ты очень добр, господин...

При мысли о Татинь сердце его вновь болезненно сжалось.

Эйке наконец заметил, что приказчика буквально рвет на части какая-то страшная боль, и даже забеспокоился:

— Здоров ли ты, Инаэро? Выглядишь ужасно, бледный, под глазами чернота, а взгляд стал как у старика, которому надоела немилая жизнь...

— Так и есть! — вырвалось у Инаэро. Участие хозяина наконец сделало свое дело — он заговорил быстро и с полной откровенностью, какой бы страшной ценой ни пришлось потом заплатить за эти мгновения. Он просто чувствовал, что не может больше держать в себе случившегося несчастья. — Выслушай меня, господин! Вчера мы получили штуку небесно-голубого шелка из Кхитая, помнишь, того самого...

Он рассказал все, не скрыв ни своих подозрений, ни внутренних своих терзаний. Добавил, что не брал пропавшего, но, если это будет необходимо для того, чтобы спасти Татинь и ее отца — готов принять вину на себя.

— Дело за тобой, господин, — завершил он, опуская голову. — Решай. Захочешь подавать дело на рассмотрение городского суда — знай, что шелк украл я. Я не стану ни отпираться, ни искать себе оправданий. Не захочешь вмешивать сюда посторонних — тогда помни: Инаэро служил тебе верой и правдой. Впрочем, теперь мне, кажется, все равно, потому что в любом случае я

больше никогда не смогу посмотреть Татинь в глаза...

Эйке долго молчал. Казалось, черная тень опустилась над его домом, и сперва ему чудилось, будто это — несчастное стечеие обстоятельств, случайность, не направляемая ничьей рукой. Пройдет несколько месяцев, прежде чем он горько раскается в своей беспечности.

А пока что молодой хозяин распорядился так:

— Предавать дело огласке я не желаю. Искать виновного — тоже. Однако оставаться на прежнем месте тебе больше не с руки — уходи. Расстанемся мирно. Я дам тебе денег на прожитье, должно будет хватить на пару месяцев. Ищи себе другого хозяина, Инаэро. И да пошлют тебе боги мир и покой. Прости меня.

Инаэро встал. В груди у него все горело — от обиды, от несправедливого оскорбления.

— Я ничем против тебя не виноват, господин! — сказал он горько. — Ты обидел меня ни за что. Клянусь богами, я докажу тебе, что ты ошибаешься! А деньги свои оставь при себе. Я никогда не брал чужого.

Эйке тоже поднялся на ноги.

— Подожди, Инаэро...

Но юноша уже спешил к выходу, словно боясь, что его остановят. Эйке проводил его растяянным взглядом. Он вдруг понял, что совершил страшную ошибку.

Глава шестая

Колдуны Феризы

Бебольшой город Фериза, на берегу озера Вилайет, поражал с первого взгляда. В незапамятные времена его основали выходцы из Кхитая. Сейчас никто уже не помнил, почему эти люди покинули родной край: то ли были изгнаны за участие в политических интригах, то ли оставили свою землю по религиозным соображениям... Так или иначе, несколько сотен кхитайцев, связанных между собой родственными узами, двинулись на запад в поисках лучшей жизни и, не обнаружив для себя таковой, остановились перед огромной водной преградой. И здесь, на берегу Вилайет, начали строить дома — так, как привыкли возводить их у себя на родине, в Кхитайе.

Сменилось несколько поколений, потомки давних беглецов не раз смешали свою кровь с местными турецкими и гирканцами, но вывезенные

из Кхитая традиции сохранились. И путник, случайно оказавшийся в Феризе, не знал, чему больше дивиться: небольшим домам с бумажными стенами и бамбуковыми каркасами, к которым крепятся эти ненадежные полупрозрачные укрытия от ветра и непогоды, тростниковым ли кораблям, похожим на вязанку хвороста, буйному ли цветению вишен по весне или искусственным рукам тамошних ремесленников! А еще изумляла прославленная красота женщин Феризы с мягкими чертами лица, кроткими большими, чуть раскосо посаженными глазами и затаенным коварством в уголках чувственного рта...

Тассилон с Элленхардой очутились в Феризе после того, как оставили гирканцев. В ту памятную ночь, когда они гостили у степняков, Тассилон многое рассказал советнику молодого гирканского вождя. И о своем сводном, единокровном брате-торговце, которому достались и дом, и красавица жена, и отцовское дело. И о собственной доле — идти следом за Элленхардой, оберегая ее от злых людей. И о том, что Элленхарда разыскивает по всему свету своего уцелевшего брата, последнего, кто остался в живых из всей ее родни...

— А о себе-то ты как мыслишь? — спросил неожиданно Трифельс.

Тассилон растерялся.

— Что ты имеешь в виду, почтенный?

— Ты говорил мне о своем брате и о своей подруге, об их судьбе и их желаниях. Но ведь и ты, как я погляжу, далеко не пустое место. Что

же ты ни словом не сказал о себе? Разве это не след от рабского ошейника у тебя на шее? Разве не удалось тебе бежать — да так, что тебя не стали разыскивать?

Тассилон посерел — да так, что было заметно даже в ночной темноте. Трифельс, довольный собою, негромко рассмеялся.

— А, не совсем, значит, я еще стар, если умею различать такие вещи на человеческих лицах! Не бойся, никому не расскажу... Я — догадливый старик, который многое повидал в своей жизни, и умею разглядеть в человеке его прошлое, а подчас — и будущее... Радости мне это, впрочем, не принесло, а пользы моему народу от этого тоже немногого. Впрочем, это уже обо мне. А я хочу поговорить о тебе, Тассилон.

— Не знаю я... — тяжко уронил Тассилон. Перед этим старым человеком не имело смысла притворяться, и Тассилон говорил с ним прямо, без обиняков.

— Если ты склонен послушаться доброго совета... — начал Трифельс.

Тассилон вскинул голову.

— Я был бы рад любому твоему совету, почтенный. Нечасто меня удостаивали своим разговором люди, вроде тебя, и не следует мне пренебрегать столь счастливым случаем.

Трифельс вздохнул.

— Многое бы я отдал, если бы и мой вождь был о моих советах того же мнения! К несчастью, у Салимбена, как он полагает, и собственная голова на плечах хорошо соображает. Соображать-

то она соображает, да всегда ли это к добру... Ладно, будущее покажет, а тебя наше будущее, как я погляжу, и вовсе не касается. Отправляйся в Феризу. Город этот стоит недалеко отсюда, там много пришлого люда — никто не станет смотреть на тебя и госпожу Элленхарду удивленно, а задавать ненужные вопросы — тем паче. Попроси брата-богатея выслать тебе денег, чтобы устроиться получше. Житье там непривычное, что для тебя, что для твоей своюенравной подруги, так что в этом вы сравняетесь между собою, и ни один не будет чувствовать себя обойденным. Живя в бумажном доме, она станет вспоминать о юрте, а ты — о глинобитной хижине своей матери. И народу там много разного. Заезжают бродячие торговцы и неприкаянные наемники. Глядишь, разузнаете что-нибудь и о пропавшем брате госпожи Элленхарды. А кроме того... — Тут старик понизил голос: — Говорят, в Феризе до сих пор существуют настоящие колдуны. Ясновидцы. Если вам повезет, найдете человека, который сумеет для вас увидеть, что угодно. Найдет и брата Элленхарды, вот и успокоится ее сердце.

Совет показался Тассилону настолько простым и хорошим, что он тем же вечером предложил Элленхарде уехать. У них были лошади и целых две коровы. Одну тотчас забили и наготовили мяса в дорогу, а вторую гнали с собой и съели уже на самых подходах к городу.

Дома, может быть, в Феризе и бумажные, зато стены вокруг города — каменные. И немалень-

кие: в добрых пять человеческих ростов, никак не меньше.

Путники долго препирались со стражей, доказывали свою благонадежность. Объясняли, что желают обосноваться в городе. На Тассилона здешние блестители порядка глядели вполне благосклонно, даром что чернокожий — здесь и не таких видывали. Зато Элленхарда вызывала у них очень большие сомнения. Издавна главными врагами здешних обитателей были кочевники-гирканцы, бесцеремонные, дерзкие. От их-то набегов и огораживались стенами. Степняки налетали, как ураганный ветер, сметающий все на своем пути, убивали всех, кто пытался оказать хотя бы малейшее сопротивление, прочих захватывали арканами и волокли за своими конями — в рабство. Забирали женщин и молодых парней, а стариков, искалечив, бросали в степи умирать — не нужны старики, не работники!

Вот и Элленхарда казалась жителям Феризы весьма подозрительной. Все допытывались у ворот — для чего эта «косоглазая» сюда пожаловала? И пока Тассилон всеми богами, каких только знал, не поклялся, что девушка является его женой и пришла в город с ним вовсе не для разведки очередного разбойниччьего набега, не желали отворять ворота.

— В недобро время вы пожаловали в Феризу, — непонятно сказал им хмурый стражник. — Если уж и в самом деле решили за стенами обосноваться, то шли бы в Вендию или Кхитай. А здесь...

Он махнул рукой, но ничего объяснять не желал. Сами разузнаете, когда настанет время.

* * *

Улочки Феризы быстро пустели. Жители, только что деловито сновавшие вверх и вниз по мостовой, круто забирающейся на холм, на котором, собственно, и был разбит город, торопливо скрывались в своих домах. Стремительно задвигались бумажные перегородки, заменявшие здесь и двери лавок и многочисленных харчевен и закусочных, выделявшихся тут и там разноцветными вывесками. Разносчики товаров со своими тележками прятались за живыми изгородями, рыбаки, несущие связки рыбы на длинных жердях, положенных на плечи наподобие коромысла, искали убежища в первом попавшемся доме.

Тассилон и Элленхарда остановились посреди улицы, с удивлением наблюдая за этим поспешным бегством. Грозы, вроде бы, ничто не предвещало — солнце продолжало себе светить с ясного неба, нигде не было слышно ни грома, ни воя надвигающегося урагана... И тем не менее Фериза пустела, как будто невидимая гигантская метла выметала с обозримого пространства людей.

— Что происходит? — пробормотал Тассилон, лихорадочно соображая, стоит ли бежать и если да — то где им будет безопаснее. На Элленхарду в этом городе, как он убедился, смотрят с нескрываемым подозрением, так что поблизости

вряд ли найдется какой-нибудь дом или лавочка, где им охотно предоставят убежище.

— Не зевай, не мешкай, ты!.. — обратилась к Тассилону какая-то незнакомая торговка с корзиной зелени на голове.

Он быстро окинул женщину взглядом. Та выглядела вполне добродушной старой дамой из почтенного племени вечных уличных разносчиков. Из большой плоской корзины, которую она с удобством устроила у себя на голове, свисали пучки травы, перевязанной для продажи, придавая всему сооружению видимость диковинного головного убора. Широкоскулое загорелое лицо было сплошь изрезано морщинами, а из темных, больших глаза откровенно глядели любопытство, доброжелательность и мягкая печаль.

— Что происходит? — спросил Тассилон, радуясь возможности хотя бы узнать, чем вызвано столь паническое бегство горожан. — Неужто в городе чума? Странно! Почему же стражники не остановили нас у городских ворот подобным известием? Да и в степях ничего не слышно о бедствии...

— Э, да вы и впрямь ничего не знаете, бедняжки! — Торговка схватила Тассилона за одну руку, Элленхарду — за другую и без долгих разговоров затащила обоих в ближайшую лавочку, отметая все возражения хозяина.

— Куда, куда!.. — вскрикнул было тот.

Лавочка торговала всем понемногу: поддержанной мебелью — преимущественно низенькими столиками из темного лакированного дерева, по-

судой, разрисованной разными морскими дивами, вроде подводных змеев и донных городов, где обитают полулюди-полутритоны и полуконы-полурыбы. Имелись здесь выставленные на продажу украшения из кёраллов, добываемых местными жителями из моря (и составлявшими главный предмет экспорта Феризы), и дешевая одежда — рубашки, штаны, плетеные и деревянные сандалии, широкополые шляпы, кожаные пояса. Все это было поношенным, а иногда (как заподозрил Тассилон) и краденым.

— Вот нахалка! — напустился торговец на зеленщицу. — А ну пошла вон отсюда! Знаю я тебя! У тебя и глаз недобрый, и рука нечистая, и сандалии грязные, а у меня приличное заведение! Кого это ты с собой притащила? Кто эта косоглазая? Не у тебя ли три года назад ее сородичи увезли в плен племянницу с детьми?

— Тише ты! — раскричалась торговка. — Это ты-то меня знаешь? — Она поправила корзину с зеленью, убрав пучок лука, свисавший ей прямо на глаза, подбоченилась и принялась честить лавочника на чем свет стоит: — Да я сама, может быть, знаю тебя как облупленного! Кто ты такой, чтобы выставлять нас на улицу? И ты еще смеешь пенять мне грязными сандалиями и обвинять, будто я на руку нечиста! Только не вздумай врать, будто ты — честный торговец! Уж мне ли не знать, что такие, как ты, скапают по дешевке краде...

— Тише, тише!.. — Лавочник, казалось, был теперь чем-то испуган. Зеленщице, видать, уда-

лось коснуться какой-то его тайной струны, потому что он мгновенно сменил тон и заговорил иначе, едва ли не умоляюще. — Что ты верещишь, точно кошка, которой хвост прищемили? Прикуси язык и садись-ка лучше сюда. — Он показал на скамью, предназначенную для покупателей, буде те вознамерятся примерить на себя что-либо из выставленного на продажу тряпья или одежды. — И друзья твои пусть присядут. Садитесь! — обратился он к Тассилону с Элленхардой. — Садитесь, прошу вас. И незачем кричать и лишний раз привлекать к себе внимание, — добавил лавочник совсем уж разобиженным голосом, поглядывая на зеленщицу.

Та торжествующе разместилась на лавке, вытянула ноги.

— Давно бы так. Только эти двое мне вовсе не друзья, а просто повстречались на дороге. Вижу — люди, вроде бы, неплохие, хоть и пришлые, а что растерялись — так в том их вины, прямо сказать, немного. Тут не только пришлый человек, тут и ко всему привычный осел бы растерялся, такая поднялась суматоха...

Торговка зеленью извлекла из своей корзины пучок и принялась грызть его, распространяя по всей лавке острый запах лука и еще какой-то непонятной травы.

Видя, что ее никто не перебивает, она продолжала не без удовольствия:

— Гляжу: все бегут, а эти стоят, как полные дурачки, прямо посреди улицы и смотрят эдак... Нехорошо смотрят, с прищуром, особенно вот

он. — Она кивнула на Тассилона, который нелепо громоздился посреди лавки и разглядывал зачем-то складную ширму, прорванную в нескольких местах и вследствие этого совершенно бесполезную. — Ну, думаю, этот точно попадется. Да и подруга его — тоже. Такое личико, как у ней, надо прятать под покрывалами. Одни шрамы на щеках дорогого стоят, а уж взгляд... бrr!

Элленхарда холодно посмотрела на болтунью, но ничего не сказала. Зеленщица передернула плечами, однако продолжала вволю изливать свои чувства:

— А мне стесняться нечего! Я женщина прямая и честная, что подумала — то и говорю! А с такими глазками да с таким взглядом, как у тебя, милая моя, — обратилась она к девушке, — лучше в степях болтаться, а не ездить в Феризу. Потому как ничего хорошего из подобных путешествий обычно не получается.

— И что такого в моем взгляде? — взорвалась наконец Элленхарда, выведенная из себя всеми этими намеками.

Тассилон придвинулся ближе к ней. Будь он собакой, поднял бы сейчас верхнюю губу, обнажая клыки — предупреждая: еще одна обида, нанесенная подруге, и верный пес вцепится в горло первому, кто посмеет...

Но торговка только добродушно махнула рукой.

— Как тебя кликали отец с матерью, а? — осведомилась она дружески.

— Кому Свет-в-окне, а кому Стрела-в-спи-

не, — резко ответила Элленхарда, — а тебе и все дела нет.

— Ну уж... — не обиделась торговка. — Меня вот звать тетка Филена. Учи, я только добра тебе желаю... — Она поерзала на скамье, устраиваясь поудобнее. — В нашем городе, коль уж вас сюда по какой-то надобности занес приблудный ветер, следует жить с опаской, осторожненько... Неужто в степях ничего не слышно про наш Священный Совет?

Элленхарда пренебрежительно пожала плечами.

— Больно надо заглядывать за ваши стены и любопытствовать, чем это вы тут дышите в ваших спальнях!

Тассилон не был столь невнимателен.

— Священный Совет? — перебил он Элленхарду, выступая вперед.

Торговка смерила его взглядом.

— Не пойму что-то, кто из вас двоих тут заправляет, ты или она...

— Разговаривай со мной, — сказал Тассилон. — Я житель городов и в вашей жизни разбираюсь лучше.

— А, ну-ну... — Зеленица хмыкнула и извлекла из своей корзины еще один пучок зелени. Предложила Тассилону: — Хочешь?

Он машинально взял, задвигал челюстью. Элленхарда, заложив руки за спину, отправилась созерцать выставленные на полке чаши и, казалось, всецело погрузилась в изучение нарисованных на посуде узоров.

— Ну вот, — охотно продолжила тетка Филе-

на. — Была у нас тут в городе улица Магов, теперь это пустырь. Неужто про наших магов тебе ничего не известно? Великие гадальщицы и колдуны здесь жили, эх... Мужа мне нагадали, а потом и приворожили, правда, погиб он — сгинул в морской пучине... Жаль, хороший был человек, только шальной.

— Ты говорила о магах, почтенная Филена, — напомнил Тассилон осторожно.

— Ах, да! Ну так вот, извели их, извели под корень. Городские власти так решили. Будто все зло от них. Духов возмущают, тревожат по разным мелочам, призывают сюда непонятные силы... Ну вот сам посуди: одна колдунья привораживает, а за стенкой другая того же самого человека отвораживает... Тут уж и впрямь духам впору возмутиться — чью правду слушать? И начались у нас разные беды. Огневка-поскrebушка изуродовала немало хорошенъких личиков, а потом еще морской кашель — умирали по большей части детки. Ох, и много же слез мы тут выплачали! И все, как говорится, по милости этих самых магов. И стала у нас магия под самым жесточайшим запретом... Признаться, я и сама по молодости лет любила вырезать из дерева приворотную куколку и наговорить на нее что-нибудь любовное... Или вот еще положить под голову гребень с волосами любезного, чтобы во сне открылись мне все его мысли... Но только теперь уже — все, ни-ни...

— Что за глупости ты болтаешь! — перебил словоохотливую тетку Филену лавочник. Он уже

забыл все свои обиды и решительно вступил в разговор. — Да кому есть дело, старая ты кочерыжка, до твоих шашней с каким-то там «любезным»! Все твои любезные давно уж в могиле сгнили, а кто жив, тот вставной челюстью лязгает...

— А ты молчи! — взъёлась торговка. — Не тебя спрашивают, не ты и отвечай. Я все по порядку, может быть, рассказываю, с подробностями, чтобы господа приезжие во всем разобрались. Видишь: госпожа совсем, можно сказать, дикая, и любезности в ней как в степной гремучей змеюке...

Элленхарда чуть повернулась и бросила на зеленщицу испепеляющий взгляд. Тассилон поспешно вернулся к изначальной теме разговора:

— Любопытно все же узнать, что случилось со здешними магами...

— А, любопытно... Тогда слушай, не перебивая, тетку Филену да ума набирайся, может, и госпоже что-нибудь перепадет. Когда всех явных магов — тех, кто промышлял колдовством в открытую, — перебили, а случилось это в одну ночь...

— Ох, и награбили тогда! — мечтательно вклинился в беседу лавочник и покачал головой как бы в осуждение. — Лавки старьевщиков ломились от первоклассного товара... Перламутровые столики и инкрустированные ширмы уходили, можно сказать, за бесценок...

— Когда магов перебили, — с нажимом повторила зеленщица, явно недовольная тем, что ей опять помешали, — в городе был учрежден этот

самый Священный Совет. Для поиска, значит, выявления и уничтожения магов тайных. Чтоб никому! Чтоб больше никогда! Вот эти самые члены Священного Совета, доложу я тебе, мастера своего дела. Любой намек по глазам распознают. Глянут в глаза — и все, готово! Распознали. Хватают людей и по доносам честных граждан, и просто так, по одному голому подозрению. Могут и на улице взять, например, какого-нибудь прохожего, кто покажется им подозрителен. Хвать — и в Синюю башню, для допроса. Вот оно как. Я почему и забрала вас с улицы...

В этот момент до собеседников донесся привлущенный бой барабана.

— Вон они, идут! — сказал лавочник.

Торговка поднялась со скамьи, подобралась на цыпочках к плотно задвинутой бумажной перегородке и слегка отодвинула ее, выглянула в щель и несколько секунд смотрела на улицу. Затем поманила пальцем Тассилона (Элленхарда продолжала делать вид, что происходящее нимало ее не занимает).

— Иди-ка, глянь...

Тот приблизился и осторожно выглянул в щель.

По пустой улице медленно двигалась зловещая процессия. Впереди шел человек, одетый во все черное, и мерно, торжественно бил в барабан. Тассилон узнал барабан — такими пользовались степняки, желая устрашить противника перед битвой. Глубокий громкий гул, исторгающий из огромного чрева барабана, пробирал, казалось, до

самых костей. Однако все кисточки, обереги и украшения, которыми обвешивали такие барабаны степные воины, были срезаны, и без них инструмент вдруг показался Тассилону голым.

Следом за барабанщиком катила телега, также выкрашенная в черный цвет. В телегу был запряжен огромный вороной конь. За телегой ступали человек десять в черных плащах с низко опущенными капюшонами. Замыкали шествие солдаты, вооруженные длинными пиками.

В телеге же, прикованная цепями, сидела молодая женщина, совершенно обнаженная и обритая наголо — в знак позора. На ее худом изможденном теле были видны следы пыток.

Тассилон отшатнулся. На его лице появилось странное выражение — недоумения, страха, горечи.

Тетка Филены поглядела на него торжествующе.

— Понял? — И, приблизившись вплотную, окатила запахом лука: — Береги подругу! — Затем она снова отодвинулась и заговорила менее заговорщическим тоном: — То-то и оно! Я-то была права! Слушайте старуху Филену, не пропадете даже в Феризе, это вам любой скажет.

— Кроме меня, — проворчал лавочник.

Зеленщица не удостоила его даже взглядом.

— Скажи-ка, друг мой бродяга, — обратилась она к Тассилону, — ты ведь пожалел эту женщины, а? Пожалел?

— Как же мне не пожалеть ее, — искренне сказал Тассилон. — Ведь ее били, пытали... Судя по всему, везут на казнь...

— У тебя все на лице написано, — произнесла

торговка зеленью с торжеством. — Ты ее пожалел. А им, Священному совету, только того и надобно. Жалеешь ведьму? Сочувствуешь осужденной? Значит, и сам ты — колдун, подозрительная персона. Заберут для дознания, да еще девчонку твою приплетут... Непременно приплетут, с ее-то выражением лица... И помяни мое слово, для вас обоих добром это не кончится. Пропадете ни за что.

Торговка зеленью безнадежно махнула рукой. Элленхарда наконец обернулась к ней.

— Она, эта женщина, которую казнят, — кто она? — спросила девушка.

— А, поняла... благодаря теперь тетку Филену, — не унималась торговка.

Тассилон остановил ее:

— Тебя спрашивают об осужденной женщине.

— Ведьма, кто же еще... Я с нею не знакома. Да что у тебя в мыслях? — всполошилась вдруг она, заметив, что Элленхарда решительно направляется к выходу из лавки. — Стой! Пропадешь! Останови ее! — напустилась она на Тассилона.

— Проще мне пойти следом за нею, — отозвался он. — Дурного моей подруга не задумает, а в добром деле я попробую ей, пожалуй, помочь.

Уже у самого порога Элленхарда обернулась.

— Благодарю за заботу и рассказ, госпожа Филены, — произнесла она торжественно. — А теперь нам следует уходить. Прощай.

Она вышла на улицу. Тассилон последовал за ней. Торговец, хозяин лавочки, поспешил задвинуть за ними бумажную дверь.

Глава седьмая

Ведьмин дом

Аригон с Вульфилой так и не определили своего отношения к киммерийцу. Разумеется, варвар был проходой, однако это качество в мире наемников не считалось недостатком. Конечно, Конан убил человека, который приютил обоих солдат, давал им кров и деньги. Но, опять же, среди наемников не существовало личной ненависти к тем, кто — по долгу службы — извел их нанимателя. Каждый делает свое дело по возможности честно, и бывшим врагам не стыдно оказаться в следующий раз в одном лагере.

«В том-то и дело, — размышлял Аригон, поглядывая на варвара, который ехал на своем коне сбоку от телеги и имел совершенно беспечный вид довольного жизнью человека, — в том и дело, что этот Конан никогда не будет с нами в одном лагере. Он всегда сам по себе. И сейчас, хоть

он и с нами, хоть он и добывает дичь для нашего костра, хоть он и отобьет нападение врагов, если кто-нибудь посмеет поднять руку на наш отряд, — киммериец все равно преследует собственные цели. И нам об этих целях ничего не известно».

Конан, разумеется, догадывался о том, как относятся к нему его спутники. И все же киммерийцу не хотелось заводить близкие отношения с ними — ни с северянином Вульфилой, который ушел из Астарда, чтобы подороже продать свой меч любому из могущественных владык Хайборийского мира, ни с чванливым Аригоном, который бредил только одним: как бы возродить собственный клан и сделаться его главой. Ни одна из этих целей не совпадала с намерениями киммерийца.

Сейчас Конану требовалось одно: вернуть принцу Бертену прежний лоск и доставить юношу отцу. За хорошую плату, разумеется.

Для этого у Конана был разработан подробный план. Во-первых, он усиленно кормил Бертена. Заставлял того, пусть даже через силу, поедать свежую, зажаренную на костре дичь. Лично испекал для него съедобные клубни, которые находила Рейтамира.

Глядя, как молодой человек нехотя обгрызает птичье крыльшко или жует, глядя в небо отсутствующим взором, похрустывающие на зубах коренья, Конан сердито вздыхал.

— Ты должен выглядеть как наследник престола, — поучал он расколдованного «грифа», —

а вместо этого похож на девицу, которая обеялась простоквашей и теперь мается животом.

— Что за сравнение! — возмущался Бертен. Конан равнодушно пожимал плечами.

— Я просто описываю то, что вижу. Воин есть энергично, с удовольствием! Я бы даже сказал — с некоторым восторгом!

И, демонстрируя, как это должно выглядеть, киммериец отрывал от птичьей тушки сразу половину и принимался звучно хрустеть маленькими косточками.

Бертен морщился.

— Даже без столовых приборов!

— Руками ешь! — рычал варвар, и жир стекал у него по подбородку. — Ты должен быть сильным!

Однажды Бертен не выдержал. Он отложил недоеденного кролика, аккуратно вытер лицо листом, сорванным с дерева, и приблизился к своему «учителю».

— Я сейчас вспомнил одну вещь, — произнес он негромко. — Я всегда плохо ел. У меня не было аппетита. Я был худым и изнеженным. Ясно? Теперь, когда заклятие Велизария пало, я вернулся к прежней своей природе. И не заставляй меня изменяться. Этого не удалось целому отряду нянек и кухарок.

— Ты был изнеженным? — поразился Конан. — Но в таком случае почему ты выступил против Велизария?

— Ну... — Юноша пожал плечами. Жест получился аристократическим, чуть снисходитель-

ным по отношению к неотесанному собеседнику. — Он ведь был негодяем, не так ли?

— Ты же отправился на верную смерть! — продолжал удивляться Конан. — Для чего?

— Возможно, тебе этого не понять, — сказал Конан.

— Я постараюсь, — заверил Конан.

— Возможно, я пытался спасти нашу честь, — объяснил Бертен. — Когда какой-нибудь разбойник захватывает территорию и начинает там хиляничать, как у себя на вотчине, а все кругом молчат...

— О! — произнес Конан и замолчал.

Он обошел Бертена кругом, оглядел его со всех сторон, точно некую диковину, которую увидел впервые. Молодой человек действительно был худым, даже тощим, но прежде Конан относил это на счет дурного обращения с пленником, которого держали впроголодь. Ну и еще сыграла определенную роль юношеская хрупкость. Однако теперь Конан видел, что младший сын хоаремийского владыки действительно от природы был костлявым и хилым. Пребывание в шкуре грифа также наложило на его облик свой отпечаток, но правда заключалась в том, что Велизарий превратил Бертена в эту птицу, заметив забавное сходство плененного принца с грифом.

Поразмыслив над сказанным и увиденным, Конан пришел к такому решению:

— Все равно, ты должен пытаться как следует. Ешь через силу. А завтра я начну учить тебя фехтованию. Твой припадочный братец не подхो-

дит для того, чтобы занять престол, так что можешь не сомневаться: еще задолго до смерти вящего отца со старшим братом что-нибудь произойдет, и править Хоарезмом будешь ты.

— Властителю не обязательно владеть оружием, — отрезал принц. — Для этого у него есть армия.

Конан усмехнулся, как бы намекая на что-то.

Бертен добавил, приподняв бровь:

— Вероятно, я кажусь тебе сотканным из противоречий, но это потому, что у меня утонченное и изысканное воспитание.

— Придется его подпортить, — сказал Конан.

— Что? — не рассыпал принц.

— Воспитание, — пояснил киммериец. — Придется сделать его менее утонченным. Более однозначным. Завтра я займусь твоим обучением.

Уроки фехтования превратились в потеху для Арригона с Вульфилой, и даже Рейтамира время от времени прыскала в кулак, исподтишка наблюдала за «учителем» и его высокородным «учеником».

Поначалу Бертен наотрез отказывался фехтовать палкой, которую вручил ему киммериец. Молодой человек стоял, гордо выпрямившись и держа палку у ноги, а киммериец наскакивал на него, делая вид, что вот-вот ударит. Наконец Бертен сердито скривил губы:

— Ну, хватит! Не веди себя, как мальчишка!

После этих слов Конан, без предупреждения, хватил расколдованного принца палкой по голове. Бертен ахнул и схватился за макушку.

— Ты что? — взвизгнул он. — Нахал! Я скажу отцу!

— Его здесь нет! — рявкнул Конан. — Защищайся!

Варвар широко развел руки в стороны, подставляя под удар свою могучую грудь. Бертен попытался треснуть противника, и тотчас Конан парировал неумелый выпад, нанеся ответный удар по левому плечу молодого принца. Юноша взвыл и бросился в атаку. Теперь Конан вполне понимал, почему Бертен пустился в свой безнадежный поход против Велизария: принц был горд и безрассуден. Опасное сочетание качеств для будущего правителя. Странно, что отец этого не замечает.

А может быть, и замечает, просто старший сыночек еще хуже младшего.

И Конан — отчасти от скуки, отчасти из сострадания к жителям Хоарезма, которым предстоит жить под властью необузданного и вспыльчивого правителя, — взялся «шлифовать драгоценный камень». Целыми днями он то кормил принца мясом, то гонял его с учебным оружием.

Отряд стал лагерем на несколько дней. Лошадям необходим был отдых, да и люди устали от непрерывного передвижения. Хоарезм подождет.

К концу второго дня Бертен впервые отразил выпад Конана. Киммериец счел это достаточно большим достижением, чтобы позволить своему ученику сделать перерыв. Бертен без сил повалился на землю и тотчас провалился в сон, а Конан, стоя над ним, захочатол.

— Ну, кажется, дело пошло! — воскликнул он. — Я страшно проголодался!

Аригон, настрелявший птиц, лениво приоткрыл один глаз и посмотрел на варвара.

— Когда моя сестра была маленькой девочкой, — проговорил гирканец, — она играла в куклы. Но я впервые вижу, чтобы такая забава была по сердцу мужчине и воину.

— Принц — не кукла, — возразила Рейтамира, — а Конан не играет с ним.

— Твоя ж-жена тебе возраж-жает, — засмеялся Вульфиле.

Асгардец сидел у костра и занимался приготовлением ужина. Он плотоядно поглядывал на птиц, обмазанных глиной и уложенных в угли, по которым пробегали алые змеи жара.

Аригон махнул рукой.

— Мир давно стоит на голове, так что пусть жена возражает мужу, а взрослый киммериец играет в игрушки, — сказал он. — Для чего мне, колченогому гирканцу, у которого истребили всю родню, спорить с мирозданием!

— Удивительный народ — степняки, — сказал Конан, — чуть что — сразу «мироздание», «боги», «судьба»... На себя бы посмотрели!

— Это потому, что мы поклоняемся Четырем Ветрам, — сказал Аригон. — Мы привыкли думать о всей вселенной, которую они овевают.

— А, — сказал Конан. — Ну тогда понятно.

И сделал неприятное лицо. Он был невысокого мнения о Четырех Ветрах, потому что эти боги ничего не знали о героической гибели в бою и

посмертном бесконечном пиршестве в чертогах мертвых.

Они двинулись дальше только через два дня. Дорога постоянно уводила их все глубже в лес. Конану это даже нравилось — киммерийцу надоели пустынные берега моря Вилайет. Пусть им придется пройти лишние мили до Хоарезма — торопиться-то некуда! — зато путь не будет таким однообразным.

Избушка, которую путники заметили в лесу на пятый день, сразу понравилась Бертену, Рейтамире и Вульфиле; что до Аригона с Конаном, то они предпочли бы привычный ночлег под открытым небом. Лучше уж под деревом, да в безопасности, чем за стенами, неизвестно кем сложенными и неясно, для каких еще целей.

Вульфиле только пожимал пудовыми плечами, удивляясь странной недоверчивости своих товарищей.

— У т-тебя в г-голове с-сплошная каша! — горячо убеждал он Аригона. — Ч-что это з-значит — «для к-каких целей»? Ясно, для к-каких! Ч-чтоб к-крыша над головой б-была!

— Не всякая крыша — ночлег, — упрямился Аригон. — Слышатся в лесу худые места, посвященные злым духам...

Как всякий степняк, он не слишком доверял тесноте густых лесов, где столько удобных мест для засад и укрытий.

— В-в лесу? Т-ты ч-чокнутый! А-лес — д-добрый! — убеждал Вульфиле.

— Может, и так, — нехотя начал сдаваться

Аригон, — но все равно не доверяю я домам, где никто не живет. Посмотри, здесь все прибрано так, словно кого-то ожидают в гости, а хозяев не видать.

— А если они отлучились? — сказала Рейтамира. Ей вдруг ужасно захотелось пожить в собственном доме. Пусть этот дом стоит в лесу, точно брошенный, пусть!.. Хотя бы ради игры, на одну только ночь побыть хозяйкой, а не бездомной бродяжкой, которая устраивается спать в телеге (а если дождь, так и под телегой!)

— Отлучились? Еще скажи — «ненадолго»! Скажи — «недавно ушли»! — разъярился Аригон. — Хоть бы ты, женщина, помалкивала!

Рейтамира густо покраснела.

Однако Вульфиле тотчас же вступил за девушку.

— А т-ты ей рта не затыкай! — рявкнул он. — П-пусть выс-скажется! У нее, м-может, н-на душе н-накипело!

— Гляди ты, заступник выискался! — обозлился Аригон. — Говорю тебе, место это нехорошее. Приготовлено все как будто для гостей, а следов вокруг никаких нет, и тропинки не вытоптано. Ни одна травинка здесь не примята! Или природная глупость застит тебе глаза?

— Н-не застит, — буркнул Вульфиле. Он начал вдруг понимать, что Аригон, возможно, прав.

— Тогда раскрой их пошире.

— А-да уж раскрою, косоглазый, — заворчал Вульфиле.

— Я-то косоглазый, а вижу лучше твоего! *Нет здесь людей!* И уже очень давно как нет! Уйдем отсюда, пока не стемнело, нехорошее здесь место!

Вульфиле безмолвно пожал плечами.

— Лично я полагаю, что целесообразно... — начал было юный принц, но Конан попросту закрыл ему рот своей крепкой шершавой ладонью. Бертен поперхнулся и от растерянности издал звук, похожий на клекотание сердитого грифа.

— Я тоже предлагаю уйти отсюда, — сказал Конан. — Аригон совершенно прав.

Но далеко они не ушли: началась страшная буря, молния сверкала непрерывно, дважды в чаще леса с треском валялись вековые деревья, а с небес изливался бурный поток.

Жалея Рейтамиру и Бертена, а еще больше — лошадей, путники все-таки вернулись к избушке.

Аригон согласился на ночлег под чужой крышей с крайней неохотой. Но что тут поделаешь, если Рейтамира молча дрожит всем телом и только время от времени бросает на своего сурового мужа умоляющие взгляды. Путники прогодли. Кроме того, дождь грозил уничтожить остатки запасов муки, которые, как ни укрывали их на телеге, все равно вот-вот могли промокнуть.

Гроза словно издевалась над ними: в небесной выси грохотало, как будто хохотало, холодный дождь так и норовил запустить свои ледяные пальцы за ворот рубахи, мутная вода в перемежку с шишками и елочными иголками хватала за ноги.

Избушку они нашли без труда. Она словно бы сама выскочила им навстречу — уютная, светлая. И так покрасуется, и эдак: вот я какая теплая да желанная! Даже Арригон согласился — ночевать придется здесь. Вдруг простудится Рейтамира, заболеет? Чем ее лечить? А если она умрет?.. Нет уж, лучше подвергнуться нападениям самых лютых демонов, которые наверняка здесь гнездятся, чем потерять Рейтамиру...

Сбросили с себя сырую одежду, нашли в домике ветхое тряпье, служившее одеялами, закутались. Сразу стало веселее. В домике имелся небольшой запас дров, так что удалось даже развесить огонь. Вульфилла втащил мешочек с хлебцами (осталось их совсем немного) и закрыл дверь.

— Где лошади? — спросил Арригон.

— П-под навесом... Там и с-сено есть, не б-беспокойся т-ты, л-лошадник.

— Мало ли... — пробурчал Арригон.

Бертен присел поближе к огню и постепенно перестал стучать зубами. Все мышцы его непривычно натруженного тела ныли и стонали, кости разве что не вскрикивали от боли при каждом движении. Киммериец сказал, что скоро придет, но в дом так и не вошел. Остался сидеть под деревом, чуть поодаль. Возражать Арригону он не захотел, однако мнения своего касательно лесного домика не изменил и, как всегда, решил действовать по-своему.

Еще одно свойство Конана, которое обычно раздражало его случайных попутчиков.

Оказавшись под крышей, Рейтамира сразу

устроилась на лавке. Она даже не стала дожидаться, пока согреется вода, чтобы перекусить на ночь. Так устала, что мгновенно заснула.

Вскоре погрузились в сон и все ее спутники. А может быть, то был вовсе не обычный сон...

* * *

Никто из них не слышал, как прекратилась гроза. За стенами избушки воцарилась сладкая тишина. Только время от времени падала с ветки тяжелая капля, да где-то далеко вдруг потрескивало что-то. Лес никогда не спит, никогда не погружается в полное безмолвие. Всегда здесь кто-нибудь шевелится, пробирается тайными тропами, разыскивая себе пропитание или спасаясь от хищников.

Кто-то тихо шел по мокрой траве, направляясь к спящей избушке.

Вот он уже близко... Тронул незапертую дверь. Ступил на порог... Оглядел спящих... безмолвно засмеялся...

Рейтамира вдруг проснулась и села, ничего не понимая. Ни Арригона, ни Вульфилы, ни Бертена поблизости не нашла. Она вообще не понимала, где находится, и не могла вспомнить, как здесь оказалась.

Вокруг громоздились колонны из необработанного красного камня. Гигантские — каких Рейтамира никогда в жизни не видела. Даже не подозревала, что такое может где-то быть. Между колонн стояли странные люди, высокие и тон-

кие, словно вытянувшиеся на хвостах змеи или ящерицы. Их лиц она разглядеть не могла — они были скрыты масками. Впрочем, о масках она скорее догадывалась, поскольку поверх масок имелись еще капюшоны.

И все это сберище пело. Пело тонкими, нестройными голосами, ужасно, как показалось Рейтамире, фальшивя. Она хотела закрыть уши ладонями, но руки показались ей страшно тяжелыми, точно налитыми свинцом.

Вдруг она поняла, что совершенно утратила собственную волю. Стоит здесь и слушает жуткое пение, от которого все тело расслабляется, становится каким-то развинченным, вихляющим, словно бы не своим...

Вдруг один из поющих повернулся к Рейтамире, и та ахнула: узнала своего младшего дядьку, который много лет назад погиб во время пожара. Лицо это было или маска — то, что смотрело на нее немигающими глазами? Рейтамира не могла бы сказать этого с определенностью.

Вот второй из поющих обернулся... И снова мороз пробежал по спине девушки: то оказалась маленькая девочка, дочка соседа, которая утонула, купаясь в реке, — лет шесть минуло с тех пор, как случилось это несчастье. Снова неподвижное лицо, неживые глаза...

Третий из стоявших — бывший жених Рейтамиры. Тот самый, который покушался убить Велизария и которого сразила стрела Арригона. Призрак молча глядел на девушку. Словно ждал чего-то.

— Я не предательница! — громко сказала Рейтамира.

Пение вокруг сделалось еще громче, еще нестерпимей.

— Не предательница! — закричала девушка в отчаянии и все-таки закрыла уши ладонями. Но тонкий вой достигал ее слуха, ввинчивался в голову.

В этот момент маленькая сухонькая старушка подковыляла к Рейтамире и тихонечко потянула ее за одежду.

— Идем со мной, красавица, — прошамкала она. — Идем со мною, деточка...

Рейтамира отняла ладони от лица, поглядела на старушку. Та, согбенная, вся в черном, держала в руках охапку белых, резко пахнущих цветов, и тряслась головой.

— Кто вы, госпожа? — пролепетала Рейтамира.

— Идем со мной... — в третий раз позвала старушка.

И зашлепала вперед, мимо поющих мертвецов, которые на глазах у пораженной девушки превращались в змей. Погибший жених глядел на Рейтамиру, широко улыбаясь сухим, трескающимся ртом, и из шеи у него торчала оперенная стрела, а вокруг раны запеклась густая темно-коричневая кровь.

— Куда мы идем? — спросила Рейтамира старушку.

— Здесь недалеко... — невнятно ответила та. — Наряды выбирать, наряды... Ведь ты хочешь понравиться своему мужу?

— Мужу?

— Рейтамира! — бессильно кричали откуда-то издалека, но Рейтамира только тряслась головой.

Несмотря на видимую ветхость и дряхлость, старушка бежала очень быстро, так что Рейтамира едва поспевала за ней. Они пробирались сквозь густую, высокую траву, заплетавшуюся перед грудью, — Рейтамира вдруг с удивлением поняла, что настал белый день и что она забрела очень далеко от избушки, где спят ее спутники. Но старушка все шла да шла, не останавливаясь, и Рейтамира, точно коза на привязи, бездумно следовала за ней.

Впереди внезапно выросли бревенчатые стены. Дом!.. Девушка остановилась, разглядывая странно знакомый сруб, крышу, маленько оконко, затянутое бычьим пузырем... Да ведь это та самая избушка, куда ее вместе с остальными захнала ночевать гроза! Как же так? Из избушки вышли — и сюда же и пришли?

Девушка хотела спросить обо всем этом старушку, однако та уже отворила дверь и исчезла за порогом. Чувствуя сильное облегчение — напрасы! не потерялась! — Рейтамира вбежала следом за нею... И остановилась посреди маленькой горницы.

Там все было выкрашено черным — стены, потолок. Черным, казалось, стал даже воздух.

А посреди горницы, на выдвинутой вперед скамье, лежали ее спутники — Арригон, Вульфила и Бертен. Все они были обернуты черной тканью, и торчали наружу их мертвые ноги.

Немея от ужаса, Рейтамира коснулась желтоватой лодыжки Арригона. Ей показалось, что на ощупь эта лодыжка деревянная, не настоящая. А старушка... где же старушка?

В углу копошилось что-то юркое, маленькое, темное. Рейтамира разглядела, что старушка — вот она, здесь, торопливо моет пол крошечной грязной тряпичкой.

Не помня себя, закричала Рейтамира:

— Старая карга! Куда ты завела меня?

— Домой, домой... — прошамкала из угла старуха. — Ты пришла домой, деточка...

— Не верю! Это не мой дом! Что тебе нужно?

Где мой муж?

— Вон он, — кивнула старуха.

В окне, искаженное бычьим пузырем, уже мелькало чье-то лицо. Приглядевшись, Рейтамира узнала своего мертвого жениха и завизжала, уже не стыдясь собственного страха:

— Пустите меня! Пустите!

Старуха уселась на корточки и вонзила в перепуганную девушку нечеловеческий взгляд. Глаза ее были холодными, круглыми, как у совы, горящими в темноте.

— Не я к тебе пришла, ты сама ко мне явилась, по доброй воле... — проговорила ведьма.

— Отпусти меня... — взмолилась Рейтамира. — Я подарю тебе ягненочка...

— Не нужен мне ягненочек! — засмеялась старуха беззубым ртом. — Отдай самое дорогое, — напомнила старуха. — Первенца, либо возлюбленного. Выбирай!

Мертвец скреб пальцами по бычьему пузырю и что-то говорил за окном — Рейтамира, к счастью, не могла его рассышать.

Она бессильно опустилась на пол.

— Я не отдам тебе ни возлюбленного, ни первенца, — сказала она. — Забирай лучше меня!

В этот момент дверь избушки словно сорвало с петель, и в проеме показалась нечто огромное, бесформенное... Поначалу чудилось, будто это морская волна, но откуда здесь, в чаще леса, взяться морю? Потом показалось, будто это снежная лавина... Но нет, это был ветер, несущий с собой и листья, и опавшие с сосен иглы, и сухую траву, и мелкие веточки... А посреди смерча, раскальваваясь надвое, был виден кокон света.

Старуха зашипела, сидя на полу. Тем временем кокон окончательно развалился, смерч обвил избушку, а на порог ступил огромный рослый человек с копной черных спутанных волос.

Войдя в избушку, он огляделся по сторонам, сверкнул пронзительными синими глазами, засмеялся и вдруг оглушительно свистнул.

— Что тут за царство? — крикнул он. — Кто тут правит?

— Я, — прошипела старуха из угла.

— Ты? — Рослый воин презрительно двинул в ее сторону сапогом. — Что за мир, где правят безобразные старухи!

Ведьма пошевелилась и вдруг стремительно поднялась — высокая, прекрасная, бледная женщина с развевающимися вокруг лица белыми волосами.

— Кто говорит здесь о безобразных старухах?

— Я, Конан из Киммерии! — крикнул воин и вытащил из-за широкого загорелого плеча меч. Он плонул красавице в подол.

— Я говорю о старухах! Слышишь? Тебе не обмануть меня.

И меч со свистом рассек воздух и вонзился в бок красавицы. Он прошел сквозь призрачную плоть, как нож сквозь масло, не причинив ей вреда.

Ни капли крови не выступило из призрачного тела. Послышался скрежет, словно оружие соприкоснулось с металлом. Руки женщины неестественно вытянулись и коснулись черного потолка.

Ведьма зашипела и начала корчиться. Киммериец снова занес меч для удара.

— Убирайся отсюда, ведьма, пока я не раскрошил тебя на куски! — пригрозил он. — Добрая сталь знает свое дело.

— Я вернусь, — свистела, извиваясь, ведьма. Теперь она непрерывно меняла обличия, обращаясь то старухой, то красивой молодой женщиной, то ребенком, то змеей. — Я заберу тебя и всех твоих друзей...

Угроза повисла в воздухе черной паутиной, но потом растаяла и она. Исчезла чернота стен и потолка, пропала гробовая ткань, спящие зашевелились, однако просыпаться не спешили. За окном медленно занимался рассвет, и день обещал быть ясным.

Рейтамира бессильно сидела на полу. Конан

приблизился к ней, уселся напротив, скрестив ноги и слегка откинув назад голову.

— Благодарю тебя, — пробормотала наконец девушка. — Благодарю, господин...

— А! — отозвался Конан. — Очнулась? Вот глупая женщина!

Рейтамира осторожно покачала головой. Все поплыло у нее перед глазами, и она сильно ударила виском о пол — упала.

И все исчезло.

* * *

— Пришла в себя! — сказал Арригон. — Хвала Четырем Ветрам! Я уж думал, она никогда не очнется.

— Я едва не умер от этого кошмара, — сообщил Бертен. Он был очень бледен и то и дело стирал со лба холодный липкий пот. Впрочем, на парня никто не обращал внимания. Конан лишь мельком убедился в том, что с принцем все в порядке.

Арригон, Вульфила и Конан, сменяясь поочередно, провели возле Рейтамиры почти трое суток. Женщина бредила, металась, сбрасывала с себя одеяло и надрывно кашляла. Иногда казалось, будто она приходит в себя, однако взгляд ее продолжал оставаться неосмысленным, а речи бессвязными.

Арригон пугался, говорил, что в жену его вселились злые духи здешнего леса, и Конан был склонен соглашаться с гирканцем; но Вульфила

неизменно успокаивал: ерунда, сильная простуда, ничего больше.

Бертен вообще был несколько задет тем, что на него перестали обращать внимание. Он даже начал выходить из дома и тренироваться с мечом самостоятельно, делая выпады на лесной полянке и атакуя невидимого противника. Конан пару раз наблюдал за потугами принца и нашел их удовлетворительными.

Вульфила не был сведущ в научных трудах по медицине, зато неплохо разбирался в травах, поскольку в походах воинам не раз приходилось лечиться, что называется, на ходу. Он и изготавливал для больной целебные отвары.

— Главное, чтобы они не были ядовитыми, — советовал Конан. Он имел неприятное обыкновение говорить Вульфилю под руку, поэтому асгардец шипел и фыркал. Но Конан не переставал поддразнивать его: — Ты вытащил колючки из чертополоха? Они плохо развариваются!

— Уб-бью! — лаконично обещал Вульфила.

Конан отпускал два-три замечания насчет травников, после чего оставлял наконец Вульфилю в покое.

Наконец настали самые мрачные часы, когда уже стало казаться, что девушка никогда не поправится. Она слабела на глазах, худела, истаивала, словно сосулька в весенний день. Арригон ушел в лес, бессильно взывая ко всем богам, каких только мог припомнить, и к духам своего племени, проклиная их вероломство. Зачем только они дали ему жену! Для чего послали нежную

подругу? Только для того, чтобы, насмеявшись над кратким исполнением человеческих надежд, потом так жестоко отнять ее? Будьте вы прокляты! Он стучал кулаком по стволам деревьев и бранился самыми жуткими словами.

А потом все разом закончилось. Рейтамира открыла глаза, и взгляд ее впервые за все эти долгие часы был ясным и осмысленным. Она узнала Вульфила, чуть пошевелилась и позвала еле слышно:

— Арригон...

— Его здесь нет, — торопливо ответил Вульфила. — Пошел в лес...

— А... — Она сделала попытку приподняться.

Вульфила набросился на нее и привалил ее к скамье.

— А-лежи... Т-тебе нельзя шевелиться!

Придавленная могучими руками Вульфилы, Рейтамира слабо улыбнулась.

— Почему это?

— Б-болеешь... — объяснил Вульфила.

— Убери свои лапищи, медведь, ты ее задавишь, — недовольно вмешался Бертен, тщетно пытаясь скрыть облегчение. Случившееся с Рейтамирой пугало его, близость злых чар отзывалась в его большом теле так, словно кто-то нарочно бил по старым ранам.

Вульфила отошел в сторону и проворчал:

— П-пойду этого д-дурака искать... Арригона... П-пока он там от горя к-какого-нибудь несчастного в-волка голыми руками не п-порвал...

Глава восьмая

Паутина предательства

ветлейший Арифин — несмотря на все свои титулы «кладезя премудрости» и прочие эпитеты, сопутствующие званию Верховного жреца Тайного Ордена, — недаром был торговцем. То есть — человеком абсолютно трезвомыслящим, стоящим на земле обеими ногами. Сам он, конечно, до того, что называлось «практическими действиями», никогда не опускался, поручал это рядовым исполнителям. Но общий план кампании разрабатывал сам.

Церинген и сам не в облаках витал, разбирался, что к чему в этом мире. Далеко не лучшем из миров, но ведь и далеко не худшем же! И жить господину Церингену хотелось здесь с наибольшими удобствами. За удобства же, как он привык считать с младых ногтей, надлежит расплачиваться звонкой золотой монетой. И чем громче звенит монета, тем удобнее и лучше живется.

Исходя из вышеизложенного можно было бы предположить, что светлейший Арифин и господин Церинген как два торговца быстро оставят все высокопарные бредни насчет «духовного самоусовершенствования» и «очистительных бедений» и перейдут на нормальный деловой язык торгащей. Ничуть не бывало! Ибо, как говорится, и на старуху бывает поруха: господин Церинген *поверил*. Или почти поверил, что совершенно не меняет дела. Он с превеликой охотой выслушивал проповеди и поучения, какие надлежит выслушивать всякому неофиту Ордена, а кое-что даже велел записать для себя на красивой шелковой ткани, для чего нанял особого каллиграфа.

Каллиграфа предоставило «Свободное Сообщество Каллиграфов», которое занималось двумя родами деятельности: открытой и тайной. Открытая представляла собою обычную переписку деловых и личных бумаг, а также приведение в порядок архивов знатных семейств, где имелись не только генеалогические записи и документы о потере и приобретении имущества, но и личные письма, повести о выдающихся представителях рода и прочие документы.

Тайная же деятельность управлялась неким Ватаром, личностью в принципе малопримечательной (он считался рядовым каллиграфом). Этот Ватар состоял в Тайном Ордене Павлина в должности Недреманного Ока второй степени и занимался покупкой и обучением рабов, как правило, детей. Их он покупал на самых обычных невольничих рынках, так что судьбой попавших

к нему в руки рабов никто не интересовался — ни власти, ни какие-нибудь случайные знакомые, поскольку все совершалось исключительно по закону.

В доме Ватара их посвящали в Орден и обучали грамоте, различным языкам и красивому письму. Кроме того, они занимались шпионажем в пользу Ордена, который, оправдывая свое название, имел свое око практически в каждом из богатых домов Хоарезма.

Каллиграф, составлявший рукопись поучений для господина Церингена, каждый вечер докладывал Ватару: «Торговец шелками очень увлечен идеями Ордена... Кажется, он всецело предан Ордену... Заучивает наизусть афоризмы, высказывания и надлежащие цитаты из речений основоположников... Мечтает принять участие в медитации, направленной на самопознание и самоочищение...»

Эти сведения сочли важными, и спустя несколько дней в доме господина Церингена снова появился Арифин. Он был принят со всевозможным почетом и препровожден в комнату с бассейном и фонтаном.

Господин Церинген расслабленно лежал на подушках на краю бассейна, созерцал плещущие струи фонтана, кушал апельсин и грезил. Завидев долгожданного гостя, он слегка пошевелился, что должно было означать внутреннее стремление вскочить и бежать навстречу визитеру, раскинув руки для объятий (один из адептов Ордена учил о том, что намерение и исполнение на-

мерения равновелики в глазах Павлина). Гость понял это и улыбнулся.

— Во имя Света Очей! — молвил он торжественно и, не дожидаясь приглашения, сам опустился на подушки неподалеку от господина Церингена (подушки были предусмотрительно разбросаны по всей комнате — для того, чтобы Церинген не утруждал себя перенесением подушек, буде ему вздумается переместить свое изнеженное тело с одного конца комнаты на другой).

— Светом их преисполняясь! — отозвался Церинген ритуальным приветствием.

Арифин еще раз улыбнулся — довольный. Обучение неофита продвигалось неплохо и он, похоже, действительно напитывается идеями Ордена — точь-в-точь как докладывал каллиграф.

— Я пришел рассказать о ходе нашего дела, брат мой, — произнес Арифин.

Церинген жадно уставился на него.

— По правде сказать, мне трудно скрыть мое нетерпение, — признался он. — Самая мысль о том, что враги мои наслаждаются всеми радостями быстротекущей жизни и даже, говорят, благополучно обзаводятся потомством, в то время как сам я...

— Начало нашей мести положено, — сказал Арифин спокойно. — В дом Эйке внесен разлад, поначалу совсем небольшой.

— Я весь превращен в слух, подобно тому, как Павлин, владыка наш, весь пребывает Оком, — напыщенно изрек господин Церинген и принял изысканную позу.

— Уволен приказчик в одной из лавок, — пояснил Светлейший Арифин.

Господин Церинген не мог скрыть своего разочарования.

— Как? — воскликнул он, отбрасывая в бассейн апельсиновую корку, что внесло некоторое смятение в мерное течение жизни плавающих там рыбок. — И это все? Уволен приказчик? Не думаю, чтобы столь мелкое происшествие могло каким бы то ни было образом оказаться на благополучии моих недругов, да разорвет Морской Змей им внутренности и да накормит ими зловонных рыб...

— Имей терпение, брат, — благосклонно улыбнулся Арифин. — Ведь это только начало. Мы ловко сумели оклеветать честного и преданного хозяину молодого человека, и теперь в сердце его клокочет обида. Еще немного — и он наш, а нет более опасного врага, нежели вчерашний друг и слуга.

— Это верно, — кивнул господин Церинген с важностью. — Я и сам говорил, помнится, нечто подобное... Ваш каллиграф, кстати, натолкнул меня на великолепную мысль: я желаю оставить потомству мои воспоминания. О, мне есть что вспомнить, ведь жизнь моя полна самых различных впечатлений и приключений...

— Мы отвлеклись от главной темы, — мягко прервал его Арифин.

— Я весь внимание, — снова подобрался господин Церинген.

— Итак, мщение начато. Однако не следует

ограничиваться одними только земными, так сказать, материальными целями. В конце концов главное, к чему мы стремимся, — это торжество Павлина, то есть полная духовная чистота всех живущих под его очами.

— Совершенно согласен, — поддакнул Церинген.

Арифин встал, гулко хлопнул в ладоши. Пришедший вместе с Арифином слуга, который до сих пор таился где-то за дверью, тотчас подбежал к своему господину и набросил ему на плечи белую мантию, а в руки подал тихо звенящий колокольчик.

— Воззовем же к Павлину! — возгласил Светлейший Арифин.

Господин Церинген заерзал на своей подушке, явно колеблясь: он не знал, вставать ли ему, подобно Верховному жрецу, или же наоборот, следует сидеть (а может быть, и лежать, простираясь ниц!) во время всей этой процедуры. В конце концов господин Церинген предпочел не вставать с подушки и пройти церемонию с наибольшим комфортом. Он даже сунул украдкой за щеку дольку апельсина.

Светлейший Арифин расхаживал взад-вперед, позывая колокольчиком и возглашая различные тягучие мантры, призванные пробудить Павлина и обратить его внимание на взывающих. От всего этого у господина Церингена постепенно мутнело в глазах, и внезапно ему открылось странное переливчатое мерцание. Повсюду сгущалась тьма, и он словно бы уже находился не у

себя в доме, не на краю прохладного бассейна в жаркий день в Хоарезме, — нет, он пребывал в некоем пространстве, где не имелось ни неба над головой, ни земли под ногами (или, если угодно, мраморного пола!). Весь воздух вокруг заполнился зеленовато-синим блеском, и посреди этого блеска то вспыхивали, то гасли многочисленные очи. Внезапно он понял, что удостоился созерцать раскрытый хвост Павлина, и от восторга слезы подступили к его глазам, а все тело сделалось легким от неземного блаженства.

Подобного экстаза ему иногда удавалось достигать, находясь наедине с женщиной, но даже и женщины, по правде говоря, не могли бы доставить ему блаженства столь острого и сильного, как это погружение в неведомый мир, под взоры всевидящих, никогда не дремлющих очей всемогущего Павлина.

Церинген не мог бы сказать, как долго продолжалось это пребывание в ином пространстве — несколько мгновений или часов. Время здесь не играло роли. Он очнулся и обнаружил себя лежащим на полу возле бассейна, среди разбросанных подушек. Несколько плавали в воде, одна уже успела пропитаться водой и, затонув, лежала на дне, точно камень, а любопытные рыбки тыкались в нее округлыми ротиками. Все тело господина Церингена покрывала испарина, голова разламывалась, глаза вылезали из орбит, однако тело все еще сохраняло память о неземном блаженстве, которое только что заполняло его, подобно тому, как жидкость заполняет сосуд.

Светлейшего Арифина в комнате не было.

Слабым голосом господин Церинген призвал к себе слуг. Вбежало несколько расторопных молодцев с мягкими полотенцами наготове. Один подхватил господина, другой принялся растирать его, третий совал ему бокал с вином, дабы Церинген мог освежиться. Церинген краинко отбивался, пролил несколько капель на белоснежные полотенца, вообразил вдруг, будто у него пошла носом кровь, и разрыдался от ужаса — он не переносил вида крови, особенно собственной. Слугам стоило немало усилий, чтобы успокоить его. Однако даже убедившись в том, что красные пятнышки — не кровь, а всего лишь пролитое по неосторожности вино, господин Церинген продолжал обиженно всхлипывать и требовать, чтобы его утешали. В конце концов слуги перенесли его, совершенно разбитого, в спальню и на цыпочках удалились.

Инаэро не знал, что ему предпринять. Эйке велел ему оставить службу и не появляться больше ни в лавке, ни в господском доме. Единственное, что обещал приказчику его бывший хозяин, — не предавать случившееся огласке. Да что толку! Хоть и большой город — Хоарезм, хоть и многое здесь живет разного народу, и торгового, и вороватого, и ремесленного, и бездельного, — а слухи о подобных историях расползаются словно бы сами собою. И попробуй потом отмойся, дока-

жи, что тебя оклеветали! Нет, если сам господин Эйке об этом не объявит во всеуслышание, не примет его, Инаэро, к себе обратно, — можно позабыть и о женитьбе на прекрасной Татинь, и о собственном домике, и вообще о всяком более-менее пристойном будущем.

Однако окончить свои дни в каком-нибудь воровском притоне тоже не хотелось. Инаэро не знал, на что решиться. Мстить несправедливо обвинившему его хозяину? Но юноша, следует отдать ему должное, небезосновательно предполагал, что перед Эйке его попросту оклеветали, — стало быть, не так уж и виноват Эйке в случившемся несчастье. А если так, то следует не мстить невольному обидчику, а доказать ему свою невиновность.

Но как?

Ответа на этот вопрос у молодого человека пока что не находилось. Отыскать истинного виновника кражи? Но тут у Инаэро начинала раскалываться голова: выдать отца Татинь и навеки лишиться любимой... Впрочем, он, кажется, и без того потерял невесту...

В тяжких раздумьях он подолгу бродил по Хоарезму. Иногда ему казалось: стоит засесть у себя дома, спокойно выпить кхитайского чаю и поразмысльить обо всем случившемся — и ответ придет сам собою.

Но едва лишь он оказывался в четырех стенах, как в него словно вселялся какой-то сумасшедший демон тревоги и назойливо гнал юношу обратно на улицы. И он ходил, ходил...

В конце концов Инаэро забрел в портовый кабачок самого низкого пошиба и в обществе пьяных портовых грузчиков и мелких воришек принялся изливать свою печаль. Поскольку он и сам был сильно пьян — с непривычки развезло после первого же стакана — то и рассказ «дурачка» выходил все более и более забавным. Слушатели одобрительно гоготали, топали ногами и наперебой звали Инаэро угоститься еще и еще.

— Говоришь, сперли десять штук ткани? — участливо интересовались у Инаэро его новые «друзья».

— Пятнадцать! — горестно орал Инаэро. — Из-под самого носа! Но это не я, клянусь грудями Бэлит!

— Уж конечно, уж ясное дело, что не ты! — поддакивал какой-нибудь детина в полосатых чулках до колен и грубой робе, потягивая крепчайшее пойло, от которого у человека менее привычного давно бы вылезли из орбит глаза. — Всякий дурак бы сразу понял, что не ты!

— Не я! — кивал Инаэро. От этого движения у него начинала кружиться голова, он жалобно икал, вызывая у окружающих новые приступы безудержного смеха.

— А ты парень хоть куда! — одобрял Инаэро другой детина с выбитым глазом и шрамом через всю физиономию. — Молодец! Отлично держишься! Знаешь что, давай вместе отомстим твоему хозяину! Сожжем его дом, изнасилуем его жену...

— О, нет! — пугался Инаэро.

После того, как стихали раскаты громового смеха, шутник принимался утешать растерянного приказчика:

— Да не бойся ты, я ведь пошутил... Мы люди мирные...

Но как бы ни был пьян Инаэро, он ни словом не обмолвился о главной своей беде — о Татинь.

Он и сам не помнил, как оказался сидящим за столиком в самом углу кабачка. Веселье было в самом разгаре, посреди тесного зальчика уже отплясывали и кто-то кому-то собирался доказать нечто при помощи пудовых кулаков. Сам Инаэро, преодолевая мучительную резь в глазах, мутно наблюдал за происходящим и даже делал отчаянные попытки анализировать увиденное и строить планы на ближайшее будущее.

Рядом с ним оказался какой-то человек. Этот человек поначалу был Инаэро неприятен — идеально трезвый, холодный и рассудительный. Он определенно не был грузчиком и вообще не отличался физической силой. Но что-то таилось в нем опасное, и в своем роде он представлялся куда более страшным, чем самый свирепый и самый пьяный портовый рабочий.

Инаэро набрался нахальства и развязно обратился к незнакомцу:

— А ты кто такой... а?

— Тебе не место в этом притоне, — прозвучал спокойный голос.

— Д-да-а? — издевательски, как ему показалось (а на самом деле жалобно), протянул Инаэро.

— Несомненно! — отрезал незнакомец. Он извлек из складок своего плаща какой-то маленький серый шарик и бросил его в кружку. Посыпалось тихое злое шипение.

Незнакомец подтолкнул кружку к Инаэро и повелительным тоном произнес:

— Выпей!

Инаэро с пьяной подозрительностью засунул в кружку нос, принюхался. Ничем не пахло. В кружке была обыкновенная прозрачная вода.

— А где шарик? — осведомился он.

— Какой еще шарик? Пей! — повторил незнакомец.

— Не буду я пить! — заупрямился Инаэро. — Я своими глазами видел, как ты бросил туда какой-то проклятый шарик, который шипел, точно дюжина змей... А теперь он исчез. Куда? Я спрашиваю — куда?

— Тебе показалось, — ледяным голосом отозвался незнакомец.

Он откинул капюшон, и Инаэро встретился с холодным, пронизывающим взглядом голубых глаз.

Бывший приказчик мог поклясться, что видит этого человека впервые. Однако тот держался так, словно они с Инаэро были хорошо знакомы.

— Пей! — прикрикнул незнакомец в третий раз, и Инаэро, зажмутившись, проглотил жидкость...

И ничего не случилось. Он просто проторезвел, причем сразу — ударом. Потряс головой.

Незнакомец рассмеялся:

— Жив?

— Боги мои, боги... — простонал Инаэро, озираясь по сторонам. — Где это я?

— В порту, в «Розовом слоне», — сообщил незнакомец. — Где напился до безобразия. И, кстати, успел рассказать этим достойным господам всю свою жизнь со всеми ее извивами и подробностями. Я тоже, признаться, слушал не без интереса. Говоришь, оболгали тебя перед хозяином?

— Я и про это говорил? — ужаснулся Инаэро. И, наклонившись через стол, коснулся руки незнакомца. — Не знаю, как тебя благодарить, господин, своим порошком ты избавил меня, возможно, от худших унижений...

Незнакомец пренебрежительно махнул рукой.

— Пустое! Просто я увидел, что человек, достойный лучшего, уже на пороге беды и готов опуститься на самое дно человеческого общества... Видишь ли, я мог бы помочь тебе.

— Помочь? — Глаза Инаэро наполнились слезами. Все-таки он не вполне еще проторезвел.

— Да, — кивнул незнакомец. — Кстати, позволь представиться: мое имя Ватар. Я содержу небольшую каллиграфическую мастерскую. Насколько я успел понять, ты человек грамотный, хорошо обученный письму и счету.

— Не стану отрицать, хотя мне, конечно, недостает опыта...

— Никто не требует, чтобы ты являлся совершенством, — снисходительно улыбнулся Ватар. — Мне нужно, чтобы каллиграф умел писать без ошибок, знал торговые дела, не гнулся тяже-

лой, кропотливой работы, был предан нашей школе и лично мне, охотно и прилежно обучался тайнам каллиграфии... И выполнял любые мои распоряжения, кроме постыдных (впрочем, я таковых никогда не отдаю). Если эти условия тебе подходят, я мог бы принять тебя к себе на работу.

Инаэро привстал.

— Подходят ли мне условия? Господин, ты, кажется, и сам не знаешь, о чем говоришь! Только что у меня не было ничего, кроме моего позора, — и вдруг мне предлагают хорошую работу! Как я могу отказаться? Уже второй раз в жизни я встречаю человека, который добр ко мне без всякой причины!

— На все существует особая причина, — тихонько пробормотал Ватар, однако Инаэро, счастливый и возбужденный, не обратил на эту фразу ни малейшего внимания.

Глава девятая Азания

а центральной площади Феризы, возле затейливого фонтана, украшенного разноцветными деревянными фигурами плавающих в бассейне дракончиков, была установлена ви- селица. Когда-то эта площадь слу- жила горожанам местом праздничных гуляний. Увы, беззаботное веселье давно отошло в про-шлое. Священный Совет заботился не только о том, чтобы очистить Феризу от колдунов, магов и гадальщиков, но и о «моральной чистоте» со-граждан вообще.

По этой-то причине добрые жители Феризы позабыли и мечтать о тех временах, когда можно было побродить по площади между разноцветны-ми торговыми палатками, купить пестрых тка-ней или украшений для жены, сладостей для де-тей, зайти поглязеть на какое-нибудь диво, вроде «мальчика с двумя головами», одна из которых

мычт, а другая изъясняется вполне разумно», заглянуть к гадалке, дабы получить расплывчатое, но всегда ободряющее предсказание на ближайшее будущее. Да и просто поразвлечься стало в Феризе занятием небезопасным, поскольку бдительный Священный Совет всегда мог объявить любую компанию «сборищем колдунов» — и попробуй что-то докажи!

Поглазеть на казнь очередной ведьмы собралось очень немного народу. Тассилон подозревал, что горожанам надоело зрелище смерти. Многих оно страшило. Впрочем, от людей и не требовали, чтобы те непременно присутствовали при повешении несчастных магов. Была бы на то воля Тассилона, он и Элленхарду увел бы подальше отсюда, однако девушка упорно протискивалась вперед.

Среди собравшихся больше всего было самого настоящего городского отребья, обитателей дна — воришек, нищих, попрошайек, прислуги, преимущественно трактирной, а также девиц «отъявленного поведения» — их, в отличие от ведьм, здесь никто не преследовал, если они не выставляли свое ремесло напоказ.

Все это галдело, жевало и весело переговаривалось. Скользя, как тень, в пестрой оборванной толпе, Элленхарда лихорадочно изыскивала возможность спасти осужденную. Ей нужна была настоящая предсказательница. Не оклеветанная соседями безобидная знахарка, а подлинная колдунья, которая в состоянии разговаривать с духами. Такая, что может провидеть будущее и на-

стоящее. А Элленхарда хотела одного: разыскать своего брата. И если обычным способом это невозможно, ей поневоле придется прибегнуть к колдовству.

Ведьма! Да, не возникало никаких сомнений в том, что на этот раз Священный Совет не ошибся: в его крепкие сети попалась настоящая колдунья.

Люди в капюшонах сняли оковы и под руки выволокли осужденную из телеги. Ее обритая голова бессильно моталась из стороны в сторону. Разглядеть ее лицо было невозможно — издалека оно представлялось белым пятном с темным провалом рта, зловещей маской смерти.

Глашатай перестал бить в барабан и принялся громовым голосом зачитывать приговор осужденной.

— Азания, дочь Ганнона, обвиняемая в колдовстве, добровольно призналась перед судьями в том, что варила приворотные зелья и читала будущее по костям черной собаки, вываренным в магических составах! Совершала она и иные преступления против богов, их священной воли и нравственности. Как всегда, записи допросов будут выставлены на публичное обозрение в залах Совета, и к услугам добрых горожан будут чтецы Совета. Приходите, читайте, слушайте! Священный Совет благодарит вас, добрые граждане Феризы, за участие в казни Азании, дочери Ганнона, ведьмы. Она приговорена к повешению. Приговор будет приведен в исполнение немедленно.

Люди в капюшонах сноровисто связали жен-

шине руки за спиной и потащили ее к виселице, где уже стояли два человека в красных плащах. Еще пятеро выстроились возле помоста. Ноги Азании заплетались.

— Да послужит позорная смерть Азании назиданием для всякого, кто таит еще злобные помыслы против богов и их священной воли! — прокричал напоследок глашатай. — Да будет искоренено колдовство по всей Феризе! Да будет искоренено оно везде, где любят и чтят законы богов!

Осужденная бросила на толпу взгляд. Помочь ждать было неоткуда, и женщина знала об этом. Собравшаяся толпа жаждала только одного: зрелища. Неожиданно осужденная встретилась глазами с Элленхардой и вздрогнула. Что-то осмысленное появилось в ее мутном взгляде, и на миг отчаяние сменилось страстной надеждой. Но затем надежда угасла так же быстро, как и появилась. Бесполезно.

Азанию подвели к помосту. И в этот момент стрела, выпущенная неизвестным лучником, попала одного из стражей в капюшонах, угодив тому прямо между глаз. Элленхарда поневоле восхитилась меткостью стрелка. Раньше она полагала, что стрелять с такой точностью умеет только один человек на земле: ее брат Арригон. Оказывается, она ошибалась. Сама Элленхарда превосходно владела луком, но вряд ли ей удалось бы произвести столь искусный выстрел с такого большого расстояния.

Второй страж выпустил осужденную и схва-

тился за нож, озираясь по сторонам в поисках невидимого врага. Азания растерянно замерла возле помоста.

Действовать нужно немедленно, пока все еще не оправились от неожиданности. Сейчас жизнь и смерть этой женщины колебалась на чаше весов, и одно-единственное мгновение могло оказаться решающим.

— Сюда! — закричала Элленхарда пронзительным голосом, как кричат в степи во время охоты загонщики диких животных. — Азания! Сюда!

Осужденная повернулась на громкий голос. Яростно расталкивая толпу, Элленхарда пробиралась к Азании. По дороге она согрела по голове какого-то обывателя.

— Мне, может быть, тоже плохо видно! — орал он тот, возмущенный. — Ты, может, не одна такая, кому охота поглядеть, как вздернут проклятую ведьму!

Но Элленхарда уже повернулась к нему спиной.

Второй стражник больше не стоял возле осужденной. Хрипя, он оседал на мостовую. В его горле торчала оперенная стрела.

Чуткое ухо гирканки уловило тоненькое ржание коней в ближайшем переулке. Кто бы ни готовил побег Азании, он тщательно все обдумал и организовал. Похоже, таинственный спаситель колдуны не рассчитал только одного: сама Азания, истерзанная многочасовыми пытками, допросами, позором, измученная и физически, и душевно, может в последний момент растеряться, впасть в полную апатию.

Именно это и случилось. Если бы не неожиданное вмешательство Элленхарды, все могло бы завершиться далеко не так, как замышлялось друзьями Азании.

Краем глаза Элленхарда видела, что люди в черном, торжественно выстроившиеся на помосте у виселицы, уже приходят в себя. Им потребовалось несколько мгновений, чтобы оправиться от потрясения. Один из них нашупывал на поясе кинжал. Еще миг промедления — и будет поздно.

— Азания! — изо всех сил закричала Элленхарда.

Та наконец очнулась от своего странного забытья и пошевелилась. Нашла взглядом Элленхарду. Встретившись с колдуньей глазами, Элленхарда невольно содрогнулась — столько боли и ужаса таил в себе этот взгляд!

Гирканка наконец пробилась сквозь толпу, схватила осужденную за руку и потащила ее за собой в сторону переулка, откуда слышалось ржание лошадей.

Тассилон, безнадежно завязший в толпе, быстро потерял из виду верткую, худенькую девушку. Он изо всех сил вытягивал шею, даже пробовал подпрыгивать, чтобы разглядеть, что же делается возле помоста, но тщетно! Элленхарда почти сразу исчезла за спинами зевак. О своем спутнике она, похоже, мгновенно забыла, увлеченная новой целью.

Где же ее теперь искать?

Шум возле помоста словно послужил ответом на этот вопрос. Итак, гирканка добралась до

ведьмы! Кто же стрелял из лука? У Элленхарды явно не было такой возможности. В тесноте и давке не то что натянуть тетиву — вытащить кинжал было бы не так-то просто.

Впереди возникло какое-то движение. Сквозь толпу яростно проталкивались люди, вокруг возмущались, толкались в ответ, возникла перебранка... Тассилон удвоил усилия и пустил в ход локти и кулаки.

Между тем волнение катилось по толпе, как шарик по столу, и очевидно склонялось в сторону узенького переулка, загроможденного лотками торговцев фруктами. Среди фруктов было много гнилых, и оттуда тянуло сладковатым запахом разложения. Тассилон направился именно туда, к переулку. Если бы он планировал побег колдуньи, то там, в темноте переулка, стояли бы лошади.

Впрочем, нужно еще знать, как выбраться из города. Тассилон уповал только на здравый смысл друзей колдуньи, кем бы они ни оказались. «Надеюсь, они хорошо знают, что затеяли, — подумал он, согрев по голове очередного подвернувшегося под ноги ротозея, — в противном случае, полагаю, нас ждут очень серьезные неприятности...»

Люди толкали двух беглянок, не давали им пройти, даже пытались задержать. Дважды Элленхарда пускала в ход кинжал, оставляя глубокие кровавые следы на руках, впивавшихся в ее одежду, и несколько раз — угрожала обрубить пальцы. Впрочем, до исполнения последней угрозы не дошло: выражение устрашающего, исчер-

канного шрамами лица гирканки таило в себе нечто такое, что не позволяло добрым жителям Феризы усомниться в ее решимости привести угрозу в исполнение.

Чернь искренне негодовала, увидев, что сейчас ее вот-вот лишат одного из любимейших (правда, сейчас, когда почти все колдуны были истреблены, довольно редких) зрелиц: казни ведьмы.

Кое-кто уже хватался за оружие. А со стороны помоста, ловко орудуя древками копий, спешила одетая в черное стража Священного Совета. Следовало торопиться. Еще немного — и будет поздно. Совсем рядом Элленхарда вдруг увидела сверкнувший на солнце меч. Лишь в последний миг ей удалось увернуться и избежать удара. Раздался громкий звон — клинок высек искры из мостовой.

Внезапно толпа впереди начала колыхаться, волноваться. Люди поспешно расступались, освобождая кому-то дорогу.

За спиной Элленхарда отчетливо различала гневные выкрики. Члены Священного Совета и их стража, беспощадно расталкивая людей копьями и посыпая проклятия налево и направо, уже настигали беглянок.

Вдруг кто-то выскоцил из толпы и со всего маху налетел на обеих женщин. Это был совсем молодой человек, почти мальчик, с копной длинных светлых волос, ясными голубыми глазами и смелым ртом. За плечами у него были длинный боевой лук и колчан со стрелами, а в руке он

держал короткий меч. Элленхарда мгновенно догадалась: вот перед кем расступалась толпа, вот кто яростно пробивался навстречу Азании.

— Бежим! — задыхаясь проговорил он и тотчас ударил мечом плашмя ближайшего зеваку, вздумавшего было преградить ему дорогу. — Лошади там, в переулке! Скорей же, Азания!

Вместе с Элленхардой они потащили обезумевшую, теряющую сознание женщину дальше. Молодой человек время от времени оборачивался и отгонял угрозой своего меча всех, кто пытался остановить беглецов.

— Стоять! Именем закона! Остановись, Азания! Нечестивые дела твои настигнут тебя, где бы ты ни скрывалась! — надрывался на помосте глашатай. Стражи были уже совсем близко. К счастью, на то, чтобы разгонять густую, жаждавшую зрелица толпу, уходило драгоценное время.

Рядом с глашатаем на помосте остался стоять только один из людей в черном. Его одеяние было расшито серебряным орнаментом, изображающим трилистники и восьмиконечные звезды. Судя по всему, это был старший из членов Священного Совета, и именно он приговорил Азанию к смертной казни.

Он наклонился к глашатаю и что-то проговорил вполголоса тому на ухо. Глашатай тотчас же ударил в барабан и возвестил:

— Азания! Вернись, несчастная! Опомнитесь, злостные негодяи, посягнувшие на правосудие! Священный Совет щедро вознаградит вас и закроет глаза на ваше чудовищное преступление,

если вы в течение трех дней вернете похищенную ведьму и передадите ее в руки правосудия! Кроме того, щедрая награда любому, без ограничения сроков, кто укажет имена похитителей и выследит их!

Беглецы уже были в переулке и садились на лошадей. Не задавая Элленхарде никаких вопросов, юноша предложил ей горячего вороного, а сам вместе с Азанией сел на белого. На третьем коне ждал еще один лучник, старше первого лет на десять. Он был также светловолос и голубоглаз. Небольшая русая борода окаймляла его открытое смелое лицо. Сходство между этими людьми было значительным: они были высоки ростом, широкоплечи, обладали своеобразной, немного тяжеловесной грацией, присущей уроженцам севера. Немного странно было видеть их здесь, в Феризе, основанной кхитайцами. С точки зрения Элленхарды, их круглые глаза выглядели глупо выпущенными (а не смело прищуренными, как полагается) и походили на птичьи; широкие плечи замедляли движения, а всему облику недоставало быстроты, легкости и своеобразной лихости, которая заставляет всадника сливаться с конем.

Впрочем, о вкусах не спорят. Особенно уходя от погони...

Все четверо понеслись по переулку прочь от площади. Лучники чувствовали себя довольно уверенно в лабиринтах городских улиц, что только подтвердило догадку Элленхарды насчет их происхождения: они, несомненно, родом из Фери-

зы, хотя и разительно отличаются от большинства горожан, невысоких, щуплых и смуглых.

Стража у городских ворот — видимо, хорошо подкупленная — не сделала ни малейшей попытки задержать беглецов. Вырвавшись за пределы городских стен, всадники понеслись по дороге, уводящей прочь из Феризы, в сторону бескрайней степи. Если из степи и приходили кочевники, совершившие кровавые набеги на прибрежные города, то, во всяком случае, беглецам они казались куда менее опасными, чем благочестивые члены Священного Совета.

* * *

В который уже раз Тассилон остался один, без своей легкомысленной, пылкой подруги. Куда она исчезла? Судя по смятению, охватившему всю площадь, побег, несмотря на всю его немыслимую дерзость и очевидную невозможность, все же удался. И Элленхарда, скорее всего, скрылась из города вместе с беглянкой. Тассилон слишком хорошо видел, что Азании в одиночку не удалось бы даже пройти пару шагов. Элленхарда тащила ее на себе.

Он пробовал было расспрашивать стражников на воротах города, но те только удивленно поднимали брови. Какие еще беглецы? Ни о чем подобном не слыхивали и никого подобного не видывали! Тассилон догадывался, что стражники, получив свои деньги от организаторов побега, честно лгут. Расспрашивать их бесполезно.

Он решил остаться в городе.

Священный Совет, надо отдать ему должное, умел навести в Феризе порядок. Здесь практически не процветало ворье, а хозяева, владельцы многочисленных мастерских и лавочек, охотно брали на службу помощников. И даже платили им сносно. Так что хождение от одной двери к другой быстро принесло плоды: вскоре Тассилон нашел себе дело в доме кузнеца, которому позарез требовался помощник мощного телосложения. Найти такового среди потомков кхитайских переселенцев было делом непростым.

Кузнец оказался человеком вспыльчивым, на язык невоздержанным и на расправу скорым. Помощники у него не задерживались. Об этом он сам, еще стоя на пороге, откровенно объявил новому кандидату.

Тассилон смотрел на него с любопытством и симпатией. Это был невысокий человечек с не-пропорционально развитым торсом и короткими кривыми ногами, почти карлик с могучими ручищами и большой головой. Голова эта была укращена копной черных выющиеся волос, черной же дремучей бородицей, плоским носом и сверкающими черными глазами, доставшимися кузнецу от предка-кхитайца.

Бот эдакое-то диво и страшало Тассилона дурным обращением и тяжкой работой, которые непременно ждали нового работника в том случае, если он, не устрашась, вздумает перейти порог этого дома.

Тассилон не устрашился.

— Смотри же! — проскрежетал кузнец. — Потом чтоб не плакал!

Тассилон засмеялся.

— Как мне называть тебя, господин? — спросил он.

— «Господином», — удовлетворенно кивнул кузнец и не выдержал, хмыкнул. — Меня так никто не называл... А можешь и как-нибудь иначе, к примеру, Кровопийца Ар — это мое прозвание.

Он гордо подбоченился. Тассилон назвал, в свою очередь, себя и отважно перешагнул порог, отдав себя в кабалу этому страшному с виду и чрезвычайно свирепому человеку, который с первого же взгляда глянулся чернокожему Тассилону.

* * *

Глава Священного Совета был вне себя от ярости.

Звали его Фонэн. Это был немолодой уже человек, почти совершенно лысый, с длинной бородой — черной, обильно украшенной белыми прядями. Борода эта выглядела неряшливой и неухоженной — возможно, именно из-за беспорядочной проседи.

Весь облик Фонэна нес на себе отпечаток самой неумеренной аскезы и в то же время обличал человека, подверженного сильным страстям и тайным необузданым желаниям.

С ранних лет Фонэна преследовали неудачи. Страстно желая всегда и во всем добиваться гла-

венства, он так стремился к своей цели и столь сильно боялся поражения, что почти постоянно проигрывал, и это ожесточало его сердце. Женщины всегда предпочитали ему других, хотя в молодости он был замечательно хорош собой. Их отпугивали темные страсти, бурлившие в сердце молодого человека, и инстинктивно все избранницы Фонэна сторонились его, предпочитая более сдержанных и спокойных мужчин.

Как-то раз на охоте он упал с лошади и повредил себе ногу. От хромоты он так и не исцелился. Арригон, став после битвы с врагами хромцом, мало придавал этому значения — гирканец проводил свою жизнь на лошади, а верховому совершил безразлично, какая у него походка. Но Фонэн мыслил совершенно иными понятиями. Для него хромота сделалась настоящей бедой.

Озлобленный, всеми отвергнутый, Фонэн начал приписывать свои постоянные несчастья злому умыслу какого-нибудь колдуна. Он был убежден, что на него навели порчу и использовали против него какое-то заклятие страшной силы, поскольку разрушить заколдованный круг несчастий, неудач и одиночества Фонэну оказалось не под силу. Искать источник поражений и бед в самом себе он так и не догадался, поскольку совершенно искренне полагал себя человеком выдающихся способностей, красоты и силы.

В двадцать три года Фонэн присягнул Священному Совету. С тех самых пор этот человек с горящими глубоко запавшими глазами и сухими, вечно поджатыми губами видел лишь одну цель

в своей загубленной жизни: беспощадную войну против любой магии.

За несколько лет беззаветного служения Священному Совету он добился немалого. Казалось, Фонэн достиг своей давней цели: теперь он был первым. Его именем матери страшали непослушных детей. При первом же появлении Фонэна на улице люди замолкали, шарахались в переулки, спешили улизнуть в ближайшую открытую дверь. Если Фонэн заговаривал с кем-либо на улице, несчастный покрывался капельками пота, бледнел от ужаса и еле ворочал языком, опасаясь брякнуть что-нибудь лишнее, за что, как он хорошо знал, его могут немедленно арестовать и обвинить в пособничестве магам и колдунам.

О том, что творилось в мрачных застенках Вороньего замка — некогда цитадели Феризы, которая была превращена в резиденцию Священного Совета — в городе говорилось только шепотом. Те, кто оказывались там в качестве подсудимых или только подозреваемых, почти никогда больше не возвращались к своим родным. Этих несчастных либо предавали публичной казни, либо так страшно и пытали, и запугивали, что они до конца своих дней — а смерть, как правило, не заставляла себя долго ждать — не смели даже намекнуть на все те ужасы, что им довелось пережить в застенке.

Азания была первой, кому удалось вырваться из лап главы Священного Совета. Это приводило Фонэна в необузданное бешенство. Он метался по комнате в Вороньем замке, где обычно проходи-

ли допросы обвиняемых. Черные одежды главы Совета разевались, когда Фонэн резко разворачивался и принимался мерить комнату шагами. Такой чудовищной вещи, как похищение осужденной прямо с помоста, не осмеливался предпринять доселе никто из запуганных жителей Феризы!

Азания вызывала у Фонэна особенную ненависть. Эта девушка с пышными русыми волосами и гибким станом, презирая все громогласные указы против колдовства и магии, лечила людей. Она спасала от неминуемой смерти тех, кто мог быть спасен только применением сверхъестественных средств. Страшно даже помыслить, что предлагала она призываемым ею духам в качестве платы за исцеление больных! Возможно, эта Азания обменивала жизни своих пациентов на чужие, и тот, кто только что цвел и намеревался прожить еще долго-долго, наслаждаясь благополучием и здоровьем, вдруг оказывался сражен внезапной смертью! Злые духи часто так поступают. Впрочем, Азания почти и не скрывала того обстоятельства, что использовала в своей целительной «работе» магию.

Фонэн долго искал возможности арестовать дерзкую целительницу. Внешне ее дела обстояли вполне благопристойно: травки, припарки. Ни один из спасенных ею больных не пожелал донести на Азанию как на колдунью. А арестовать предполагаемую ведьму без доноса — дело довольно хлопотное. И тем не менее Фонэн не мог допустить, чтобы она и впредь продолжала зани-

маться своей деятельностью, да еще прямо под носом у Священного Совета. Это унижало Фонэна, ставило под сомнение его главенствующую роль в городе.

Наконец Фонэн пошел на крайнее средство. Он подоспал к Азании своего человека. Чтобы у целительницы не зародилось и капли подозрения, Фонэн самолично нанес осведомителю тяжелую рану — беспощадно раздробил ему кости левой руки и заразил рану гангреной.

Азания ни о чем не спрашивала несчастного, когда он постучал в двери ее скромного дома и слабым голосом попросил о помощи. Девушка сразу увидела, что рана очень опасна и заражение уже не остановить — вся левая рука распухла, сделалась как полено и к тому же распространяла ужасающий гнилостный запах. Больной непрерывно стонал, не в силах сдержаться, — боль была слишком ужасной.

И тогда Азания прибегла к заклинанию — другого способа спасти умирающего у нее не оставалось. Вместе с целебными снадобьями, компрессом и питьем из трав заклятье сделало свое дело: к утру больной, всю ночь метавшийся в горячечном бреду, с удивлением понял, что опухоль почти прошла и раздробленные кости срослись.

Он униженно поблагодарил свою спасительницу, а после прямиком отправился в Вороний замок, и торжествующий Фонэн получил наконец то, к чему так долго стремился: донос на Азанию, где определенно и недвусмысленно заявлялось,

что она занимается колдовством и практикует вызывание злых духов для своих целей.

Однако торжествовать Фонэну довелось очень недолго: добычу самым дерзким образом вырвали у него из рук. Он не знал имен похитителей и не смог разглядеть их лиц, однако надеялся на то, что посулы щедрого вознаграждения сделают свое дело, и в ближайшие же дни жадные до денег обыватели выследят наглецов, посягнувших на волю Священного Совета, и тогда не одна, а несколько виселиц украсят помост на главной площади города!

Глава десятая

Замок на краю степи

еподалеку от Феризы стоял небольшой каменный замок, возведенный с большим искусством. Некогда он служил форпостом, прикрывавшим город от набегов кочевников, а сейчас служил пристанищем последним отпрыскам одного древнего, некогда славного, а теперь захиревшего рода. Именно туда и направлялись люди, спасшие колдунью от виселицы. И вместе с ними — гирканка.

После нескольких часов бешеной скачки они остановились у ворот небольшого, но хорошо укрепленного поместья.

За высокой каменной стеной, перед которой был выкопан глубокий ров, кишащий змеями, стояла прочная башня, сложенная из необработанного серого булыжника. Узкие окна-бойницы, зубцы на крыше, где могли скрываться, высматривая врага, лучники, — все это говорило о том,

что строителей замка более всего заботили вопросы обороны.

По подъемному мосту всадники въехали на территорию крепости. Подбежавшие слуги помогли им спешиться.

Теперь, когда лучники стояли рядом, Элленхарда хорошо замечала несомненное сходство между ними, которое могло быть только семейным.

Старший, которого называли Гарольдом, взял на руки потерявшую сознание Азанию и осторожно понес ее в башню. Элленхарда и младший из лучников — его имя было Эдмун — двинулись следом.

Гарольд, как выяснилось почти сразу, приходился Эдмуну дядей. Сестра Гарольда, Элиза, овдовела вскоре после рождения сына и, по настоянию брата, вернулась с малолетним ребенком в родовое гнездо. Это была старинная семья, предки которой происходили из Бритунии. Причины, заставившие прадеда Гарольда оставить родину и с родней перебраться в Туран, не обсуждались. Хотя эти причины имелись — и довольно веские.

Семья Гарольда считала для себя оскорблением подчиняться приказаниям какого-то Священного Совета, хотя в обычное время отношения бритунцев с жителями и правительством Феризы складывались всегда мирно, как у добрых соседей.

Бесчувственную, истерзанную пытками, все еще обнаженную Азанию уложили на простыни и искупали в бочке с подогретой водой, после чего обернули в мягкое одеяло и уложили в постель.

Элленхарда, кое-что понимавшая в лечении больных, не могла не одобрить действий Элизы и ее служанок. Как всякий воин, странствующий по свету, она, естественно, неплохо разбиралась и в целебных травах, и в костоправстве.

За все то время, что Элленхарда помогала хозяевам поместья спасать и лечить Азанию, никто не задал ей ни одного вопроса. Ее помощь принимали с молчаливой благодарностью.

И лишь когда все убедились в том, что Азания погрузилась в спокойный сон и жизни ее больше ничего не угрожает, настало время для вопросов и ответов.

Ужин подали в большом зале, освещенном факелами. Чистая льняная скатерть с простым узором по краям, глиняная посуда, расписанная орнаментом в виде птиц и цветов, домашнее вино в кувшине с широким горлом, простая, но вкусно приготовленная и сытная пища, — все это очень понравилось Элленхарде. Жаль только, что Тассилона здесь нет...

Она тотчас отогнала мысль о своем спутнике. Еще не хватало — раскинуть перед чужими людьми... И все-таки ее гладила тоска. Без Тассилона она чувствовала себя совершенно покинутой в большом, полном опасностей враждебном мире. Только рядом с ним — спокойно и безопасно. Только в лучах его любви она согревалась по-настоящему. За то время, что они знакомы, она успела сильно привязаться к нему... Впрочем, Элленхарда была уверена в том, что Тассилон не потеряет ее из виду: если они и расстались, то

ненадолго. А без помощи Элленхарды Азанию вряд ли удалось бы спастись.

Поэтому гирканка изгнала из головы все неуместные мысли и молча принялась за еду. Гостеприимные хозяева не спешили с расспросами. И все же Элленхарда понимала, что ей придется кое-что рассказать о себе.

Она назвала свое имя и род, добавила, что разыскивает брата — единственного родного по крови человека, который, кроме нее самой, остался в живых.

Ее слушали сочувственно.

— Твоя судьба горестна и полна нерешенных вопросов, — сказал Гарольд. — Однако все это не объясняет главного для нас: почему ты помогла нам похитить Азанию? К чему тебе, чужестранке, у которой, к тому же, такое важное дело, как поиски брата, бросаться на помощь незнакомке, осужденной за колдовство?

Элленхарда немного помолчала, собираясь с мыслями. На такой вопрос надлежало ответить достойно, без излишнего хвастовства, но и не преуменьшая собственных заслуг. Судя по тому, как напряженно смотрели на нее теперь Эдмун, Гарольд и Элиза, от ее ответа зависит их дальнейшее отношение к ней. Элленхарда, впрочем, и сама толком не знала, почему очертя голову ворвась в безумную затею дяди и племянника.

— Мне так захотелось, — произнесла она наконец с некоторым вызовом и даже, пожалуй, высокомерно. — Не было времени думать, не хватило времени даже чувствовать. Просто захотелось —

ясно? Я — дочь и сестра вождя! Только так и совершаются большие дела — захотел и сделал! Так учили меня брат и отец. Разве они были неправы? Как только воин начинает задумываться, что да почему, — конец. — И желая быть совсем искренней, Элленхарда добавила: — Кроме того, меня разозлил этот их Священный Совет. Кто они такие, эти советчики? Почему указывают, о чем мне думать, как себя вести? Мне пришлось прятаться от них в какой-то вонючей лавке, пока они маршировали по улице! А местные жители считают, что это правильно. Я — не считаю. Я решила... Может быть, колдунья будет мне полезна в моих поисках... Мне нужна ясновидящая. Настоящая. Такая, чтобы увидела в зеркале моего брата, подсказала, куда идти. Чтобы разглядела в мире моих врагов — где они, и так ли им худо живется, как они заслужили. Вот почему! А вы для чего затеяли это дело? Сумасшедшее дело! Без меня у вас ничего бы не получилось. Опасность не миновала. Вы это знаете? У таких, как этот Священный Совет, повсюду могут быть шпионы.

Гарольд и Элиза переглянулись. Высокомерная девочка-гирканка со шрамами на щеках, злыми черными глазами и совсем детским, нежным овалом лица представлялась им настоящей загадкой.

Ее ответ не объяснил им почти ничего. Откуда она все-таки взялась? Свалилась как снег на голову! И ведь она права — без ее вмешательства их отчаянная затея была обречена на провал.

— Мы уже не в первый раз оставляем в дурачках Священный Совет, — заговорил наконец Гарольд. — Правда, такое дерзкое похищение совершают впервые. Теперь придется затаиться на некоторое время. Впрочем... Фонэн...

— Кто это? — спросила Элленхарда, обмакивая пальцы в соус и невозмутимо облизывая их.

— Глава Священного Совета... — пояснил Гарольд и замолчал.

Элиза метнула в сторону брата тревожный взгляд, а затем подозвала слугу и распорядилась подать фрукты. Элленхарде показалось, что хозяева замка скрывают от нее какую-то тайну, однако предпочла не торопиться. Безмолвно было решено, что Элленхарда на некоторое время остается в замке. Это даже не обсуждалось. Что ж. Если хозяева замка не спешат посвящать гостью в свои секреты — она узнает обо всем сама, когда придет срок, а пока не следует лезть с назойливыми расспросами. Возможно, скоро все прояснится.

* * *

Несмотря на искреннюю благодарность, которую семья Элизы питала к Элленхарде, появившейся так вовремя и сумевшей помочь Эдмуну и Гарольду, у старшего из хозяев замка не было полной уверенности в том, что гирканка была с ними вполне откровенна и что ей следует доверять. Кое-какие сомнения на ее счет у Гарольда все-таки оставались. Непростая жизнь, которую

вели владельцы небольшого замка, зажатые между гирканскими степями и Феризой, сделала Гарольда недоверчивым. Насколько знал Гарольд, Фонэн чрезвычайно хитер и коварен. С главы Священного Совета стало бы заплатить этой разбойнице-гирканке, наемному мечу, чтобы она помогла освободить осужденную ведьму и проникла в замок. Не шпионка ли она, подосланная самим Фонэном? Слишком хорошо известно, какую ненависть питает фанатичный преследователь ведьм к этой семье, которая столь откровенно презирает фанатиков, захвативших власть в Феризе.

С другой стороны, Элленхарда ведь могла и не лукавить. Она еще не вышла из того благословенного возраста, когда люди открыты добрым побуждениям. Да и рассказанная ею история...

Не желая рисковать безопасностью своей семьи и в то же время опасаясь оскорбить гостью недоверием, Гарольд принял наилучшее решение: он открыл все свои противоречивые чувства старому, преданному слуге по имени Фравардин — не столько даже слуге, сколько члену семьи — и попросил того незаметно присматривать за гирканкой.

— Будешь выполнять все ее просьбы и пожелания, — наставлял Гарольд Фравардина. — Если она попросит оседлать коня, сразу сообщи об этом мне или Эдмуну, только виду не показывай.

— А коня-то седлать? — хмыкнул старик.

— Коня седлать — и сразу ко мне!

— О чем речь! — кивал опытный слуга. — Раз-

ве я не понимаю! А эта девица — она ничего и не заподозрит, руку даю на отсечение. Сделаю все осторожненько. Ежели она и вправду чиста перед вами, то и вам впоследствии стыдно не будет. А уж ежели заслана сюда подглядывать... пусть о том дне пожалеет, когда бесчестная мать породила ее на свет! Без подозрений и опаски нельзя. Здесь я с вами полностью согласен.

Обезопасив себя таким образом, Гарольд отправился в комнату, где разместили Азанию. Сестра недавно присыпала служанку передать добрую весть: спасенная девушка вполне пришла в себя и просит разрешения повидаться с владельцами приютившего ее дома.

Когда Гарольд вошел, Элленхарда находилась уже там — что-то втолковывала двум молодым прислужницам, хлопотавшим возле постели больной. Элленхарда изъяснялась резко, хмурила брови, даже ногой притоптывала — бестолковые служанки сердили ее: телеса наели, а ума не набрались! Азания, прислушивавшаяся к разговору, машинально кивала, одобряя распоряжения гневливой гирканки.

— И возьмите траву симхат, как делала моя многочтимая матушка...

Молоденькая служанка остановилась посреди комнаты, подбоченяясь.

— Какое нам дело до твоей многочтимой матушки? Мы и о тебе-то ничего не знаем!

— Обо мне узнаете — поздно будет! — фыркнула Элленхарда. — У меня разговор короткий, особенно с дерзкими рабынями...

— Это уж слишком! — раскраснелась девушка. — Я тебе не рабыня! Почему ты так разговариваешь?

— Как заслужила, так и разговариваю! Лучше ответить, растет ли здесь такая трава...

— Как ты называла? — решила пойти на мирную служанку. В замке Гарольда и Элизы не жаловали спорщиков.

— Симхат, — высокомерно повторила Элленхарда.

Девушка наморщила гладкий белый лоб.

— Не припомню... А как она выглядит?

Элленхарда взяла из камина уголек и быстро, уверенно набросала на гладкой поверхности стены рисунок, изображающий траву симхат: высокий прямой стебель, лист-манжета с немного изогнутыми краями, стреловидный цветок.

Вторая прислужница, доселе не участвовавшая в разговоре, всмотревшись в рисунок, вдруг просияла улыбкой:

— Да это же «свекровин воротничок»! У нас за рвом такого добра видимо-невидимо.

Азания слабо улыбнулась.

— Я вижу, добрая госпожа, ты разбираешься в лекарственных травах не хуже моего, — тихо произнесла она, обратившись к Элленхарде.

Элленхарда чуть сдвинула брови.

— Меня так учили, что симхат, если его расточь и размочить в горячей воде, — отменная припарка для того, чтобы снять отеки... Я и сама применяла его, когда доводилось. Но если тебе известно лекарство получше...

— Нет, — отозвалась Азания. — Я вполне доверяю твоим познаниям в лекарском деле, госпожа. Вижу я, ты — женщина-воин, не так ли?

— Может быть, — сказала Элленхарда.

— Шрамы на твоих щеках... — прошептала Азания.

— Я нанесла их сама в знак скорби, — хмуро сказала Элленхарда. — У нашего народа так принято. Когда не хочешь оплакивать близких слезами, оплачь их кровью.

— Это воинский обычай, — заметила Азания.

Тут уж Элленхарда не смогла сдержать любопытства.

— Откуда тебе знать воинские обычаи моего народа, женщина?

— Я много читала...

— Буковки разбирала, глаза портила, голову всяkim хламом набила, а в людях ничего не понимаешь, — подвела неутешительный итог Элленхарда. — А говорили, будто ты ведьма.

— Я умею заклинать... но я не ясновидящая.

— Это плохо, — сказала Элленхарда и, вздохнув, замолчала.

Азания с тревогой разглядывала замкнутое лицо девушки, красные полоски, рассекающие круглые щеки.

— Почему плохо? — спросила она наконец.

— Неважно. — Элленхарда махнула рукой. — Твоя магия может вылечить тебя, Азания?

— Для того чтобы вылечить меня, не нужна никакая магия. Довольно обычного покоя, общества друзей и припарок из симхата... «свекрови-

ного воротничка» — так ты назвала эту траву, Эмма?

Прислужница кивнула и слегка поклонилась.

— Я схожу и наберу ее для тебя, госпожа Азания, — сказала она.

— Хорошо. — Азания утомленно закрыла глаза.

Гарольд стоял на пороге, слушая и наблюдая. Наконец Элленхарда заметила его в полумраке и направилась ему навстречу.

— Мы не увидели тебя в темноте, господин, — произнесла она с подчеркнутой вежливостью. Вообще, как заметил Гарольд, эта девушка держалась с холодноватой, отстраненной учтивостью, как человек, не слишком уверенный в своем положении, но привыкший следить за тем, чтобы остальные относились к нему как должно.

— Насколько я понял, вы здесь совещались по поводу лечения больной? — сказал Гарольд, подходя ближе к постели, на которой лежала Азания. Он всмотрелся в ее изможденное, посеревшее лицо. — Бедняжка... Говорят, что до встречи с благочестивым Фонэном она была редкой красавицей...

— Ничего, — уверенно произнесла Элленхарда, и в ее голосе — или это только показалось Гарольду? — прозвучала нотка горечи. — Красота никуда не уходит, разве что огнем ее прижечь... Азания еще вернет себе былое. — И, словно устыдившись вспышки, добавила: — Главное, что она жива и не так сильно искалечена, как мы опасались.

«Мы» — отметил про себя Гарольд. Элленхар-

да в мыслях не отделяла себя от спасителей Азании, иначе не сорвалось бы у нее это «мы» с языка. Но откуда горечь? Внезапно он понял и едва не рассмеялся: гирканка считает себя некрасивой. Может быть, даже ревнует. Но кого? Вероятно, у нее есть возлюбленный. В таком случае — где же он?

Гарольд не успел додумать эту мысль — Азания открыла глаза.

— Я хочу поблагодарить вас, — молвила она. Гарольд остановил ее.

— Лишнее, красавица. Для моей семьи большая честь принимать тебя в нашем доме.

— Но почему... — начала было Азания.

Гарольд вновь перебил ее:

— Не утомляй себя разговорами. Я знаю, что ты хочешь сказать. Поверь, тебе не следует благодарить нас. Мы — вольные люди, владельцы той земли, на которую поставили ногу. Никакой Священный Совет, будь он хоть трижды рассвященным, нам не указ. С врагами мы привыкли разговаривать на языке обнаженной стали.

Он устроился в кресле рядом с постелью больной. Пламя, пылавшее в камине, озаряло половину его лица; вторая тонула в тени. Глаза Гарольда горели. Элленхарда осторожно, не желая шуметь и обращать на себя внимание, уселась на пол, скрестив ноги. Она старалась не пропустить ни единого звука.

А Гарольд торопливо говорил, словно не в силах был удержать рвущиеся на волю слова:

— Из поколения в поколение рождались в на-

шей семье странные дети, наделенные необыкновенными способностями. Одни умели разговаривать с птицами и животными; другие читали землю, как книгу, и расспрашивали камни о проходивших мимо людях и зверях; третья зажигали огонь одним движением раскрытой ладони... Появлялись среди нас и целители, и ясновидящие, и даже те, кто мог становиться по собственному желанию невидимкой. В нашем роду встречались люди мудрые и великодушные, которые становились советниками могущественных баронов и даже королей. Конечно, таковыми были не все. Большинство из нас — самые обыкновенные люди. Но мы гордимся своим родом.

Мой прадед крепко повздорил с одним бароном, но не стал с ним воевать, а вместо этого плюнул на порог его дома и ушел на новые земли. Он поставил замок на берегу моря Вилайет, где никто не мог его тронуть. Аютые, как степной ветер, кочевники нам не указ, и преющие в своих домах лавочники из Феризы нам не закон. Моя сестра Элиза и я — мы оба считаем, что Священный Совет состоит из самозванцев и негодяев, их поступки оскорбляют нашу честь.

— Каким образом? — прошептала Азания.

— Мы так считаем, — повторил Гарольд.

— Как много... как много магов в вашем роду? — спросила Азания.

На губах Гарольда показалась печальная улыбка.

— Как правило, на одно поколение приходится лишь один наделенный магическим даром. Здесь, в этом замке, его нет. А поколение Эдму-

на... С Эдмуном обрывается наш род. Сам мальчик — не маг. Сильный воин, меткий стрелок из лука, отважное и благородное сердце... но никаких магических способностей.

— Жаль, — проговорила Азания и вздохнула. — Впрочем, может быть, это и к лучшему, — добавила она. — Скрывать колдовской талант очень трудно... А проявлять его бывает небезопасно... — Она улыбнулась и тотчас мучительно закашлялась.

— Отдыхай, Азания, — проговорил Гарольд. — Все позади. Ты среди друзей, и никакая опасность тебе здесь больше не угрожает.

Азания снова закрыла глаза и погрузилась в спокойный глубокий сон.

Глава одиннадцатая

Школа каллиграфии

первого взгляда Инаэро произвоздил очень приятное впечатление: чуть старше двадцати лет, худенький, с грустными темными глазами. Но складка у губ говорила о скрытом честолюбии, а в самой глубине глаз таился огонь. Рано потерявший родителей, хлебнувший горя почти с самого детства, Инаэро не намеревался оставаться в бедняках до конца дней своих.

Давным-давно, еще мальчишкой, дрожа от холода в лохмотьях, которые едва прикрывали тощее тело, он стоял возле мясной лавки и жадно рассматривал выставленные на продажу окорока и кровяные колбасы. От запаха съестного кружилась голова. В подобные минуты мальчик искренне завидовал даже мухам, которые невозбранно садились на розовое мясо, — голодному

пареньку даже и прикоснуться-то к такому за-видному товару было не дано.

Как всегда, выскоцил мясник, замахнулся волосатой ручищой, понес бранить мальчишку — зачем, дескать, таскается, глазеет, только покупателей отпугивает своими вшами да лохмотьями! «Когда только приберут тебя боги! — орал мясник. — Когда только ты сдохнешь и отправишься в грязные лапы преисподних демонов!»

— Никогда! — крикнул в ответ Инаэро. — Слышишь, ты, животное? Я никогда не умру! Я еще куплю твою лавку! Я пущу тебя по миру!

Мясник запустил в него первым попавшимся камнем, валявшимся под прилавком, — скользким от рассола и дурно пахнувшим. Мальчик увернулся, бросился бежать...

Уже в безопасности, прячась среди мусорных коробок, где он в последнее время ночевал, Инаэро дал себе торжественное слово: разбогатеть и взять в жены красавицу. И никогда больше не бедствовать.

К осуществлению своей мечты он упорно пробивался не один год. Преодолел немало препятствий. Наконец ему улыбнулось счастье: молодой господин Эйке, торговец шелковым товаром, взял его к себе, поверив незнакомому юнцу на слово, что тот никогда не воспользуется хозяйствским доверием во вред.

Эйке был молод и счастлив — и в людях замечал только хорошее.

Поначалу все шло у Инаэро замечательно. Нашлась и невеста-красавица. Татинь. Имя как ко-

локольчик, да и голос у девушки тонкий, певучий, точно звенящий.

И вот все рухнуло. Из-за какого-то странного недоразумения... Или чего похуже? Инаэро недоумевал: почему судьба опять занесла над ним карающую руку? Понять ли он должен что-то, пройдя через новое испытание, или же просто оказался случайной жертвой злого рока?

Случайная встреча с Ватаром, главой каллиграфической мастерской, в очередной раз круто повернула судьбу молодого человека. Отныне, порвав с невестой без единого слова объяснения (не говорить же ей о своих подозрениях!), расставшись с добрым и снисходительным хозяином, Инаэро оказался в каллиграфической мастерской.

Эта мастерская помещалась в неприметном доме неподалеку от Блошиного рынка. Место было выбрано чрезвычайно удачно: никому не бросалось в глаза низкое приземистое здание, затянутое среди складов и пакгаузов, дешевых лавочонок, ночлежек и чрезвычайно плохо охраняемых «местах для свалки товара» под открытым небом.

Верхний этаж мастерской занимал главный каллиграф Ватар. Ни о личных покоях Ватара, ни о его жизни, протекавшей в этих покоях, ничего толком не было известно. Ставни на окнах всегда были закрыты, звуков из-за дверей, плотно занавешенных коврами, не доносилось. Поговаривали, будто Ватар живет с четырьмя наложницами, однако проверять никто не решался. Другие, на-

против, утверждали, что никаких наложниц у Ватара нет, и все свое время он проводит в таинственных мистических опытах.

Кстати, последнее утверждение было гораздо ближе к истине: наложница у Ватара, правда, имелась, но всего одна, и уж она-то решительно никакой роли в его жизни не играла; зато большую часть отпущеного ему богами жизненного срока Ватар занимался сортировкой, классификацией и обдумыванием сведений, которые доставляли ему шпионы.

Шпионили, разумеется, каллиграфы. И не за первым попавшимся, кто вздумал нанять писца, дабы накропать ничего не значащее любовное письмушко с завитушками и цветками, вырастающими прямо из букв. Круг интересов господина Ватара ограничивался состоятельными купцами Хоарезма — их сделками, перепиской, отношениями с деловыми партнерами. Возвышенный Орден Павлина, тысячеокого наблюдателя за всеми и вся, живо интересовался именно этой отраслью человеческого бытия.

Деньги. Власть.

Ради этого, собственно, все и затевалось.

Нижний этаж был целиком занят маленьками, похожими на соты, комнатками, где обитали каллиграфы. Жилье их никак нельзя было назвать роскошным, но все необходимые удобства там наличествовали. Кровати, жесткие, без пеприна, были засланы чистыми покрывалами. Тщательно выскобленные деревянные столы были наилучшим образом приспособлены для занятий

каллиграфией. В общем зале, где проходило обучение новичков, имелся один большой массивный стол и два ряда скамей для учеников.

Сюда-то в первую очередь и привели Инаэро. Читать и писать Инаэро, хвала богам, умел с детства, однако ему предстояло основательно поработать над красивым почерком, чему в прежние времена Инаэро совершенно не уделял внимания. Ватар, доставив нового каллиграфа в мастерскую и водрузив его на место, больше не интересовался судьбой молодого человека. Инаэро, в принципе, хорошо понимал своего нового хозяина. В мастерской два десятка мастеров. Не может такой занятой человек, как Ватар, возиться с каждым новичком отдельно.

Удивило Инаэро и то, что большую часть мастеров составляли совсем молодые люди. Это были почти дети — лет четырнадцати-пятнадцати. Инаэро казался среди них переростком.

А те совершенно не обращали на новичка никакого внимания. Некоторые переписывали с восковых дощечек на пергамент какие-то заметки, другие старательно практиковались, выводя причудливые завитки и стараясь вести линию так, чтобы она, утолщаясь к середине завитка, на конце опять становилась паутинно-тонкой.

Наконец Инаэро решился заговорить с одним из мастеров, который, как показалось растерянному молодому человеку, был не столь занят.

— Привет, — сказал Инаэро, усаживаясь напротив мальчика с ясными глазами и узким, немного капризным лицом.

Мальчик поднял глаза, смерил новичка взглядом.

— Ты новенький? — спросил он звонким голосом.

— Как видишь, — кивнул Инаэро. — И чувствую себя, должен тебе признаться, довольно нелепо.

— Бывает, — философски заметил мальчишка.

— То есть, мне показали, где жить, но...

— Ты свободный? — осведомился мальчик.

— То есть — как? — не вполне понял вопрос Инаэро. — В каком смысле?

— Да в самом что ни на есть прямом. Большинство здесь — рабы, вот я и полюбопытствовала...

— А? — чувствуя себя полным ослом, переспросил Инаэро.

— Меня зовут Аксум, и я — девочка, если ты еще этого не понял, — заявило дитя, насмешливо щурясь. — Единственная девочка из всех. Ты ведь об этом собирался спросить? Остальные все мальчишки, да еще старик, который нас учит, и болван-переросток... это ты. Как твое имя?

— Инаэро... — Новичок все еще не мог оправиться от удивления. — Значит, девочка...

— Это, надеюсь, не запрещено? — фыркнула Аксум.

— Что именно?

— Быть девочкой...

— Нет, кажется...

Тут уж рассмеялись оба. Инаэро накрыл руку девочки своей ладонью. Тонкие пальцы Аксум

были, казалось, навечно измазаны чернилами, черными и красными.

— Ты поможешь мне, Аксум?

— Конечно. Нет ничего проще каллиграфии, надо только чтобы рука не дрожала. Смотри, вот этой палочкой пишут по воску — здесь можно царапать, как курица лапой, однако существуют определенные способы сокращать слова, для быстроты письма, понимаешь? Тебе диктуют, а ты быстро-быстро записываешь. Нельзя только цифры сокращать, запутаешься. Потом составляешь чистовой документ, и здесь уж секретов больше... Гляди.

Она придвинула к себе обрывок пергамента и принялась быстро чертить завитки. Казалось, что ей это не стоило ни малейшего труда. Забавный цветущий лес прорастал из букв из словно бы сам собою.

— Гляди, вот так можно написать любовное письмо или какое-нибудь шуточное поздравление... А вот строгий шрифт для деловых документов... Вот крупные буквы — это детские прописи, их иногда заказывают, когда хотят обучать ребенка грамоте. На полях можно нарисовать разных зверьков или растения, это поощряется. Я научу тебя.

Инаэро, как зачарованный, смотрел на вырастающие из-под тоненьких девчоночных пальчиков буквицы и виньетки.

— У тебя настоящий талант, Аксум, — признал он наконец. — Я в жизни так не сумею.

— Ну, не так, так как-нибудь иначе, — снисхо-

дительно улыбнулась Аксум. — Хотя у меня, конечно, талант. Боги наградили меня этим даром... Потому-то Ватар и выложил за меня кругленькую сумму. Ему прежний мой хозяин сказал.

Инаэро разинул рот.

— Вот так штука! Ты, значит, рабыня?

— Я же тебе уже говорила... Здесь почти все куплены на рынке. Кстати, на этом самом, на Блошином, где самый грошовый товар.

— Вот так дела... — протянул Инаэро и больше не прибавил ни слова.

* * *

Аксум как лучшая из мастеров Ватара часто получала заказы в богатых домах. Тогда она меняла свои поношенные шаровары и курточку на более изысканный костюм, заплетала густые, туго вьющиеся черные волосы в короткие, воинственно торчащие в обе стороны косицы, заворачивалась в тонкое белое покрывало — и отправлялась: сумка с письменными принадлежностями на боку, ноги неизменно босые, на мизинце левой ноги тоненькое золотое колечко, а на пояске — несколько певучих серебряных бубенцов, которые, как уверяла Аксум, отгоняли от нее злых духов.

Очередное задание она получила в тот же день, как Инаэро поселился в мастерской. Ей предстояло пройти почти весь город. Заказчик, торговец шелковым товаром, жил на другом конце Хоарезма. Впрочем, Аксум хорошо знала Хоарезм и не боялась заблудиться.

Перед выходом Ватар долго наставлял ее. Девочка слушала, ничему не удивляясь. Она родилась в неволе и привыкла, что у хозяев время от времени возникают различные фантазии. Дело раба — подчиняться, не задавая вопросов. А заодно наблюдать, выискивая лазейки для собственных интересов. Этим искусством притворного смирения Аксум владела в совершенстве.

— Внимательно присматривайся к этому дому, — говорил Ватар тихим, ровным голосом. — Кто в нем живет, кроме самого хозяина. Какие отношения у него с женой, с домочадцами, есть ли наложницы, есть ли любовницы — понимаешь? Постарайся задержаться подольше. Кто к нему приходит, с какими разговорами? Делай глупое лицо, не улыбайся, открыто ни на что не глазей — примечай уголками глаз. И слушай, умоляю тебя, слушай! Запоминай каждое сказанное слово.

Аксум смотрела в лицо своего хозяина не мигая и выглядела совершеннейшей дурочкой, однако Ватар не сомневался в том, что лучшая из его мастерниц не упускает ни единого слова.

— Сделаешь копию переписанного документа и доставишь мне, поняла? Не вздумай ничего напутать.

— А если он потребует, чтобы я делала копию прямо у него в доме? Если не позволит выносить черновики?

— Значит, запомнишь все, о чем писала. Все, ступай. У меня больше нет на тебя времени.

Аксум проводила Ватара глазами, еле заметно

пожала плечами и вышла из дома, придерживая на боку сумку.

Дом, где ей предстояло работать, сразу понравился девочке. У входа ее встретила служанка, пухлая вертлявая особа лет сорока.

— Кто ты, милай? — осведомилась служанка. — Уж не попала ли ты в беду? Вон как одежда запылилась... издалека идешь, должно быть?

Аксум приняла высокомерный вид.

— Я каллиграф, которого вызывал ваш хозяин, — холодно сказала она. — Будь добра, любезная женщина, проводи меня к нему, ибо, как я слыхала, хозяин твой человек занятой, и время его дорого. Да и мое, признаться, тоже.

— Каллиграф? — Служанка всплеснула руками. — Надо же! Вот бы никогда не подумала! Такая молоденькая! Да разве женщины бывают каллиграфами?

— Понятия не имею, — сказала Аксум. — Проводи меня к хозяину и предоставь ему задавать все эти вопросы, хорошо?

Служанка ввела девочку в полутемное помещение, где под ногами сразу угадался мягкий ковер, а затем проводила во внутренний дворик и показала место возле фонтана.

— Подожди здесь, — сказала она. — Я позову господина Эйке.

Аксум с любопытством огляделась по сторонам.

Да, ей понравился этот дом, где тебя встречают глуповатая хлопотливая служанка, где в фонтане журчит сладкая вода, а хозяин не заставля-

ет ждать по часу и более, ссылаясь на неотложные дела.

Эйке появился почти сразу, посмеиваясь на ходу.

— Ну, где эта чудо-девица-каллиграф?

Аксум встала, поклонилась.

— Я здесь, господин.

Эйке смерил ее взглядом.

— Ну, здравствуй, прекрасная. Если почерк у тебя так же хороший, как лицо... — Он обернулся к служанке. — Принеси подслащенной воды, цукатов... — И снова к Аксум: — Ты ведь любишь сладкое, верно?

Аксум почувствовала, что теряется. Она не ожидала такого приема.

— Люблю, — проворчала она. — Однако предпочла бы начать с дела.

— Ты далеко пойдешь, — сказал Эйке, — если предпочтешь дело цукатам.

Служанка ушла, чтобы вскоре появиться с блюдом. Аксум машинально съела несколько цукатов, выпила воды, потом взялась за яблоко.

Эйке тем временем раскладывал свои записи.

— Ты освежилась? Прекрасно. В таком случае, начнем...

Как и предсказывала Аксум, заказчик желал, чтобы беловая рукопись была изготовлена прямо у него в доме. Для переписывания с дочечек на пергамент он предоставил мастерице комнату, где имелся широкий ровный стол.

— Раньше здесь мы меняли пеленки нашей дочке, — добавил он, посмеиваясь, — а теперь вот он служит для более скучных дел.

Аксум никак не отреагировала на это замечание. Быстро, деловито разложила письменные принадлежности, записки, принялась выводить первые буквы. Показала заказчику шрифт:

— Так хорошо?

— Великолепно! — воскликнул Эйке. — А теперь, с твоего позволения, я тебя оставлю наедине с работой.

Аксум не ответила, погруженная в выписывание букв.

Она действительно любила каллиграфию. То, что это занятие приходилось совмещать со шпионажем, совершенно не трогало девочку: мало ли что! Хозяин относился к ней неплохо, даже, можно сказать, уважительно; среди мастеров школы она считалась первой. Что до заказчиков, то они бывали порой настолько довольны плодами ее трудов, что щедро платили сверх условленного. Эти денежки Аксум собирала и бережно хранила, рассчитывая со временем выкупиться на волю. Впрочем, с тоской думала она иногда, Ватар может и отказать. А то запросит такую сумму, что вовек не соберешь. Все-таки она приносила хозяину существенный доход.

Но сейчас все эти мысли были изгнаны из головы, и девочка сосредоточилась на работе. Кроме того, надлежало запомнить... Впрочем, можно было и не запоминать: беспечный Эйке ушел, никто не помешает сделать выписки на дощечку, которую потом спрятать в складках одежды.

Это и было проделано.

Эйке щедро наградил Аксум, еще раз похва-

лил ее внешность и работу, и пухлая служанка проводила мастерицу к выходу.

— Скажи своему хозяину, что послезавтра мне опять понадобится каллиграф. Предстоит большая работа — я заключаю одну важную сделку... Документ в двух экземплярах. И... Знаешь что? Ты умеешь писать на шелке?

Аксум кивнула.

— Вот и хорошо, — продолжал Эйке. — В таком случае, захвати шелк и необходимые для этого материала чернила. Я буду ждать тебя около полудня послезавтра.

— Передам господину Ватару, — степенно отвечала Аксум. — До свидания, господин.

И она удалилась.

* * *

О шпионской деятельности каллиграфической мастерской Инаэро узнал далеко не сразу. Поначалу он постигал азы письма, затем его постепенно вводили в курс дела. В конце концов господин Ватар приоткрыл новичку правду.

— Я знаю, что негодяй Эйке уволил тебя, хоть ты и служил ему верой и правдой... Он вышвырнул тебя на улицу, разбив все твои надежды...

— Откуда тебе это известно? — поразился Инаэро.

Ватар тонко улыбнулся.

— Да от тебя самого! Не ты ли, пьяный, рассказывал мне об этом в тот день, когда мы с тобою встретились...

Инаэро густо покраснел. Он не любил вспоминать тот злополучный день. Юноша почти никогда не брал в рот хмельного, и то, что он так напился, говорило не столько о его невоздержанности, сколько об общем неумении употреблять горячительные напитки.

— М... да... — пробормотал он, надеясь отвязаться от неприятного разговора.

— Что ж, рано или поздно подвернется случай поквитаться с этим негодяем, — спокойно продолжал Ватар.

— Поквитаться? — удивленно переспросил Инаэро.

— Разве ты этого не хочешь? Он ведь разбил твою жизнь! Эти богатеи способны уничтожить человека одним небрежным движением руки — из пустого каприза или по невниманию! Им нет дела до чужих страданий...

Инаэро молчал. Потом осторожно заметил:

— Но Эйке — вовсе не такой негодяй, как ты говоришь. Я рассчитывал со временем доказать ему, что он ошибся... Разве я когда-нибудь мечтал о мести?

— Неважно. — Ватар махнул рукой, словно отмечая любые сомнения, как ненужный хлам. — Я хочу, чтобы завтра ты пошел вместе с Аксум. Поможешь ей делать записи во время переговоров Эйке с купцами из Китая. У него важная встреча, речь идет о поставках шелковых тканей и драгоценных птиц, понимаешь? Девчонка хоть и умна, но может не во всем разобраться, а ты управлял лавкой и знаешь что к чему.

— Не понимаю, — сказал Инаэро. — Я должен шпионить за моим прежним хозяином?

Ватар поморщился.

— Назови это так, если тебе угодно. Речь идет о наблюдении. Пойми, в этой азартной игре на кон поставлены интересы куда более значительные, нежели твоя карьера или даже моя... Если все пойдет хорошо, тебе откроются и другие подробности.

Инаэро не верил собственным ушам.

— Ты хочешь, чтобы я принимал участие в такой подлости?

— Что за выражения... — морщился Ватар. — Держи себя в руках, молодой человек, иначе у тебя возникнут крупные неприятности.

— И Аксум шпионит для тебя?

— Ведет наблюдение — так точнее. И не для меня. Говорю тебе, я служу силе, которая...

Инаэро угрюмо молчал, опустив голову. Вот чем закончились его мечты о том, чтобы выбраться в люди! Однако отступать было некуда.

— Я согласен, — проговорил он, подняв на хозяина пустые глаза. — Объясни, что я должен делать. И дай совет — как держаться, чтобы Эйке не узнал меня.

* * *

Все оказалось проще простого. Занятый Аксум, трогательной в своей детской деловитости, Эйке не обращал внимания на чернокожего слугу, присланного сопровождать мастера каллиграфии.

фии, так что вымазанный черной краской Инаэро чувствовал себя в полной безопасности. Эйке выглядел довольным. Похоже, дела его шли хорошо. Он даже не подозревал о том, какие беды нависли над его головой. Инаэро ощутил жалость к прежнему хозяину.

По дороге домой он спросил у Аксум:

— Ты часто приносишь Ватару сведения о заказчиках?

— Не будь ребенком! — фыркнула Аксум. — Всегда! *Всегда*, понял? Для этого Ватар и держит свою каллиграфическую мастерскую. Он, как паук, сидит в центре паутины, и к нему стекаются сведения, сведения, сведения... Кто с кем встречается, у кого какие любовные свидания, кто что продал, какой товар заказал, сколько взял выше подлинной стоимости, — превосходный материал для шантажа, если потребуется. Или для того, чтобы стравить между собой людей. Но... Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Ватар — это только часть заговора. Вот что я думаю! Эти сведения нужны еще кому-то. А мы здесь — самое последнее колесо у самой последней телеги. Если им, тем крупным заговорщикам, понадобится замести следы, они просто уберут нас.

— Аксум... — Инаэро остановился посреди дороги.

Остановилась и девочка.

— Что еще? — Она была явно недовольна задержкой. — Я устала, хочу отдохнуть, выпспаться...

— Эйке дал тебе денег, я видел... Щедро отсыпал, полной горстью.

— Ну и что? — Аксум вся так и подобравшась. — Это мои деньги, они мне нужны! И если ты вздумаешь их отобрать... или проболтаешься хозяину...

Ее рука скользнула куда-то под складки белого покрывала.

Инаэро невесело рассмеялся.

— Я знаю, что ты прячешь там кинжал. Не стоит запугивать меня, Аксум. Я не стану тебя выдавать. И денег твоих мне не надо. Просто то, чем ты занимаешься, — страшная подлость.

Аксум приблизила свое лицо к лицу Инаэро и прошипела:

— Не смей рассуждать о подлости! Ты-то рожден свободным, захочешь — и уйдешь себе на все четыре стороны...

— Да, и подохну от голода, — криво улыбнулся Инаэро.

— А я бы согласилась подохнуть от голода, лишь бы знать, что вольна делать все, что на ум взбредет! Я собрала уже... — Она прикусила губу, не желая называть сумму.

— Сколько бы ни собрала, — неужели ты думаешь, Ватар позволит тебе откупиться?

— Не позволит, — хмуро согласилась Аксум. — Пойдем. Нас уже заждались в мастерской. И к тому же я действительно страшно проголодалась.

Аксум всегда испытывала жгучий голод после работы. И это — несмотря на то, что Эйке вы-

ставлял для каллиграфов угощение: фрукты, сладости.

Весь вечер и половину ночи она торопливо записывала цифры, которые сумела удержать в памяти. А затем заснула и проспала весь следующий день, очнувшись от тяжелого забытья только к вечеру.

Ватар был занят: принимал у себя таинственного господина, державшегося, несмотря на довольно невидную наружность, весьма важно и представительно. Более того, Ватар перед ним явно лебезил.

Еще бы! Нечасто Арифин удостаивал его своими посещениями. Обычно Ватар приносил ему краткие выводы из донесений каллиграфов, осмысленных и переработанных самим Ватаром, а тайный совет Ордена на основании полученных данных уж сам решал: какие союзы между знатными и богатыми людьми Хоарезма разрушить, какие наоборот укреплять, кому из «сильных мира сего» (знали бы они!) помогать и впредь держаться на плаву, а кого попросту утопить.

Но чтобы Арифин явился сам!..

— Речь идет о наиболее перспективном нашем члене, — шипел Арифин. — Несметное состояние, столь же необъятная глупость — и страстное желание отомстить. Нам нужен Церинген! Клянусь семицветными узорами Павлина, среди глазков Птицы этот глазок — один из лучших!

— Не могу же я засыпать каллиграфов сам, не имея заказа от клиента! — возражал Ватар. — Эйке затевает новые сделки с кхитайцами.

Господин Арифин собрался уже уходить, когда ему пришла в голову новая мысль.

— Кстати... э-э... почтеннейший мой Ватар... Вопрос несколько щекотливого свойства... Дело, которое мы затеваем, не любит свидетелей... Как лучше поступить с каллиграфом, который сейчас наблюдает за Эйке?

— Проблем не будет, — ответил Ватар. Он уже взял себя в руки и говорил совершенно ясным, твердым голосом. — За ним следует рабыня, девчонка. Избавиться от нее — минутное дело. И главное, никто не будет задавать вопросов.

* * *

Кое в чем «почтеннейший» господин Ватар ошибся: по крайней мере, среди каллиграфов нашлось бы кому задавать вопросы насчет Аксум. И, самое неприятное: этот «кто-то» был не рабом, а свободным человеком. Инаэро, конечно, понимал, что сведения, полученные путем подслушивания, грозят в первую очередь опасностью ему самому, но тут уж ничего не поделаешь.

Ему еле удалось оставаться незамеченным, когда Светлейший Арифин спешно покидал каллиграфическую мастерскую. Впрочем, сам Светлейший был слишком занят собственными мыслями, чтобы заметить жалкую фигуру, жмущуюся к стене и кутающуюся в складки тяжелого занавеса возле двери в господские покои, где и происходил разговор. К тому же, уже стемнело.

Дождавшись, пока стихнут шаги, Инаэро кра-

дучись пробрался на рабочую половину дома и проскользнул в комнатку Аксум.

Девочка спала. Сон ее был, судя по всему, полон неприятных видений. Растрепанные волосы разметались по подушке, она непрерывно ворчалась, бормотала непонятные слова, сжимала в пальцах край покрывала. Инаэро вышел в кухню и попросил у стряпухи горячего питья.

Стряпуха глянула на него почему-то с ехидным прищуром:

— Пить, что ли, захотелось?

— Да... и зябко мне.

— Хм, — отнеслась непонятно к чему стряпуха и полезла за горшком, где хранила мед. — Может, с медом горячей воды?

— Чего угодно, только побыстрее... Знобит. Боюсь, чтобы руки дрожать не стали.

— А ты что с озnobом, что без ознона — все едино косорукий, — неожиданно высказалась стряпуха.

Инаэро обомлел.

— Почему ты дерзишь мне? — он попытался возмутиться, но как-то нерешительно. — По какому праву?

— А вовсе без права, — невозмутимо сказала стряпуха, разводя щедрую ложку меда в большом кувшине горячей воды. — Просто высказываюсь. Над тобой ведь смеются. Ничего у тебя не получится. Напрасно и взялся. Ты, говорят, человек вольный — успокоишься насчет каллиграфии и сам уйдешь.

— Вот это новость! — молвил Инаэро. Сер-

диться на добродушную стряпуху было невозможно: всякий знал — у нее что на уме, то и на языке. — И кто же это обо мне говорит?

— Да девчонка наша, Аксум, она и говорит...

— Ай да Аксум! — восхитился Инаэро. — Вот ведь змея! А меня обучать взялась!

— Вот потому-то и говорит... Не ученье мне с ним, говорит, а сплошное мученье... Держи кувшин, бедолага...

Инаэро схватил кувшин за бок и тут же отдернул руку. Стряпуха откровенно засмеялась над неловкостью «вольнонаемного» каллиграфа.

— У кувшина сбоку ручка есть, слыхивал? Сейчас покажу тебе, умник. Вот она. Знаешь, для чего она предназначена? И сие открою тебе. Ручка — она, сынок, для того, чтобы олухи, вроде тебя, рук не обжигали...

Совершенно уничтоженный бойкой стряпухой, Инаэро принес горячее питье в комнату Аксум и принялся будить девочку от тяжелого сна.

Она наконец очнулась и несколько секунд моргала, с трудом соображая, кто это перед ней и что ему потребовалось. Наконец расплывчатая фигура в полумраке комнаты обрела более или менее ясные очертания и оказалась непутевым и нелепым Инаэро, о котором «змея» действительно в сердцах говорила как-то, что он «косорукий».

— Ох... Зачем ты сюда явился, Инаэро? — со стоном вопросила Аксум. И вдруг забеспокоилась: — Что, хозяин зовет? Опять работа?

— Нет, я сам пришел, своей волей...

— Ох, я же забыла, ты у нас вольный, не купленный, ты у нас все своей волей делаешь... Оттого и все в тебе вразброд, что всякая рука у тебя свою волю имеет, и всякая нога, и всякая голова...

— Что ты такое несешь, Аксум? — насторожился Инаэро. Ему показалось, что девочка бредит. — Выпей лучше.

Аксум отхлебнула горячего.

— Ух, легче... Что это ты у нас таким заботливым сделался, Инаэро? — И она прищурилась с насмешливым подозрением.

Аксум, конечно, знала, что Инаэро преклонялся перед ее мастерством и готов был ковром стелиться ей под ноги за обучение. Впрочем, из своего мастерства Аксум никогда не делала тайны и охотно делилась всем, что знала, с новыми каллиграфами.

Она хорошо понимала, что превзойти ее никто не сможет, а если и сыщется человек с такой же твердой рукой и буйной фантазией, как у нее, с такой же тренированной памятью и умением вникать в суть каждого написанного текста, — этот человек займет *свое* место, ибо его фантазия и начертания букв, его мнемонические правила и способы сбора информации будут *его собственными*. Одолжиться талантом — невозможно, украдь у человека его дар не под силу даже демонам.

Беднягу же Инаэро боги явно позабыли одарить этим талантом. Кроме того, обделили они

его и удачливостью. Все, что получил от них Инаэро, было доброе, отзывчивое сердце, да еще робкое желание когда-нибудь вырваться из лютой нужды.

Впрочем, желание это было не таким уж робким. И сколько бы судьба ни отбрасывала парня назад, к первоначальной нищете, ровно столько же раз он поднимался и шел вперед, упорно сокрушая хилой грудью все препятствия, вырастающие перед ним, точно в сказке.

Видя, что Аксум пришла в себя и смотрит вполне осмысленно, Инаэро приступил к главной цели своего посещения.

— Только что к нашему господину Ватару приходил другой господин, закутанный в покрывало и чрезвычайно важный, невзирая на свои ухватки мелкого лавочника...

Аксум поморгала.

— Подай мне гребень, — сказала она наконец. — Невозможно привести в порядок мысли, когда на голове такая каша из волос.

Инаэро позволил себе усомниться в том, что существует настолько явная и прямая связь между порядком в голове и порядком на голове, однако спорить с Аксум не приходилось, поэтому он просто подал девочке гребешок. Она принялась задумчиво терзать свои густые косы. Глядеть на это было просто страшно.

— Ухватки мелкого лавочника... Закутанный... — повторяла она.

— Да, и при этом — потуги на величие, на управление судьбами мира...

— А! — молвила Аксум, как будто догадавшись, о ком идет речь.

И замолчала, продолжая дергать волосы гребнем.

Поняв, что более внятного ответа она по собственной инициативе ему не даст, Инаэро взял ее за руку.

Аксум посмотрела на приятеля удивленно, словно не ожидала подобной дерзости.

— О ком ты подумала, Аксум?

— Это Светлейший Арифин, глава Великого Тайного Ордена Павлина. Для него-то весь шпионаж и осуществляется. Он тут ворочает судьбами если не мира, то хоарезмийского купечества. И заодно обогащается сам.

— Откуда тебе известны такие тайны?

— Рабам, сын мой, известны многие тайны. Знаешь пословицу — «сколько рабов, столько врагов»? Это сущая правда. Если раб не будет следить за господином по мере своих слабеньких силенок, то беда ему, рабу. Мы знаем куда больше, чем говорим и показываем. Ты человек свободный и во всю эту рабскую механику не посвящен, а я...

— Брось хвалиться, Аксум! Я тут живу на положении раба, о чем тебе, кстати, известно даже лучше, чем мне самому! Сегодня я подслушал один разговор...

Аксум отложила гребень и принялась заплетать косы.

— Выпей сперва еще горячего, — сказал Инаэро. — Согрейся.

Аксум, к его удивлению, благодарно улыбнулась и снова приложилась к кувшину.

— Мне уже значительно лучше, — проговорила девочка, откидываясь на подушки. — Боги, как же я устала! Как будто все у меня в голове ссохлось и болит...

— Они хотят расстроить новые сделки Эйке. Разорить его...

— А это, друг мой, было ясно с самого начала, — молвила Аксум, глядя в потолок. — Мне-то что до этого? Он — богатый купец, а я — бедная рабыня...

— Эйке хороший человек, — сказал Инаэро.

— Да уж. Оклеветал тебя и выгнал с работы.

— Меня оклеветали перед ним какие-то другие люди. Эйке не обязан был вникать во все подробности и уж тем более — рисковать собственной репутацией, оставляя меня на работе.

— Больно ты его защищаешь! Так не годится, Инаэро. Помни, мы должны держаться друг за друга, а господа пусть что хотят, то друг с другом и делают. Вот этак-то мы и выживаем, понял? Никогда не бери господского интереса близко к сердцу.

— Ах ты, моя учительница! А что ты запоешь, когда узнаешь, что господин Ватар собирается избавиться от тебя?

Аксум приподнялась на локте.

— Не может быть!

— Еще как может! У них слишком большие ставки в этой игре, вот что я тебе скажу.

— Расскажи подробно, что ты подслушал.

Инаэро добросовестно пересказал девочке услышанное. Ее уроки не прошли даром.

— «Избавиться... минутное дело...» — пробормотала Аксум. — Кажется, он выразился достаточно ясно, как ты считаешь?

— Да, — твердо ответил Инаэро. — Яснее не скажешь.

Аксум закусила губу, задумалась.

— Аксум, — осторожно начал Инаэро, — я хотел тебе предложить один план... Если просить покровительства у Эйке... Он человек добрый, я уверен, что он тебе не откажет.

— Не откажет? В чем?

— Может быть, он откупит тебя у Ватара?

— Ты понимаешь, дурак, о чем говоришь? Ватар никогда меня не продаст! «Избавиться» — это не продать, это убить! Что-то такое стало мне известно, что не должно дойти до слуха других людей. Рисковать, продавая меня, он не станет.

— Может быть, бежать?

— Схватят.

Наступило молчание. Аксум машинально за плетала и расплетала косу. Наконец Инаэро не выдержал:

— Неужели ты так спокойно дашь себя убить?

Аксум медленно покачала головой.

— Насчет этого — даже и не думай. Не для того меня мать рожала, чтобы я вот так запросто сдалась и подставилась под удавку... Это было бы сущей неблагодарностью по отношению к бедной женщине — не находишь?

Глава двенадцатая

Наемники для каравана

тарший сын правителя Хоарезма, Хейто, большую часть времени проводил в своих покоях, подальше от отцовских глаз. Это был черноволосый молодой человек лет восемнадцати, с вьющейся бородкой, густыми бровями и лихорадочно блестящими черными глазами, похожими на две влажные маслины. Очень красные губы резко выделялись на молочно-бледном лице.

Красноватыми были и его тонкие ноздри, что выдавало давнее пристрастие Хейто к порошку черного лотоса.

Его покои были обставлены с роскошью и вкусом. Повсюду лежали мягкие ковры из Султанапура. Их особенностью было то, что тончайшая шерсть, из которой изготавливали их султанапурские мастера (исключительно мужчины — женщин к такой работе даже не подпускали),

портилась при малейшем прикосновении влаги. Один разлитый бокал вина, одна капля, сорвавшаяся с донышка чашки, — и драгоценнейший ковер безвозвратно испорчен. В этом также заключалась особая утонченность.

Хейто развалился на низком ложе, машинально поглаживая шелковое покрывало. Оно было скользким и приятно холдило кожу. Шелковой была и одежда наследного принца. Перед ним на инкрустированном костью столике лежал прибор для раскуривания порошка черного лотоса. Само зелье должен был доставить один друг принца. Он появлялся при дворе под видом торговца пряностями и сладостями, до которых так охоч был Хейто.

Наконец слуга доложил о прибытии долгожданного гостя. Хейто хлопнул в ладоши:

— Пусть войдет! И смотри же, чтобы нам никто не помешал.

С низким поклоном к наследнику в покой вошел Светлый Арифин. Здесь он выступал как раболепнейший из слуг его высочества.

— Приветствую великолепие и красоту! — воскликнул Арифин, остановившись на пороге и заслонив глаза ладонью, как бы ослепленный удивительной красотой молодого принца. — Мои недостойные глаза вновь созерцают зрелице, предназначенное только для бессмертных!

— Входи, — сказал Хейто. — Садись здесь.

Он пытался держаться с Арифином, как и подобает наследному принцу Хоарезма, — с достоинством, милостиво снисходя к ничтожеству, ко-

торому посчастливилось услужить сиятельной особе. Но ничего не получалось. Хейто зависел от Арифина, и оба знали об этом. Если Арифин не появится со своим зельем, принц вновь окажется во власти страшных видений, и все закончится очередным припадком.

А Арифину принц был нужен живым. До тех пор, пока не умрет его отец, правитель Хоарезма. Несчастный случай должен произойти с владыкой во время ежегодного жертвоприношения коней богине Бэлит. Один из коней, предназначенных для заклания, взбесится и нападет на того, кто будет стоять рядом.

А рядом будет стоять тот, кто приносит жертву от имени всего города Хоарезма.

То есть — правитель.

И тогда на трон взойдет Хейто, послушная марионетка в руках Арифина. Какая великолепная наступит жизнь! Сколько дел можно будет совершить, имея такого чудесного правителя! Правителя, которым так легко управлять: подсыпал одного снадобья в зелье — примет одно решение, подсыпал другого снадобья в то же зелье — лежит без сил и жалобно стонет, умоляя избавить свое величество от страданий и жутких кошмаров...

Арифин не был магом. Он являлся великим организатором. И всегда ухитрялся оставаться в тени. Тайная власть доставляла ему величайшее наслаждение.

Но не будучи магом, Арифин охотно имел дело с колдунами. Последней его удачей можно бы-

ло счастье Велизария. Как только колдун обосновался на берегах озера Вилайет, Арифин сразу начал думать: какие выгоды можно извлечь из этого вторжения. И придумал.

Явившись как-то раз к Хейто, Арифин принялся сыпать перед ним порошок черного лотоса и рассуждать о Велизарии. Слыханное ли это дело, чтобы какой-то вояка из Ксапура устраивался на берегу Вилайет и строил там замки?

— Какое нам дело, — отвечал Хейто, жадно подрагивая ноздрями и бросая на Арифина умоляющие взгляды: «Еще! Еще!».

— Может быть, и никакого, — соглашался Арифин, — но, с другой стороны, кто знает? Вдруг Велизарий захочет переметнуться поближе к Хоарезму? Торговые связи с Туроном будут из-за него затруднены... Могут возникнуть поводы для недовольства среди купцов Хоарезма...

— О, да, — соглашался Хейто, приникая к порошку и нюхая его. — Ты прав, Арифин. У тебя государственный ум.

Арифин скромно потупил глаза.

— С другой стороны, — произнес он вкрадчиво, — совершенно незачем драгоценной персоне наследника рисковать собой, выступая против Велизария.

— Но у нас есть другой брат, — сказал Хейто. — Не так ли? Пусть Бертен защищает наши границы. Я хочу, чтобы мой младший брат Бертен выступил против Велизария. Только как бы это устроить? Бертен изнежен, он лакомка и бездельник...

— Но у Бертена есть гордость, — напомнил Арифин. — У него даже развито чувство чести.

— Очень неудобное чувство, — сказал Хейто с отвращением.

— Для кого — как. Для нас это очень удобно, — проговорил Арифин и поцеловал руку Хейто. — Предоставь это мне, господин. Бертен захочет выступить против Велизария.

«И останется в его заколдованным замке на всегда», — добавил про себя Арифин, улыбаясь так, чтобы Хейто этого не видел.

И план удался. Бертен отправился в заведомо безнадежный поход и пропал бесследно. Теперь оставалось избавиться от правителя. День жертвоприношения близился. Отраву для коней должны были доставить. Оставалось подкупить жреца. Это было довольно сложно, потому что все жрецы, как правило, искренне почитают своих богов и ни за что не согласятся осквернить ритуал. Следовало найти слабого духом и предложить ему сумму, от которой останавливается сердце. Всегда найдется сумма, способная уговорить человека, если только он — не религиозный фанатик. Даже среди жрецов всегда найдется говорчивый.

Деньги Арифин собирался выудить у Церингена. Разорение Эйке — приятная забава, разминка перед настоящим делом. Заодно эта забава сулит огромную выгоду.

Поэтому Арифин явился к принцу Хейто в отменном расположении духа. Он принес порошок черного лотоса — чистейший и крепчайший, а за-

одно несколько золотых колец тонкой работы. «В подарок», — пояснил Арифин, с поклоном надевая колечки на пальцы ног молодого господина.

Тот пошевелил пальцами, глянул на них. Одно из колец неожиданно сверкнуло изумрудным блеском, и зеленое пламя на миг ослепило Хейто. Принц поморщился.

— Возможно, они слишком хороши для меня, — заметил он.

— Нет такой вещи, которая была бы слишком хороша для моего принца и повелителя! — воскликнул Арифин.

Но у Хейто было дурное настроение. И черный лотос отнюдь не улучшил его.

— Я получил известие о Велизарии, — сообщил Хейто.

— О, это тот злодей, который убил брата моего принца! — воскликнул Арифин.

— Угу, — отозвался наследник Хоарезма. — Велизарий мертв, его замок сгорел, а люди разбежались.

И он, подняв голову, уставился на Арифина.

— Что скажешь, Арифин?

Тот посерел, вжал голову в плечи. Впрочем, растерянность длилась недолго.

— Не может этого быть! — воскликнул Арифин, расправляя плечи и выпячивая грудь. — Невозможно!

— О, еще как возможно, — уныло протянул Хейто.

— Откуда сведения?

— Донесли отцу. В город приехали какие-то

наемники. Маленький отряд. Четверо, кажется. Или пятеро. Невелико событие. Они остановились на постоялом дворе...

Арифин сморщил нос.

— Фи, какими ничтожными вещами кто-то посмел обременить мысли моего повелителя!

Однако Хейто остановил его, подняв руку.

— Погоди, ты не знаешь главного. Эти люди рассказывали, что были возле замка Велизария и видели все своими глазами. От замка остались одни угли. Голая скала. И сам Велизарий убит, а заодно погиб и его колдун...

— И что это значит? — осведомился Арифин.

— Это значит, что мой брат, возможно, теперь на свободе! — произнес Хейто таким тоном, что невозможно было понять: радуется он спасению младшего брата, или же наследника это чрезвычайно огорчает.

— А еще вероятнее — если твой брат, господин, не был убит с самого начала, — что Бертен погиб во время пожара! — резонно возразил Арифин. — Вряд ли спасающиеся из горящего замка стражи побеспокоились о пленнике.

— Может быть... — протянул Хейто.

И вновь приник к порошку черного лотоса.

Арифин покидал своего «повелителя» в мрачном настроении. Смерть Велизария кое-что меняла. И прежде всего Арифина беспокоило то, что он не знал ничего о судьбе Бертена. А вдруг младший сын спасся? Это было бы очень неприятно.

Как жаль, что всеведение Павлина — ложь, придуманная для дураков, вроде Церингена! Как

жалъ, что всеведение этой магической птицы основано на данных, поставляемых Арифину разветвленной сетью шпионов! И как назло, ни одного шпиона не было у него в замке Велизария, чтобы выяснить, ъаконец, что же там делалось на самом деле!

* * *

Конан со своими спутниками достиг Хоарезма ровно в полдень, и все остановились, как по команде, созерцая прекрасный город, возникший прямо перед путешественниками. Ослепительная гладь моря Вилайет сверкала, как мокрое зеркало, и бросала яркие блики на крепостные стены Хоарезма. Высокие башни словно таяли мацукаами в знойном небе. Марево плавало над раскаленными камнями. В воздухе чуть дрожала белая пыль.

— Как красиво! — воскликнула Рейтамира, прижимая руки к груди. Она никогда не видела таких высоких зданий, такой роскоши, такой безопасности, которую дарили прочные городские стены. — Боги, как, должно быть, счастливы люди, которые здесь живут!

Конан скривил неприятную физиономию.

— Поверь мне, женщина, в этих городах люди страдают точно так же, как в степи, в лесу или в жалкой деревушке, вроде той, где ты родилась.

Аригон молча кивнул, а Бертен всыхнул:

— Ты говоришь о городе, в котором я рано или поздно стану правителем!

— Если ты будешь рассказывать всем и каждому о том, кто ты такой на самом деле, то не станешь не только правителем — ты даже не успеешь стать взрослым человеком! — оборвал его Конан. — У тебя есть сильные враги, не забывай об этом. И будет лучше, если эти враги не узнают до поры о том, что принц Бертен избежал смерти.

— Я тебе не верю, — проговорил Бертен. — Не может быть, чтобы у меня были враги!

— Поверь мне, — вздохнул Конан. — Ты знатен и имеешь права на престол. У таких, как ты, всегда найдутся враги.

— Мой брат? — пробормотал Бертен. — Но он подвержен болезни...

— Да, и курит порошок черного лотоса, — добавил Конан. — Очень удобно для тех, кто желает устраниТЬ тебя и твоего отца. С таким правителем, как Хейто, можно наворотить кучу дел, и никто с тебя не спросит.

— Ты говоришь ужасные вещи, киммериец. — Казалось, Бертен готов заплакать. — Я не желаю тебя слушать! Мой брат никогда не согласился бы убить отца и меня.

— Твой брат — жалкий раб собственного порока, — возразил Конан. — Поэтому, если хочешь остаться в живых, спаси отца и родной город, то слушайся меня.

Бертен перевел взгляд на своих спутников, но не встретил понимания ни у Аригона, ни у Вульфилы. Все они считали, что Конан прав. В конце концов, Бертен понурил голову.

— Я сделаю так, как ты советуешь, варвар, — сказал наследный принц. — Но это не означает, что я с тобой согласен.

— Большего и не требуется, — фыркнул Конан. — Сделаем так. Войдем в город и найдемся к какому-нибудь из здешних купцов в охранники. Тем временем попробуем разобраться в происходящем. Сдается мне, в Хоарезме дурно пахнет. Бертен будет считаться таким же наемником, как и мы сами. Рейтамира — жена солдата, стряпуха нашего отряда. В общем, даже врать почти не придется.

Аригон засмеялся, блестя зубами на смуглом лице. Вульфилы хмыкнул и потянул вожжи. И все пятеро двинулись навстречу распахнутым городским воротам.

В маленькой таверне, где путники устроились для отдыха, Вульфилы вовсю рассказывал о пожаре замка Велизария. Стоило посмотреть, кого этот рассказ затронет и какие силы придут в движение. Точно — вскоре после того, как Вульфилы повторил увлекательное повествование о горючей воде и прочем в третий раз, один из посетителей, молча сидевших в углу, поднялся и, стараясь держаться незаметно, вышел из таверны.

«Кого-то эта история точно заинтересовала, — с удовлетворением подумал Конан. — Странно. Правитель Хоарезма лично направил меня разобраться с Велизарием. Видимо, он сделал это тайно, не предавая свои планы огласке. Стало быть, он подозревает о наличии заговора против правящей семьи. Интересно было бы еще узнать, как

много ему известно... Но показываться при дворе пока что не стоит. Подождем».

— Я пойду поспрашиваю насчет работы для нас, — сказал киммериец, обращаясь к своим товарищам. — А вы оставайтесь здесь, хорошо? И постараитесь никого не убить, иначе у нас возникнут неприятные осложнения.

Бертен, дочерна загорелый, с пыльными волосами, в простой одежде, с огрубевшими руками, сидел в углу и не без отвращения сосал кислое вино. Несколько раз он просил воды и разбавлял пойло, чем приводил прислугу в таверне в полное изумление.

— Обычно это д-делают с-слуги, — сказал Бертену Вульфилы. — И д-до того, к-как подать на с-стол.

Бертен хмыкнул, но ничего не ответил.

* * *

Конан довольно быстро выяснил, где можно подзаработать. Один из здешних купцов собирает караван до Кхитая.

— Хороший купец, — сказал Конану турец с золотой серьгой в ухе (второго уха у этого субъекта не было). — Я хотел было к нему наняться, но больно уж далеко идти. Кхитай! Там, говорят, водятся драконы.

— Драконы, друг мой, водятся везде, особенно на кухне у твоей тещи, — сказал Конан. Шутка вышла плоская, но турец с готовностью расходился.

— Его зовут Эйке, — сказал он, облизывая губы. — Ты легко найдешь его дом — синие ворота с золотыми звездами, а рядом растет платан. Почти в центре города. Платит он честно, с людьми обращается хорошо. Если бы не Кхитай...

— Благодарю тебя, — сказал Конан. — Привезу тебе из Кхитая шелковую птицу с бумажными крыльями. Подаришь теще.

И хлопнув туранца по спине, Конан поспешил уйти.

Дом Эйке отыскался по названным приметам без особого труда. Хозяин Конану понравился — приветливый, спокойный, уверенный в себе человек. Сперва пригласил в дом, а потом уже начал высматривать: зачем пришел гость и откуда он взялся. И откровенно разбойничий вид пришельца Эйке не смущал.

Конан устроился на низком сиденье, с благодарностью принял чашку с подслащенной холодной водой.

— Я командую небольшим отрядом, — сказал киммериец, отхлебнув воды и изобразив на лице полный восторг от угощения. — Нас четверо мужчин и еще женщина-стряпуха. Мне сказали, что ты намерен отправить караван до Кхитая и нанимаешь людей в охрану. Мы могли бы взяться за эту работу.

Эйке просиял.

Они поговорили еще немного, обсудили условия в подробностях. Киммериец был в отменном расположении духа и потому решил помучить торговца. Как известно, солдаты торгаются не ху-

же, чем купцы, а иногда и лучше. Поистине, нет такого порока, который не был бы родным для наемника!

Поэтому Конан предложил составить контракт и начал перечислять:

— Если воин, защищая твое добро, лишится большого пальца правой руки, то ты выплатишь ему по возвращении пять золотых. Если он потеряет указательный палец правой руки — четыре золотых... — И так далее, до мизинца левой ноги.

Эйке кивал, не столько вникая в условия договора, сколько разглядывая своего нового начальника охраны. Киммериец, рослый, с мощными плечами, с пронзительным взглядом синих глаз, представлялся молодому торговцу человеком вполне подходящим. Он явно был не так прост, как притворялся, но это и к лучшему. Некоторыми повадками Конан напоминал Эйке сводного брата.

Киммериец, в свою очередь, раздумывал о своем нанимателе. Благополучный человек. Во дни процветания государства такие люди незаменимы: они щедры, милосердны и стараются не обращать большого внимания на мелкие недостатки окружающих. В эпоху смут они погибают первыми, поскольку мало знакомы с человеческими пороками и не умеют увидеть беду, пока та не ступит на порог и не расположится по-хозяйски в комнатах.

Почему-то киммерийцу захотелось защитить этого человека. А в том, что защищать Эйке придется, Конан не сомневался. Варварским чутьем

он улавливал, каким хрупким было благополучие этого богатого, счастливого дома. Конан слышал, как в доме вокруг открытого в садик помещения, где велась беседа, кипит жизнь: в глубине женских покоев плакал ребенок, слышались быстрые легкие шаги, доносилось звяканье посуды. Но в садике было тихо, и эту тишину лишь подчеркивало неумолчное журчание струй фонтана. И киммерийцу хотелось, чтобы этот тихий шум благополучия никогда не стихал в доме хоарезмийского купца.

В заключение беседы Эйке сказал:

— Мне бы хотелось познакомиться с твоими людьми поближе.

— Нет ничего проще, — учтиво отозвался киммериец. — Мы тотчас придем к тебе, и ты сможешь переговорить с каждым из отряда, когда пожелаешь.

— Я могу предоставить вам кров у себя дома, — добавил Эйке. — Места здесь хватит. Заодно будете охранять товар, пока мы не выступили в путь. В последнее время участились кражи. Недавно у меня самого утащили из лавки целую штуку отменнейшего шелка, а это, согласись, не дело.

* * *

В Хоарезме — глубокая ночь. На узкой темной улочке — ни души, только жмется под забором, в грязной траве, жалкая тощая тень — бездомный пес, тоскуя от голода, рыщет в поисках обедков.

Не на что смотреть тут звездам, вот и не заглядывают небесные очи в этот проулок — мрачный, как преисподня.

Но вот там, у стены, — странное шевеление... Как будто сама темнота ожила, сгустилась и движется... Но если приглядеться, то можно в конце концов различить две человеческие фигуры, закутанные в темные покрывала, — одну повыше, другую совсем маленькую.

— Сними свои бубенчики, — шипел тот, что повыше.

— В ночь, когда волки съедают луну, злые духи бродят прямо по городу и пожирают человеческие сердца, — шептал второй голос, сердитый. — Пора бы знать такие простые вещи.

— Ты своим звоном полгорода перебудишь, — говорил первый. — Насчет злых духов я не уверен, а вот охранники прибегут — это как пить дать.

— Не смей меня учить! Ты жизни не видел, злой доли не хлебал!

— Хлебал! — свистящим шепотом выкрикнул первый.

Крепкая узкая ладонь человека с бубенчиками закрыла упрямцу рот.

— Погубишь нас! Молчи! Я зажму бубенцы в кулаке, вот они и не будут звенеть. Только там, в кулаке, они все равно живые, и злые духи нас не тронут.

— Лишь бы злые охранники нас не тронули, — прошептал под ладонью Аксум Инаэро, — а с духами как-нибудь справимся.

Они крались вдоль стены, по переулку, охранимые темнотой и подгоняемые тревогой за собственное неясное будущее.

Неизвестно, кто из двоих рисковал больше. Аксум — рабыня. Если ее поймают, то снова отадут в руки прежнего господина, а уж как Ватар распорядится непокорной девчонкой — это личное дело Ватара. Может, снова приставит к делу, только на цепь посадит. Может, прикажет забить до смерти. А может быть, ничего он с нею не сделает, оставит все как есть: была Аксум лучшим каллиграфом мастерской — и останется лучшей, и снова будет работать с утра до ночи, беспокойно спать от переутомления, жаловаться на резь в глазах, прятать в матрасе деньги, полученные от добросердечных заказчиков, и безнадежно мечтать когда-нибудь выкупиться на волю... Впрочем, что касается денег, то придется начинать все сначала: свои сбережения Аксум прихватила с собой, так что, попадись она в руки стражи, отберут у нее все до последнего медяка. На этот счет можно даже и не обольщаться.

А вот Инаэро — свободный. Если их с Аксум схватят вместе, то он будет считаться вором, посягнувшим на чужую собственность. А с теми, кто крадет рабов, поступают очень жестоко.

Если же «повезет» и поймают одну Аксум, то Инаэро, конечно, не попадет в руки правосудия. Зато ему обеспечена тайная расправа со стороны господина Ватара — человека весьма могущественного. И что с того, что господин Ватар скрывает реальную мощь своей власти! Инаэро подоз-

ревал, что знает о своем работодателе далеко не все, — но и того, что было известно, довольно, чтобы бояться этого человека.

И все же, несмотря на все эти опасности, оставаться в каллиграфической мастерской было слишком рискованно. Инаэро узнал чересчур много, чтобы не сознавать этого. Аксум, которая по поручению своего господина, шпионила за Эйке, сделалась для собственных хозяев чрезвычайно «неудобной», и ее могли убрать в любой момент.

А Инаэро успел привязаться к девочке — язвительной учительнице и талантливой рисовальщице, которая в каждой букве умела увидеть забавную змейку, потягивающуюся кота или спящего тигра. Не станет он сидеть сложа руки и ждать того дня, когда по школе каллиграфов разойдется слух: Аксум нашли задушенной! Шнурок на шее! Лицо синее, язык высунут! Бедная девочка! Поохают, попереживают — а через неделю забудут.

На бегство решились быстро и сразу. Ничего с собой не взяли, даже переодеваться не стали. Аксум только вытащила заветный кошелек с собранными для выкупа деньгами и спрятала его под одежду.

Они выбрались из здания школы через окно и оказались в темном переулке. Инаэро чувствовал, как его начинает бить дрожь, и хотел думать, что это — от ночной прохлады.

А Аксум казалась совершенно спокойной. И даже ворчала, совсем как обычно:

— Мы до рассвета будем тут стоять? Идем! Она потянула его за руку, и Инаэро послушно двинулся следом.

— Они хватятся нас только утром, когда все проснутся, — рассуждала девочка шепотом. Ее босые ступни шуршали по камням, бубенцы предательски глухо позвякивали в кулачке. — Времени еще несколько часов.

Инаэро вдруг остановился. В темноте блеснули его зубы — он широко улыбнулся:

— Аксум! Я знаю, куда нам идти!

Даже в темноте он видел, что она крепко в этом сомневается.

— Ты уверен?

— Аксум, почему ты считаешь меня полным ослом?

— Потому что ты и есть...

— Ладно, без тебя знаю. Но скажи: ты хотя бы доверяешь мне?

— А ты как полагаешь? Я сбежала из школы, где мне было тепло и хорошо, где все меня обожали...

— Ну да, не секли за ворованные пирожки, — попытался съязвить Инаэро.

— А мне и не приходилось воровать пирожки! — парировала Аксум. — Мне их приносили, когда я требовала. Вообще жила как наследница престола...

— Ты — талантливый художник, — серьезно сказал Инаэро, — а они обращались с тобой как с воровской отмычкой, которая подходит к любому тугу набитому сундуку.

Аксум опустила голову.

— Ты и вправду считаешь, что я талантлива?

— Да! — горячо отозвался Инаэро. — Тебе нужно жить иначе — в собственном доме, среди слуг...

— Ну уж нет! — почти крикнула Аксум. — Если милостью богов я стану когда-нибудь свободной, никогда никаких рабов у меня в доме не будет! Я-то хорошо знаю, на какие низости способны несвободные люди. Мне-то лучше всех известно, как они подглядывают за господами, как судачат потом, перемывая им кости, как ненавидят рабы хозяев. Видеть сладкую улыбку служанки, которая приносит тебе поднос с фруктами, и знать, что на кухне она только что именовала тебя «шлюхой»!

— Откуда ты...

— Я сама так делала! — зашипела Аксум. В ее глазах закипали слезы. Неожиданно она схватила Инаэро за руку и прижалась к нему всем телом. Он почувствовал, что она дрожит. — Мне страшно! Если Ватар меня схватит, он не простит! Я не знаю, что он со мной сделает, но у него нет сердца! И я видела, что он делает с другими...

— Он тебя не схватит, — сказал Инаэро, стараясь придать своему голосу уверенность, которой вовсе не испытывал. — Доверься мне. Я — бедный неудачник, но ты многому меня научила. Мой план очень прост и обладает завидными рабскими достоинствами — он... только не смейся, Аксум... он подлый.

— Подлый? — Она недоверчиво улыбнулась.

Инаэро закивал:

— Вот именно.

Аксум лишь слегка отодвинулась от своего товарища.

— Идем. И ничего я не боюсь, не надейся.

Сколько бы лет ни прошло после этого ночного бегства, никогда Инаэро не забудет ни безлунной тьмы над Хоарезмом, ни шороха быстрых босых ножек идущей рядом девочки, ни крепкой горячей ладошки, доверчиво просунутой в его ладонь.

Он и сам не знал, как относиться к Аксум. В сердце юноши по-прежнему жила прекрасная Татинь, с ее нежным лицом, ленивой улыбкой, легкими быстрыми движениями рук. Татинь была создана для любви, для шелковых покрывал, для мягкой постели. А Аксум — дитя, Аксум — сгусток пламени, искорка таланта, сокровище, которое надлежало любой ценой уберечь от алчных и злых людей.

Аксум — художник. Когда-нибудь она станет великим мастером.

Если доживет.

И Инаэро вдруг понял: не имеет никакого значения, достигнет ли он в своей жалкой жизни своего собственного, маленького личного счастья. Не это важно. Лишь одно обладает настоящей ценой: спаси Аксум, дать ей возможность вырасти, создать все те шедевры, что таятся сейчас, скрытые, точно в коконе, в этом юном существе.

И когда он понял все это, исчезли и страхи, и неуверенность в себе. Теперь Инаэро знал, ради

чего живет, и это знание придало ему небывалых сил.

Они остановились перед высокими, прочными воротами богатого дома. Уже занимался рассвет. За высокой оградой угадывался сад с павлинами, белыми фазанами, прудом, крытая колоннада с резными деревянными колоннами, расписанными красной, синей и золотой красками, где так приятно в жару пить прохладный чай...

— Это же дом... господина Церингена! — прошептала Аксум.

— Вот именно. И он давно мечтал заполучить тебя, не так ли?

Аксум окинула Инаэро странным взглядом.

— Что ты задумал?

— Доверься мне, — попросил он. — Я скажу, что украл тебя у Ватара, что желаю продать лучшего каллиграфа школы ему, Церингену, ибо просыпал, что он мечтает написать книгу. А таланты господина Церингена таковы, что его книгу должен записывать, несомненно, лучший каллиграф из возможных... То есть — ты.

— Ты хочешь меня продать? — Аксум побледнела, как смерть, на ее щеках мгновенно расцвели пятна болезненного румянца. — Ради этого ты и уговорил меня бежать? Может быть, для того ты и придумал всю эту историю — ну, что Ватар, мол, собирается меня придушить?

Она схватила Инаэро за ворот и принялась трясти.

— Говори! Отвечай! Подлец! Вор! Знаешь, что? Знаешь, что я с тобой сделаю? Я сама тебя выдам

властям! Скажу, что ты выкрад мена насильно, что ты... ты вор, ты работоговец!

— Тише ты, тише!.. — Инаэро осторожно высвобождался из крепких маленьких рук девочки, но она снова и снова хватала его за одежду, тряслася, молотила кулачками, щипала, захватывая кожу ногтями. — Аксум, тише! Послушай меня!

Наконец ему удалось схватить ее за плечи и слегка отодвинуть. В розоватом свете зари ее лицо казалось белее фарфора, узкие глаза расширились и почернели, из них глядело черное отчаяние ночи.

— Ты хочешь меня продать! — повторила она. — Вот что ты задумал!

— Аксум, выслушай меня, — сказал Инаэро, стараясь придать своему голосу твердость. — Ты для меня — великий мастер, учитель, из тебя со временем вырастет непревзойденный художник...

— Со временем? — кривя губы, переспросила она. — По-твоему, сейчас я еще не художник?

Инаэро нашел в себе мужество кивнуть:

— Ты, несомненно, одаренный художник, но пока что у тебя связаны руки... Когда ты начнешь работать на собственные идеи, когда ты перестанешь копировать скучные документы или записывать чужие любовные бредни — вот тогда твой дар расцветет по-настоящему...

— Ты хочешь меня продать! — сказала она в третий раз и скжала губы. — Нельзя было доверяться свободному. Все вы — подлецы, всем вам только одного и надо...

— Нет! — быстро отозвался Инаэро. — Выслу-

шай и пойми. Церинген мечтает создать книгу — кажется, «Назидание в любви» или что-то в том же роде. Я как-то раз слышал, что он выпрашивает тебя у Ватара, а тот отказывал. Говорил — мол, не время, мол, она нужна нам для других дел. Я скажу, что выкрад тебя для него. Он заплатит немалую сумму — эти деньги мы добавим к тем, что ты уже собрала. Я отдаю тебе все, до последнего гроша, клянусь! Не думай обо мне плохо, Аксум.

Она хмуро молчала. Уголки ее рта подрагивали, ноздри слегка раздувались.

— Все равно, мне трудно тебе поверить.

— Слушай дальше. Церинген ни за что не выдаст тебя Ватару. Он будет прятать тебя, как самое драгоценное сокровище, — во всяком случае, до тех пор, пока сочиняет свою книгу.

Она медленно кивнула:

— Пожалуй, ты прав.

— Подумай, — горячо продолжал Инаэро, снова беря ее за руку, — подумай, какое убежище лучше этого? И к тому же, ты сможешь увеличить свои сбережения.

— А ты? — спросила она вдруг.

Инаэро не ожидал этого вопроса и отпрянул:

— Что — я?

— Где будешь прятаться ты?

— А я не буду прятаться. Я вернусь в школу. В конце концов, я не обязан отчитываться перед Ватаром в том, где провел ночь. В крайнем случае скажу, что был у женщины. Мне-то это не возбраняется.

Аксум наконец расслабилась и тихонько вздохнула.

— Прости, если я обидела тебя. Твой план исключительно хороший. Просто...

— Просто что?

— Просто вся моя жизнь научила меня не доверять свободным людям.

* * *

Господин Церинген был поражен. Господин Церинген велел немедленно доставить к нему обоих беглецов. Господин Церинген принял их, полулежа на шелковых подушках у себя в саду, в окружении павлинов, бабочек и цветов. Вокруг небольшого пруда, где плавали лилии, были расположены крошечные чашечки, толстостенные чайники, сохраняющие надлежащую температуру жидкости при любой погоде, кувшины с прохладительными напитками, вазочки с фруктами, изящные тарелочки со сладостями и тонкие кружевные салфетки для обтирания уст и перстов.

Полуголый чернокожий слуга с бесстрастным лицом и кольцом в носу ввел стучавшихся у ворот и тотчас скромно удалился.

Господин Церинген, обмахиваясь веером, взирался на пришельцев. Оба выглядели не лучшим образом — после тревог бессонной ночи Инаэро был страшно бледен, а на скулах Аксум горели пятна.

— Ну-с, любезные мои, — проговорил Церинген своим тонким голосом, — я внимательно слу-

шаю вас. Какое дело привело вас... э-э... в сию скромную обитель отшельника и анархо... то есть, анахорета?

Инаэро старательно поклонился:

— Господин! — произнес он, стараясь, чтобы голос его звучал как можно подобострастнее. — Долг каждого просвещенного человека — угадывать тонкую и деликатную душу, приверженную высокому искусству, в другом человеке.

Церинген томно улыбался:

— Нетрудно почувствовать изящное тому, кто сам изящен, — молвил он и, протянув руку, взял из вазочки гроздь полупрозрачного синего винограда. — Прелестная речь! Продолжай.

— При первом же взгляде на тебя, о господин, я ощущал, насколько выше, насколько изящнее — если можно так выразиться — твое мировоззрение, особенно по сравнению с мировоззрением всех этих лавочников, для которых мы переписываем документы.

— Очень верное и глубокое замечание! — согласился Церинген, обсасывая косточку виноградинки.

— Уяснив для себя все это, — продолжал Инаэро, изгибаясь в очередном поклоне (который, как он надеялся, выглядел достаточно изящным), — я спросил себя: по какому праву мой многочтимый работодатель, господин Ватар, отказывает этому поклоннику искусства — то есть, тебе, мой господин! — в услугах лучшего каллиграфа школы?

— Это было жестоко! — согласился Церин-

ген. — Он причинил мне немалую боль этим отказом.

Лицо Инаэро исказилось, словно бы его пронзила невидимая молния сострадания.

— Да! Я так и понял! Столь ранимая душа не могла не быть болезненно задета подобной бесчувственностью!

— А-ах! — вздохнул всей грудью господин Церинген и откинулся на подушках. — Наслаждение слушать тебя, друг мой.

— Итак, я решил исправить ошибку своего работодателя.

Церинген слегка приподнялся на локте и не без любопытства уставился на Инаэро.

— Как ты его назвал? Работодателем? Ты сам разве не невольник господина Ватара, а, лукавец?

— О нет! Я вольнонаемный служитель, и могу уйти в любой момент, когда захочу. Никто, кроме богов, не властен над моей судьбой. Но вот эта девица, каллиграф...

— О, девица!.. Ей будет любопытно работать у меня, чрезвычайно любопытно! — Церинген прищурился, и Аксум вздрогнула от отвращения, однако тотчас напустила на себя безразличный вид. — Я многое знаю о девицах и собираюсь поведать всему миру о моих открытиях... сладостных, превосходных открытиях!

— Я буду откровенен с тобой, мой господин, — сказал Инаэро, желая как можно скорее покончить с этой комедией. — Я украл эту девушку ради вас. Я знал, что ты мечтаешь заполучить ее. Я знаю также, что нельзя наносить твоему чувстви-

тельному сердцу столь ужасные раны, отказывая тебе в твоих желаниях. Вот единственное объяснение моего поступка! Эта девушка принадлежит тебе... за небольшую цену.

— Она бесцenna! — вскричал Церинген. — Я видел ее работы и говорю тебе: она бесцenna!

— Все-таки я хотел бы получить за свою небольшую услугу хотя бы символическую плату, — настойчиво повторил Инаэро.

И заломил цену, за которую можно было бы купить двух дюжих парней, способных выдержать год на каменоломнях.

Красные пятна на скулах Аксум горели все ярче.

Ее не в первый раз продавали и покупали, почти всегда торгуясь в ее присутствии. Она еще не была взрослой, но знала и то, что девушки обычно при продаже раздеваются, ощупывают и оценивают, точно кобыл. Когда-нибудь это предстояло бы и ей... если только она не сумеет освободиться раньше.

А Инаэро — ее бестолковый ученик, ее сотоварищ по школе — довольно бойко вошел в роль. Аксум не знала, сумеет ли позабыть об этом — потом, когда все кончится. Если, конечно, это закончится так, как они планировали. Теперь она снова не была уверена в своем друге.

Что касается Инаэро, то он велел себе забыть, о ком идет речь, и торговаться так, словно опять работает приказчиком в лавке и продает штуку голубого шелка... первосортный кхитайский товар, мой господин, первосортный! Посмотри, ка-

кое качество, какие прочные нити, какая великолепная окраска!

Сошлись на цене вдвое меньшей, но все равно немалой. Принесли деньги. Инаэро тщательно пересчитал их — он хотел, чтобы Аксум видела, сколько золотых монет он кладет в кошель. Аксум неподвижно смотрела на своего нового хозяина. Вспоминала, как Инаэро уговаривал ее согласиться на эту сделку.

«И тебе не следует его опасаться, — добавил юноша, — в городе поговаривают, что господин Церинген — кастрат. Теперь он разве что вспоминать способен о своих подвигах с женщинами...»

Наконец деньги отсчитаны. Инаэро спрятал кошель под одежду, украдкой глянул на Аксум в последний раз и, разлюбезнейше простиившись с господином Церингеном, покинул богатую усадьбу. Он возвращался в школу.

Аксум осталась одна.

Она так и стояла в полной неподвижности, точно статуя, пока господин Церинген о чем-то размышлял, причмокивал губами, посмеивался сам с собою и вяло жевал фрукты. Наконец он, не глядя, щелкнул пальцами.

Девочка подошла и опустилась рядом на колени.

— Как тебя... э-э... зовут?

Она с хорошо скрываемым отвращением смотрела, как шевелятся его губы.

— Мое имя Аксум, господин, — ответила она негромко, четко проговаривая каждое слово.

— Э... хорошо, хорошо... Хочешь... э-э... фруктов, чаю?

— Я бы выпила чаю, господин, и съела яблоко.

— Э-хе, хе! Какая смышленая девочка! Чай и яблоко? Ну хорошо, возьми себе чаю и яблоко.

Аксум налила себе в маленькую чашку немногого горячего чаю и взяла красное яблоко. Господин Церинген следил за ней задумчиво и несколько сонно.

— А ты пребойкая девица, э? — обратился он к новой рабыне.

— Я стараюсь быть скромной, незаметной и всегда угождать хозяевам, — ответила она невозмутимо.

— Очень правильно, чрезвычайно разумно! — Церинген почмокал губами. — Знаешь ли, Аксум, я буду держать тебя здесь... э-э... скрытно от всех.

— Да, — сказала она.

— Знаешь? — Господин Церинген выглядел удивленным.

— Да, господин, — повторила Аксум. — Мне сказали об этом заранее.

— Как он похитил тебя? — жадно спросил Церинген. — Засунул головой в мешок? Оглушил? Он душил тебя, бил? Он тебя заставил?

Она покачала головой.

— Этот молодой человек, господин, и сам обладает чувством изящного. Он понял, что я — как художник и каллиграф, и ты — как тонкий знаток и ценитель жизни и ее удовольствий, — мы должны быть вместе. Я обязана помочь вам

создать ваш шедевр. Это — мой долг перед людьми и богами.

— О, все еще превосходнее, чем я предполагал! Возьми еще... э-э... возьми виноград, дитя мое. Как тебя... э-э... зовут?

— Аксум, господин.

— Отлично, превосходно, Аксум. И никому ни слова. Тебя поместят в отдаленные покои. Петь — воспрещается. За пение буду сечь, поняла? Я очень люблю... э-э... сечь юных девушек.

— Я не стану петь, — спокойно сказала Аксум.

— Из покоев не выходит. Тебе принесут туда все, что пожелаешь. Птичек, игрушки... Подушки... рабынь с опахалами...

— Господин очень добр, — ледяным тоном произнесла Аксум.

Церинген хлопнул в ладоши и тонко крикнул:

— Медха! Медха!

Словно бы из-под земли вырос чернокожий слуга. Его красивое тело лоснилось от масла и пота, большие глаза глядели ласково и тихо, словно у крупного жвачного животного.

— Медха, отведи ее в... э-э... Покои Лотосового Уединения. Пусть ее умоют и все такое... Аромат... э-э... пожалуй, амбра... и немного розы, такой... э-э... легкой... чайной розы... Цвета розовый и желтый. Шелк, только шелк! Умоляю, никакого бархата! Легкость, легкость и юность!

Слуга слушал, кротко помаргивая пушистыми ресницами, что еще больше усиливало его сходство с волом или старой спокойной лошадью.

— Да-а... юность, — продолжал господин Це-

ринген. — Пергамент, чернила трех цветов, перья — какие захочет... Она, я думаю, объяснит... Кормить только мясом и фруктами, сладостями и чаем. Никаких лепешек! От лепешек она растолстеет. У нее... э-э... — Тут господин Церинген поманил Аксум пальцем и, когда та приблизилась, хозяйски обхватил ладонями ее талию. — Да, у нее плотное сложение... А мне нужна юношеская хрупкость... Сладостей поменьше. Питья — тоже.

— Идем. — Слуга крепко взял Аксум за плечо и повел ее в дом. Девочка послушно следовала за ним. Для нее теперь начиналась новая жизнь, и уже в который раз приходилось приучаться к порядкам, царящим в новом доме.

* * *

Аксум была некрасива. Кем были ее родители — этого она и сама не ведала. Когда она думала о своих предках, то представлялся ей караул-сарай где-нибудь на широкой дороге, где заночевали люди из самых разных краев, люди, которых недобрая судьба загнала под этот убогий кров.

Однако талант рисовальщицы, подобно поцелую богини, запечатлелся на ее полудетском узеньком лице, навсегда озарив его тайным светом.

И поэтому люди, наделенные двойным зрением и умеющие прозревать за внешним — внутреннее, сказали бы, что Аксум прекрасна.

Неправильность черт лица обезопасила ее, по крайней мере, на время отрочества, от домогательств похотливых работорговцев, перекупщиков и господ.

Не трогали ее и домоправители, предпочитая податливых служанок с роскошным телом. А Аксум — не то мальчик, не то девочка, со скверным характером, с испачканными в чернилах пальцами — жила одиноко, обособленно, ни с кем из слуг не сходясь и даже не разговаривая.

Изредка к ней заходил Мехда — от женской прислуги она решительно отказалась — и выслушивал пожелания на день: сегодня немного телятины, только не жареной, а вареной, приправ побольше, из питья — жасминовый чай, из фруктов — красные и зеленые яблоки, виноград, персики. Благовоний не нужно, а вот новый гребешок — требуется. Черепаховые и костяные гребешки часто ломались в густых непокорных волосах Аксум, и Мехда что ни день, то приносил ей новый.

Иногда она просила цветов, подбирая их под свое настроение: белых лилий, желтых или красных роз. И требовала, требовала писчих принадлежностей: новые чернила, новые палочки, плотный шелк, пергамент, восковые таблички. Целыми днями, закрывшись в комнате, занавесив единственное оконце прозрачным белым шелком, от которого комнату заливал молочный свет, она занималась своим делом: рисовала, рисовала, без устали рисовала — цветы, фрукты, вазы, смятые шелковые подушки.

Мехда относился к новой рабыне с молчаливым почтением. Ему нравилось, как она держится. Вся жизнь этой девочки была подчинена одному: совершенствованию в своем искусстве. Ей были неинтересны сплетни и слухи, она сторонилась женщин. Как-то раз, не раздумывая, дала пощечину какой-то чумазой девице из кухни, которая заглянула к ней в покой и начала тарахтеть о нравах и обычаях хозяина этого дома.

Однажды Аксум попросила Мехду задержаться.

— Сядь, — повелела девочка, указывая негру на подушки.

Слуга осторожно поставил поднос с яствами на пол и выполнил приказание.

— Ты будешь сидеть неподвижно. Постарайся не моргать, — приказала Аксум.

Шуряясь и покусывая палочку, она принялась разглядывать слугу, затем быстро, несколькими уверенными штрихами набросала его портрет. Вышло на удивление похоже: глуповатый и вместе с тем внимательный взгляд, широкие губы, мягкие черты. Но в этой зарисовке было еще кое-что: девочка сумела передать свое отношение к этому человеку, недалекому, послушному, всегда погруженному в чужие заботы.

— Посмотри, — сказала она, показывая ему рисунок.

Мехда покорно глянул и вдруг застыл.

— Это лицо! — сказал он испуганно.

— Это твое лицо! — торжествующим тоном добавила Аксум и сунула ему под нос зеркало. — Сравни!

Мехда посмотрел в зеркало. На рисунок. Опять в зеркало. Его лоб покрылся испариной, щеки посерели.

— Что с тобой? — удивилась Аксум. — Тебе не нравится моя работа?

Слуга упал на колени.

— Отдай мне, сожги! — пробормотал он. — Ты украла мою душу!

— Я просто нарисовала твое лицо! — рассердилась Аксум, проворно убирая руку с рисунком. — Зачем ты говоришь разные глупости? Украдь душу могут только злые духи, а я — такая же рабыня, как и ты!

— Ты великая госпожа! — убежденно сказал вдруг Мехда. — Я вижу, как с тобой обращаются. Я и сам с тобой обращаюсь как с великой госпожой!

Аксум грустно покачала головой.

— Ты ошибаешься. Меня купили, точно так же, как и тебя.

— У тебя есть боги, — упрямо повторил Мехда, — они водят тебя за руку. На каждом твоем пальце сидит по чудесному духу. Я их видел!

— Когда?

Аксум вдруг почувствовала себя нехорошо. Как она ни храбрилась, а злые духи существуют на самом деле и шутить с ними не следует. Она провела рукой по поясу, и верные бубенцы зазвенели в ответ.

— Я видел духов! — еще раз сказал Мехда, все еще стоя на коленях. — Когда ты рисуешь, когда пишешь, то на каждом твоем пальце — маленький дух!

— Откуда они берутся? — настойчиво спросила Аксум. — Ну, говори же! Из-под земли? Или сверху?

— Они — в тебе, они берутся... из тебя! — ответил слуга. — Ты — великая госпожа!

— Какие они?

Аксум вытянула руки, растопырив пальцы. Она не носила колец на руках и не признавала браслетов — украшения мешали ей работать.

Чернокожий начал перечислять, боязливо касаясь каждого из десяти тонких девчоночных пальчиков:

— В больших пальцах живут веселые пузатые старички, лысые, с большими широкими носами. Эти старички, как и пальцы, должно быть, братья. У того, что живет в правой руке, — длинная борода, а у того, что в левой, — только усы, а бороды нет. Указательные пальцы — юные воины в островерхих шлемах, у них мечи и копья. Средние пальцы — полнотелые женщины, у каждой — по десятку юбок, по сотне ожерелей, на волосах богатый убор, расшитый жемчугом, в руках — горшок с жирной кашей. Безымянные пальцы — брат и сестра, мальчик и девочка лет десяти, озорные и веселые, в красивой одежде, они всегда смеются. А мизинцы — прекрасные младенцы, улыбающиеся во сне. Вот таковы твои десять духов, госпожа, и я не лгу!

Аксум закрыла лицо руками.

— Ты испугал меня, Мехда! — сказала она глохно. — Неужели все это правда? Почему же я никогда их не видела?

Слуга медленно покачал головой:

— Не мое это дело — видеть духов, на это есть ясновидцы, но ты, госпожа, полна света. Не видеть этого может только слепой!

— Неужто все люди слепы?

— Не все! — убежденно сказал негр. — Тот, что привел тебя сюда, — он не слеп! И наш господин, Церинген, — он тоже видит. Он несчастен, но добр...

— Добр? — оскалилась девочка. — А тебе известно, как он издевался над своими наложницами? Ты знаешь, какую страшную жизнь вели эти женщины, эти бесправные рабыни, которые были в его власти?

— Но ведь и они страшно поступили с ним, госпожа!

— По заслугам, — фыркнула девочка.

— Не говори так, — слуга тряся от страха, — не следует так говорить! Люди жестоки друг с другом, но наш господин — он теперь добр. Он добр к тебе и ценит твой дар.

— Это правда, — смягчилась Аксум. — Встань наконец с колен! Меня это раздражает.

Мехда, помедлив, поднялся.

— Ты отдашь мне рисунок? — спросил он.

— Забери, — она махнула рукой. — Не показывай никому, пожалуй. Думаю, ты прав — люди увидят в этом опасность.

Мехда спрятал рисунок под одеждой на груди и вдруг радостно улыбнулся, сверкнув зубами.

— Ну вот, теперь моя душа снова на месте!

Глава тринадцатая

Разоблачение Инаэро

Батар был в ярости. Ярость хозяина каллиграфической школы выражалась в том, что он медленно рвал пергамент. Крепкий материал не желал поддаваться пальцам, но Батар терзал его, дергал, грыз зубами и в конце концов с треском отдирал полоску. Писцы школы сидели на полу, скрестив ноги, и как завороженные наблюдали за этим. Лицо их хозяина оставалось внешне спокойным, оно как будто застыло, окаменело в гневе. Глаза ничего не выражали, кроме сосредоточенности на бесполезном и жутком занятии.

Это длилось уже несколько часов. Никто не смел пошевелиться. Двое личных слуг Батара, которых в обычные дни никто не видел, — верзильы-кушиты с огромными жирными животами и столбообразными ногами — вымачивали в чанах розги.

Наконец Ватар отложил в сторону истерзанный кусок пергамента, очень аккуратно разгладил его ладонью и обратил взоры на подчиненных ему писцов.

— Сегодня утром я узнал, что каллиграф-женщина покинула школу, — проговорил он очень тихо.

Посреди общего безмолвия его сиплый голос прозвучал до крайности отчетливо.

Никто не проронил ни звука.

Ватар продолжал, слегка откашлявшись:

— Аксум бежала! — Неожиданно он побагровел, выкатил глаза и заревел: — Эта маленькая шлюшка удрала! Кто знает, как, куда, каким образом?

Он начал медленно обводить взглядом каждого по очереди. Каллиграфы ежились, отводили глаза, рассматривали свои пальцы, либо, как завороженные, вперяли взор в ледяные глаза хозяина. У одного, самого младшего, из угла рта потекла слюна, как у идиота, другой разрыдался, третий закрыл лицо руками.

«Да, все сходится, — смятенно думал Инаэро, — он страшен не потому, что владеет телами этих людей, как любой рабовладелец. За ним стоит какая-то большее мощная сила. Он может владеть душами... Осталось понять, сумею ли я не подчиниться ему».

Он знал, что может сломаться, и потому призвал на помощь все свои силы, всю свою благодарность Аксум, все свое восхищение этой девочкой. «Боги, только бы не дрогнуть! — думал он,

покусывая губу в ожидании, пока жуткий взгляд Ватара остановится на нем. — Я буду врать, даже если он вырвет мне ногти!»

А потом в его голове прозвучал тихий, насмешливый голос его учительницы: «Дурак! Какой же ты дурак, Инаэро! Ведь ты — свободный. Он будет пытать кого угодно, только не тебя...»

Эта мысль немного подбодрила Инаэро, хотя в самой глубине души он знал: Ватар не остановится перед тем, чтобы разрезать на кусочки свободного человека, если это потребуется ему, Ватару. Тем более — такого свободного человека, как Инаэро, человека без родни, без влиятельных друзей.

И поэтому когда взгляд Ватара замер на ученике Аксум, Инаэро вдруг начал дрожать.

Несколько мгновений потребовалось Ватару, чтобы понять: Инаэро знает, как бежала Аксум.

Он встал. Велел своим слугам:

— Высечь всех — по десяти ударов каждому!

И направился к выходу. Когда Инаэро уже думал, что опасность миновала и что он, как и остальные, отделается десятью ударами, Ватар неожиданно остановился. Обернувшись на пороге, он снова посмотрел Инаэро в глаза и поманил его к себе:

— А ты пойдешь со мной, — проговорил хозяин школы. — Я хочу поговорить с тобой, молодой человек. Ты ведь был ближайшим другом и учеником Аксум, не так ли?

На ватных ногах Инаэро заковылял за Ватаром.

Тот привел его в свои личные покои. В этих комнатах никто из писцов никогда не бывал и о том, что здесь происходит, не решалось разговаривать даже шепотом. Но оказалось — ничего особенного. Ватар жил довольно скромно, довольствуясь самой обычной обстановкой: простой мебелью, недорогими коврами, десятком медных кувшинов, купленных тут же, на Блошином рынке.

— Садись, — велел Инаэро Ватар.

Юноша опустился на ковер, поджал под себя ноги. Ему было холодно, хотя солнце уже встало и начало припекать.

Ватар налил себе воды из кувшина. Вздохнул, на мгновение опустив веки, и Инаэро увидел, что хозяин очень устал.

Глаза Ватара распахнулись.

— Я огорчен, — сказал он. — Впереди у меня долгий день, полный забот и трудов, а вы отняли у меня силы в самом начале этого дня. Это нехорошо, Инаэро. Весьма нехорошо.

Молодой человек промолчал.

— Подай мне шкатулку, — велел Ватар. И показал на небольшую нишу в стене.

Инаэро послушно потянулся к нише, взял с полки маленькую шкатулочку резного дерева и протянул хозяину, но тот не взял ее.

— Открой и посмотри, что там.

Инаэро повиновался. На шелковой подушечке внутри шкатулки, остро пахнущей сandalом, лежали кривые щипцы.

— Что это? — спросил юноша, наполовину догадываясь о назначении инструмента.

— А ты не понял? — Ватар искривил узкие губы. — Это щипцы, которыми ломают пальцы писцам. Хочешь знать, как я стал владельцем каллиграфической школы? Никто ведь не знает, кто я такой! Никто из вас! Признайся, многие ли из вас гадают обо мне?

Инаэро безмолвно кивнул.

— Никто не решается говорить об этом вслух, — добавил он чуть погодя.

Ватар рассмеялся, и Инаэро опять ощутил дрожь.

— Я был каллиграфом, одним из лучших, и служил могущественному человеку. И когда я провинился перед ним, он переломал мне пальцы вот этими щипцами, а потом подарил их мне в драгоценной шкатулке вместе с большой суммой денег. Он велел мне хранить щипцы на память о случившемся и открыть собственную каллиграфическую школу. Он объяснил мне, зачем это нужно.

Ватар пошевелил пальцами. Они были узловатыми, чуть неловкими, но вполне здоровыми. Неожиданно Инаэро представил себе, как Ватар ломает этими щипцами тонкие пальцы Аксум, и слезы градом покатились по щекам юноши. Это произошло так неожиданно, что он даже не сразу заметил, что с ним творится.

Ватар засмеялся.

— Ты меня понял! — сказал он. — Твои руки ничего не стоят, ты бездарность, но больно тебе будет — обещаю.

Инаэро инстинктивно спрятал руки за спину.

— Где она? — спросил Ватар, наклоняясь к нему.
— Кто? — глупо переспросил Инаэро.
— Аксум!
— Я не знаю!

Ватар подумал немного. Инаэро тревожно следил за ним, но по неподвижному лицу хозяина невозможно было прочитать его мысли. Наконец Ватар сказал:

— Закрой шкатулку и убери ее на место. Слушай меня. Ты помнишь, как ходил в дом Эйке? Тебя еще раскрасили под кушита.

Инаэро молча кивнул.

— Ты снова отправишься туда. Будешь следить за ним. Докладывай о каждом его шаге! Я должен разорить его. Ты меня понял? Кроме того, я подозреваю, что он знает, где находится Аксум.

Инаэро едва было не брякнул: «Нет, Эйке ничего не знает! Он тут не при чем!» — но вовремя прикусил язык. Ему даже дурно сделалось: во-первых, он едва не выдал Аксум, а во-вторых, желая спасти девочку, вверг своего бывшего напомателя в новые неприятности.

Теперь Инаэро проклинал себя за решение вернуться в школу каллиграфов. Надо было удирать вместе с Аксум. По крайней мере, избежал бы всех этих страхов. И не пришлось бы шпионить за Эйке.

Но пути назад теперь не было. И Инаэро позволил безмолвным кушитам отвести себя во внутренние покои, где обнаружились служебные помещения — кухня, каморки слуг и лаборатории,

рия, где Ватар занимался составлением различных красящих растворов. Кушиты нанесли на тело юноши черную краску, перевязали ему волосы темно-красным платком, вымазали ему ногти синим, на ладони нанесли охру, как это делают чернокожие слуги в богатых домах; затем облачили в длинные белые одежды и вручили набор для письменных принадлежностей.

Ватар одобрил результат их трудов и велел Инаэро:

— Сегодня Эйке опять потребовался писец. Разумеется, он заплатил за услуги Аксум, но ты вернешь ему часть денег и скажешь, что девушка занята в другом месте. Скажи, что ты — ее ученик. Это будет, в конце концов, правдой! И смотри, чтобы доложил мне обо всем, что узнаешь в этом доме!

И он перевел тусклый взгляд на нишу, где хранилась шкатулочка со щипцами.

* * *

Светлейший Арифин, Венец Ученых, Верховный жрец тайного Ордена Павлина, любил бывать в доме у неофита Церингена. Все там радовало душу и тешило глаз скрытного вершителя многих судеб: и роскошь обстановки, и преданность делу Павлина со стороны новообращенного, и та жажда знаний и обольщений, с которой господин Церинген неизменно встречал Светлейшего Арифина. Тут можно было превосходно проводить время — за чаем лучших сортов, среди

безмолвных прекрасных прислужниц, на шелковых подушках, под звуки еле слышной музыки, звучащей где-то в тени деревьев. Ну и конечно за неспешной беседой о прекрасных очах Павлина.

Всякий раз Арифин рассказывал о новом глазе божества. Например, не далее как четыре дня назад, речь зашла о том павлинием оке, которое надзирает за женской грудью. Ибо и такое имеется в необъятном павлинием хвосте, распостертом на целое небо!

— Неужто? — сладко жмурился Церинген, прихлебывая чай.

— Поверь мне! И не такие еще чудеса и дивные тайны открываются тебе в Павлине! — уверял Арифин. — Давным-давно случилось так, что милостивый Павлин, пролетая над безлюдной пустыней, выронил из хвоста одно перо. Это было совсем малое перышко, но оно, как и все, что имеет касательство до Павлина, было преисполнено глаз и мудрости. Перо медленно парило в воздухе и наконец коснулось земли. Едва это произошло, как из пера родилась прекраснейшая женщина на земле. И вместе с нею родилось ее имя — Соэн, и ее жилище, которое снаружи выглядело как скромная хижина, но внутри было убрано богатыми коврами, резной деревянной мебелью, картинами, посудой, словом, всем необходимым для жизни. И все эти вещи являли собою образец изящества и совершенства формы. Все тело Соэн исполнено глаз: глаза на пальцах вместо ногтей, глаза на груди вместо сосков, глаз на животе вместо пупка... и так далее.

— Поразительно! — шептал Церинген. — И я смогу увидеть ее? То есть, я хочу сказать... Видишь ли, Венец Ученых, учитель мой, в прежние времена я... был большим ценителем женской красоты, но в силу некоторых... э-э... известных тебе прискорбных обстоятельств... э-э... но я не перестал ценить красоту женского тела! В конце концов, мое преклонение перед прекрасным всегда было делом моим... э-э... души! Ибо наслаждения... э... телесные, так сказать, плотские, осязаемые... недоступные в силу ряда обстоя... впрочем, об этом не следует говорить... Нет ничего выше обожания глазами! Глазами! Красоту надлежит впитывать взглядом!

— Я вижу, наши беседы не пропадают втуне, дитя мое, — ласково улыбался Арифин. — Ты верно понимаешь суть учения. Зримое надлежит обожать с помощью зрения, а подлежащее осязанию — с помощью рук и языка. Впрочем, ни руки, ни язык не являются объектом поклонения Павлина. Внутреннее совершенство и лишь оно дает человеку наивысшее счастье!

— О, как это верно!.. — бормотал Церинген, чувствуя себя потрясенным.

Соэн! Исполненная глаз красавица — вот что заполоняло мысли Церингена все дни, протекшие после этой приснопамятной беседы.

Господина Церингена крепко занимал также один вопрос: известно ли Светлейшему Арифину о некоей ценной рабыне, которую укради и тайно продали в некий дом за немаленькую цену? Знает ли что-нибудь Орден об Аксум, которая

скрытно живет в доме господина Церингена и создает книгу воспоминаний и размышлений своего нового тайного хозяина? Эта мысль подчас мучила Церингена, заставляла его просыпаться в холодном поту. А вдруг Павлин знает и об этом? Если хотя бы одно его недреманное око время от времени заглядывает в дом Церингена...

Аксум отнюдь не тосковала, когда ее запирали одну в комнате, не жаждала вырваться под открытое небо. Ей не было тесно наедине с ее искусством. Кроме того, она умела терпеливо выжидать своего часа. А до поры — пользоваться теми благами, которые предоставляла в ее распоряжение судьба.

Девочка переводила огромное количество чернил, пергамента, воска наилучших сортов. Каждый день ей требовались две-три новых дощечки — прежние она процаранывала до полной невозможности употреблять их снова. Наброски, рисунки, образцы новых шрифтов, виньетки, узоры — все это рождалось в ее голове и тотчас переносилось на шелк и пергамент.

Господин Церинген присыпал за ней раба каждый день. Аксум привычно собирала писарскую сумку: дощечки и палочки для черновиков, переписанные набело листы — работу предыдущего дня, и шла следом за Мехдой в господские покои. Чаще всего Церинген диктовал, развалившись у себя в опочивальне. Он потягивал разведенное

вино, вдыхал аромат курильницы и полусонно обмахивался веером.

Аксум усаживалась за особым низким столиком прямо на пол, поджав ноги, расставляла свои письменные приборы и раскладывала дощечки.

— Удобно ли тебе, моя... э-э... девочка? — сладко тянулся господин Церинген.

— Вполне. Благодарю тебя, господин, — отвечала Аксум бесстрастно.

— Какое милое, неиспорченное и работящее дитя! — умилялся Церинген.

Он затеял с юной помощницей изощренную игру. После того, как господин Церинген пал жертвой мести беспощадных женщин, которые лишили его самого драгоценного достояния мужчины, прежние радости сделались для него недоступны. Однако старый сластолюбец не мог отказаться от чувственных наслаждений. Он окружил себя еще большей роскошью, чем прежде, наводнил дом полуобнаженными служанками и красивыми молодыми рабами. Господин Церинген мог часами следить за медленными, тягучими танцами девушек, одетых в прозрачные шелка, и теребить при этом мягкие подушки.

Аксум доставляла ему удовольствие иного рода. Сама по себе девчонка не представляла интереса — худая и черствая, как сухарь черного хлеба (пища, которую господин Церинген никогда не вкушал — за всю свою жизнь!). Но она была юной, чистой, нетронутой; ее сознания ни разу, кажется, не касалась мысль о близости с мужчи-

ной. И вот этому-то нераспущившемуся цветку господин Церинген рассказывал все свои тайные измышления, все истории его отношений с женщинами. Он погружал ее мысль то в пучину безудержного разврата с пышнотелыми красотками, готовыми удовлетворять мужчину без конца, то в бездны жестоких игр со строптивыми девственницами. Он вновь переживал те давние, острые ощущения: упругую плоть под руками, красные полосы, оставленные плетью на атласной коже, крики боли и стоны сладострастия... Увы, все это в прошлом! Проклятая гирканка со своим чернокожим прихвостнем! Гнусная, незаконная, кровная родня бездельника и болвана Эйке!

Повествуя обо всех этих приключениях, разворачивавшихся в спальне, среди смятых шелковых покрывал, господин Церинген зорко следил за Аксум: не появится ли румянец на ее бледном, матово-смуглом лице, не блеснут ли украдкой глаза, не облизывает ли она губы, не сжимает ли украдкой колени, словно пытаясь утаить спрятанный между бедер жар?

Но ничего подобного, к великому разочарованию Церингена, не происходило. На лице Аксум — лице писца, привыкшего запечатлевать чужие тайны на бумагу, — не отражалось решительно никаких чувств. Словно не из плоти эта девушка создана, словно не жжет ее по ночам мысль о грядущем возлюбленном!

А Аксум действительно ничего не чувствовала. И чем больше старался господин Церинген

распалить ее воображение, тем смешнее ей становилось: он как будто стремился ее испугать! Испугать! Это ее-то, Аксум, которая в свои отроческие годы уже прошла огонь, воду и медные трубы! И она вела свою собственную игру, не менее увлекательную: сидела перед Церингеном, как каменная, и только палочка мелькала в ее ловких пальцах. Церинген постанывал, мычал, подбирая слова, потягивался на постели, изгибался всем телом, ломался, разглядывал свои холеные ногти. Аксум же рядом с ним выглядела почти неживой.

Она создавала шрифты и узоры. До содержания текста ей не было никакого дела.

— Ты не устала, дитя мое? — неожиданно оборвал себя на полуслове господин Церинген.

— Нет, господин, — спокойно отозвалась Аксум. — Я готова продолжать, сколько тебе будет угодно.

— Ах, — господин Церинген устроился поудобнее и уронил на пол подушку. — А я что-то чувствую себя утомленным... Покажи мне, как ты переписала вчерашнее.

Аксум поднялась на ноги одним гибким движением, взяла листы, украшенные по полям причудливыми виньетками — здесь были цветы, листья, вазы, сплетающийся невероятным узором дымок, исходящий из курильницы (сама курильница в виде полупутицы-полуженщины с приоткрытым ртом была изображена в самом низу листа).

— О, это превосходно, превосходно, — забор-

мотал господин Церинген, разглядывая работу Аксум. — Ты настоящий клад, дитя мое. Настоящий... э... колодезь... И когда работа будет закончена, я... э-э... позабочусь о тебе.

Аксум слегка приподняла бровь. Господин Церинген рассмеялся, похлопал ее по руке:

— Такая девушка, как ты, стоит очень дорого, поверь мне. Я отдаю тебя в хорошие руки.

— Я вполне счастлива жизнью в этом доме, господин, — равнодушно произнесла Аксум.

— В этом доме, увы, оставаться слишком опасно. Ты — краденая собственность, не забывай об этом. Рано или поздно прежний владелец сумеет выследить тебя, и тогда... — Он невольно содрогнулся при одной только мысли об этом. — Тогда... э-э... нам несдобровать. Обоим, понимаешь?

Он многозначительно улыбнулся.

— Не думаю, чтобы такую ценную рабыню, как я, подвергли суровому наказанию за чужой проступок, — ледяным тоном произнесла Аксум. — Впрочем, мое дело — угоддать тебе, господин.

— Хочешь фруктов? — спросил Церинген. — Или чаю?

— Я бы выпила немного чаю, — согласилась Аксум.

— Тогда налей себе сама. — Церинген слабо махнул рукой в сторону толстостенного чайника, где напиток долгое время сохранялся горячим.

Аксум так и поступила. С маленькой тонкой чашкой в руке она уселась на прежнее свое место. Церинген еще раз пересмотрел переписан-

ные ею листы, с особенным вниманием глядываясь в рисунки.

Девочка тем временем спокойно прихлебывала свой чай и отдыхала. Ей было немного жарко в этой комнате, где все, казалось, задыхалось от покрывал, ширмочек, подушечек, пряностей, благовоний, цветов...

Неожиданно господин Церинген спросил:

— Скажи мне, дитя, приходилось ли тебе изображать... э-э... живых людей?

— Случалось, — тотчас ответила Аксум с полной искренностью.

Она знала, какое впечатление производит ее детская честность на хозяев...

Разумеется, Аксум было известно, что изображения человеческих лиц в Хоарезме, мягко говоря, не приветствуются, однако лгать Церингену в подобных мелочах она вовсе не собиралась. Пусть он кастрат, как болтают слуги, но высечь лживую рабыню вполне под силу и кастрату. А это было последнее, чего хотелось бы Аксум. Напротив, она желала установить с хозяином возможно более дружеские отношения.

— Превосходно... э... превосходно, — пробормотал Церинген. Он решительно отложил листы в сторону и спросил напрямик: — Не могла бы ты нарисовать для меня изображение женщины, о которой я тебе сейчас расскажу?

— Для своего благодетеля я готова сделать что угодно, — бестрепетно ответила Аксум.

К ее удивлению, глаза Церингена увлажнились.

— Я не ошибся в тебе, дитя! Ты не только одарена богатым... э-э... талантом, у тебя еще и доброе сердце!

«У меня злое, лживое сердце рабыни, — подумала девочка, — только ты об этом знать не должен.»

На ее лице не дрогнул ни единый мускул.

— Благодарю за добрые слова, господин.

— Слушай... Эта женщина — невероятной красоты. Представь себе, перо Павлина...

— Перо?

— Да, Павлина, — нетерпеливо махнул рукой господин Церинген. — Не перебивай! Мировой, Вселенский Павлин — понимаешь? Он раскрывает свой хвост на все небо, глазки на его перьях — это звезды, которые обозревают все происходящее на земле...

Тут он прикусил язык, сообразив, что разболтал девочонке одну из первых тайн, открываемых Сокровенному Адепту Ордена Павлина.

Но Аксум глядела на него так внимательно и спокойно, что Церинген внезапно ощущил в душе странную тишину. В самом деле, чего он боится? Это дитя знает столько секретов своих прежних заказчиков — и ни одной, кажется, не выдало. Ей можно доверять, подумал он. И объяснил:

— То, что я рассказываю тебе теперь, — величайшая тайна.

— Я поняла, — сказала Аксум.

— Милое дитя! — Церинген сунул себе в рот виноградину и с умильным видом пососал ее. — Слушай же меня. Одно перо Павлина упало на

землю — ты должна понять, сколь красиво это перо было!

Аксум кивнула.

— О, это прекрасное перо! Оно превратилось в женщину. В удивительную женщину, чье тело исполнено глаз. Везде, где выступ или сгиб — например, локоть или сосок груди — там глаз, ясно тебе?

— Как день, — сказала Аксум.

Церинген обтер влажные губы платком.

— Женщина должна быть женщиной и в то же самое время напоминать птичье перо, понимаешь? Нарисуй мне ее! С тех пор, как я узнал о ее существовании, она не дает мне покоя! Мне теперь довольно будет одного лишь созерцания красоты. Я даже не стремлюсь ею обладать!

— Скромность, воздержанность и изящный вкус — вот что всегда отличало моего господина, — подтвердила Аксум, тщательно скрывая издевку за бесстрастной миной. — Это стоит за каждой строкой твоих сочинений, господин, за каждым твоим жестом и распоряжением.

— Ты действительно так считаешь? — Церинген развел руками и обрадовался, как ребенок.

Аксум едва не рассмеялась ему в лицо. Однако усилием воли она сумела сохранить серьезный вид и только кивнула.

— Создай для меня этот рисунок, дитя! — жарко попросил господин Церинген. Он откинулся на подушки, чувствуя себя совершенно обессиленным. — А теперь оставь меня, я утомлен.

— Беседа была волнительной, — согласилась девочка, собирая свои чернильницы и перья.

* * *

Ватар покрывался холодным потом при мысли о том, что скажет Арифин, когда узнает о пропаже. Лучший каллиграф школы, девчонка, которая знала слишком много и которую должны были убрать через несколько дней! Боги, это почти провал...

Разумеется, Инаэро может и не знать, где прячется Аксум. Насколько Ватар знал юную мастерицу, она всегда держалась особняком и ни с кем не заводила тесных отношений, хотя в детском возрасте это выглядело противоестественным. Впрочем, она была единственной девочкой среди мальчишек — возможно, этим отчасти объясняется ее нелюдимость.

Кроме того, Аксум всегда была высокомерной и очень хорошо знала себе цену. Даже слишком хорошо.

Да, не исключено, что Инаэро не лжет и действительно ничего о ней не знает.

Теперь предстояло решить проблему с Арифином. В отличие от Церингена, Ватар очень хорошо знал, что Павлин далеко не так всеведущ, как того хотелось бы главе Тайного Ордена. В истинное существование всевидящего божества Ватар, в принципе, не верил. Хорошо поставленная слежка, сбор данных, шпионаж — это да, это реально. Божество? Возможно...

Но не исключено, что как раз в сторону школы каллиграфов ни одно перо этого Павлина обращено не было. И не исключено также, что Арифин и не узнает о бегстве Аксум.

И тогда...

Тогда можно рискнуть и не сообщать об этом. Ведь девчонка, что вероятнее всего, попросту удрала из Хоарезма, прихватив с собой все свои драгоценные умения. Беглая рабыня не станет оставаться там, где ее могут узнать и схватить. Небось, спешит сейчас по дороге вдоль побережья, направляясь куда-нибудь в сторону Аграпура. Там она найдет себе работу, за пару лет скопит достаточно денег, чтобы приобрести дом и открыть собственное дело.

И пусть себе уходит. Лишь бы держала язык за зубами и не проговорилась о планах господина Арифина. Да и то — вряд ли хоарезмийские дела будут волновать владык Аграпура или какого-нибудь другого города, где осидет Аксум.

Да, стоит рискнуть и скрыть случившееся. Иначе Арифин вполне может убрать самого Ватара. Просто в качестве наказания за ужасную оплошность.

Поэтому Арифину было доложено, что Аксум скоропостижно умерла от неизвестной, но не разной болезни (должно быть, врожденный порок сердца или что-то в том же роде). Девчонку закопали в общей могиле, где обыкновенно хоронят рабов. Все проделано тайно, ночью, без свидетелей. Один лишь Павлин созерцал происходящее с небес. Арифин остался сообщением доволен, и

таким образом Ватар временно избежал неприятностей.

Оставалась, правда, возможность, что девчонка все-таки осталась в Хоарезме. Сидит где-нибудь в таверне и переписывает контракты для наемников и любовные записки местных развратников к изнывающим от скуки толстым дочкам местных толстосумов, которых отцы до замужества запирают на женской половине.

И если в один прекрасный день в руки Арифину попадет лист, исписанный слишком хорошо знакомым ему тонким ровным почерком... И если на полях этого листа будут красоваться неповторимые виньетки... Не узнать руку Аксум — невозможно. И Арифин, несомненно, узнает ее.

Но о такой возможности Ватар старался даже не думать.

И Ватар предпринимал некоторые действия — очень осторожные, еле уловимые даже опытным глазом. Например, установил почти постоянную слежку за Инаэро. Инаэро, в свою очередь, также приглядывал за Ватаром и за всеми, кто приходил к распорядителю школы. Наивное выражение лица, репутация дурака и неудачника служили ему великолепным прикрытием.

Однажды он сделал попытку встретиться с прекрасной Татинь. Девушка наотрез отказалась видеть своего бывшего жениха. Доброхоты уже рассказали ей обо всем: и о пропаже шелка из лавки, где распоряжался Инаэро, и о подозрениях Инаэро, и о том, что сам молодой приказчик был с позором уволен... «Сам вор, а на других хо-

чет свалить! — возмущалась девушка. — Слышишь о нем ничего не желаю!»

О своей беде Инаэро не преминул доверительно рассказать Ватару. Тот кивал с понимающим видом:

— Теперь ты видишь... Теперь ты сознаешь, кто твои враги... Этот Эйке разрушил твое счастье — неужели ты допустишь, чтобы он невозбранно наслаждался жизнью?

Инаэро поддакивал, как мог. Его и в самом деле поначалу переполняла горечь... Но постепенно это чувство начинало проходить. Любил ли он прекрасную Татинь так, как ему казалось прежде? Кем она была для Инаэро? Красавицей, желанной и кроткой? «Такие красотки, — бывало, морщила лоб Аксум, — только об одном и мечтают: выйти замуж за толстый кошелек и наплодить как можно больше толстых детей. С появлением первенца у таких портится характер, после третьего ребенка у них портится фигура, а после пятого с ними вообще не о чем разговаривать.»

Инаэро спорил, приводил свои доводы, но Аксум сердилась уже нешуточно: «Поживем — увидим, только бы не было поздно».

И вот теперь Аксум — во власти бессильного разврата Церингена, а Инаэро, потерявший навсегда свою невесту, именно с Аксум связан тайными узами преступления.

«Неудачник ли я?» В сотый раз задавал он себе этот вопрос и не находил на него ответа. В конце концов, он решил, что это не так уж и важно.

А важно было другое: время от времени Инаэро угощал господина Ватара новой историей о своих взаимоотношениях с Татинь и отпрашивался в город — повидаться с невестой, успокоить ее, договориться о новой встрече. Ватар, глядевший на любовные муки Инаэро как на причуду безнадежного болвана, время от времени отпускал того на целую ночь. Поначалу за парнем следили — о чем он, разумеется, знал. Но все донесения были одинаковы: Инаэро бродил, как потерянный, возле дома Татинь, сидел на земле у ее ворот, вздыхал, лохматил на голове волосы, даже плакал, а наутро отправлялся в школу.

В конце концов, господин Ватар распорядился снять слежку. У него не хватало людей.

Выждав еще немногого, Инаэро нанес первый визит Аксум: подкрался к дому Церингена и перебросил в сад связанные вместе палочки для письма. Это были его собственные палочки — Аксум сама дала их новичку, когда он только что прибыл в школу.

Девочка не могла не узнать их. А у остальных обитателей дома они не вызовут никаких подозрений. Там, где Аксум, — там вечно повсюду чернила, заостренные палочки, кисточки, обрывки шелка, мягкие ткани для протирания кистей, бутылочки с красками и так далее, и так далее... Лишь бы эти вещи попали к Аксум. Впрочем, Инаэро надеялся на исполнительность слуг балованного господина: обнаружив в траве палочки, они непременно доставят их девочке. Еще и расскажут, где нашли, и попросят не разбрасывать

свои вещи повсюду — вдруг, мол, господин Церинген уколет ножку...

Именно так и произошло, как надеялся Инаэро. Мехда обнаружил две палочки утром и торжественно доставил их девочке в ее покой. Та еще не вставала с постели — нежилась, подобно своему новому господину, и жевала фрукты.

Завидев негра, она улыбнулась:

— Здравствуй, Мехда! Все еще носишь свою душу под одеждой?

Он ответил ей приветливой улыбкой:

— Ты угадала, прекрасная! — Он похлопал себя по груди широкой черной ладонью. — Только знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты нарисовала мою душу куда более красивой, чем она есть на самом деле.

— Ну уж нет, — возразила девочка и капризно нахмурилась. — Я всегда рисую только правду.

— Ну, а пишешь? Пишишь ты тоже всякую правду?

— Ну, записываю-то я всякое вранье, какое только диктуют мне господа. А чтобы было понятнее, что это вранье, рисую правду — на полях. Правда на моих пергаментах прячется в начертанных мною листьях, цветах, ветках, она таращится из пасти чудовищ, высывается из под юбок красавиц, изливается из нарисованных чаш...

— Ты думаешь, господа диктуют тебе сплошь вранье?

— Видишь ли, Мехда, я не верю, чтобы наш господин вытворял все тё отвратительные вещи,

о которых он рассказывает. Мне думается, он все это сочиняет. Он странный... Смешной.

— О, он добрый, я говорил тебе! — горячо поддержал ее Мехда. — Никогда никого не обижает.

— Поговаривают, будто всех своих прежних рабов он продал в каменоломни, — заметила Аксум. — Чтобы те не болтали о случившемся. Это было уже после того, как его наложницы сбежали, а все евнухи и стражники были перебиты.

— Да, — слегка смущился Мехда, — я тоже слыхал что-то подобное... Все слуги действительно новые... Но он, может быть, переменился.

— Может быть, — согласилась Аксум. — Во всяком случае, он забавный. И придумывает просто замечательно. Не сочинение, а какой-то фантастический сад из переплетенных женских и мужских тел.

— Тебе нравится его сочинение? — спросил Мехда.

— Оно меня удивляет, — призналась Аксум. — Значит, будет удивлять и других. Вот увидишь, наш господин еще прославится.

— От души желаю ему этого! — воскликнул Мехда. — Смотри, прекрасная, что я тебе принес.

Она чуть приподнялась на постели и вытянула шею.

— Цветы?

— Цветы? — озадаченно протянул негр. — Нет, не цветы. Я никогда не приношу тебе цветов без твоего повеления. Кстати, сегодня — какие ты желаешь?

— Жасмин. У меня жасминовое настроение.

— Жасмин вчера был запрещен для тебя из-за слишком резкого запаха. Господин считает, что от жасмина у тебя разболится голова.

— Какой он заботливый... Ну, тогда белые розы.

Мехда кивнул в знак того, что понял, и вытащил из-за пазухи две палочки, которые нашел сегодня утром в саду. Они были еще влажными от росы.

— Ты разбрасываешь свои вещи по саду, прекрасная. Хорошо, что я их нашел прежде, чем кто-нибудь успел пораниться — погляди, какие острые!

— Дай! — Аксум в волнении схватила палочки и быстро осмотрела их. Так и есть! Она не могла не узнать их: здесь спиралевидный узор, а вот тут — следы зубов, это Инаэро как-то раз в задумчивости погрыз палочку, за что Аксум ругала его на чем свет стоит.

Итак, Инаэро побывал здесь ночью. Вероятно, он нашел способ назначить ей свидание... Но где?

— Где ты их подобрал?

— В саду, у западной стены. Там, где куст шиповника, — пояснил Мехда.

— Да, я гуляла там, — легко соврала Аксум. — Хотела порисовать насекомых с натуры. С натуры рисовать интереснее, чем по памяти, знаешь?

— Будь в другой раз аккуратнее, — еще раз повторил Мехда. — Наш господин очень не любит беспорядка.

* * *

Аксум страшилась невзгод и лишений и больше всего на свете боялась заболеть. Болезнь могла повлиять на ее зрение или гибкость пальцев, а допустить этого она не имела никакого права. Поэтому она стремилась жить в тепле, следила за тем, чтобы хорошо питаться, и лишь крайняя необходимость могла заставить ее выбраться ночью из дома и несколько часов просидеть в траве у западной стены, возле куста шиповника.

Ожидание было наконец вознаграждено. Над стеной показалась голова.

— Аксум! — прошипел тихий голос.

— Я здесь! — отозвалась она.

— Я не мог прийти раньше, за мной следили, — зашептал Инаэро.

— Мне здесь неплохо живется, — фыркнула Аксум. — Что ты еще затеял? Убирайся!

— Скоро тебе придется отсюда бежать, — торопливо говорил Инаэро. — Ватар повсюду тебя разыскивает. Он наврал Арифину, будто ты померла, и тот, вроде бы, поверил. Однако шила в мешке не утаишь — Ватар понимает, что рано или поздно твои рисунки и рукописи попадутся на глаза Арифину, и он все поймет.

— И что?

— Думаю, вероятнее всего, к тебе зашлют убийцу, — сказал Инаэро, сам ужасаясь собственным словам.

— Знаешь, мне это не нравится, — помолчав, заявила Аксум.

— Я попробую подыскать тебе другое убежище.

— Нужно уходить из Хоарезма. Другое убежище в этом же городе меня не спасет.

— С тобой хорошо обращаются? — вдруг беспокоился Инаэро. Ему все время казалось, что он не так и не о том разговаривает с Аксум.

— Говорю тебе, я не жалуюсь. Я ем, сплю, любуюсь изящным и работаю, — нетерпеливо оборвала Аксум. — Жаль оставлять этот дом. Однако ты прав: из Хоарезма надо уходить как можно скорее. Мой хозяин лопается от счастья, когда видит свои дурацкие мемуары переписанные моим почерком с завитушками. Скоро он не выдержит и покажет их кому-нибудь.

— У него самого начнутся неприятности, если он это сделает.

— Да, но он тщеславен. И тщеславие может взять верх над осторожностью.

— Я приду сюда через три дня, Аксум. Возьми с собой все свои деньги, одежду — что захочешь.

— Успеешь подготовиться за три дня? — спросила она недоверчиво.

— Постараюсь...

— Не «постараюсь», а подготовься. Кроме того, я не люблю сидеть по ночам в холодной траве, по росе.

— Через три дня будь готова, — повторил Инаэро. — Прощай, Аксум.

— Прощай, прощай... — пробормотала она и направилась к дому.

Ее взволновал этот разговор. Взволновал и огорчил. Конечно, она знала, что господин Ватар

будет ее разыскивать. Но вот так запросто услышать, что к тебе собираются заслать наемного убийцу... И не в лапы ли к господину Ватару заманивает ее Инаэро? Недоверие поднялось откуда-то из глубин ее существа и захлестнуло горло жесткой петлей. Кому доверились? Кому в руки предала свою судьбу? Мужчине, свободному? Откуда ей знать, что у него на уме?

Она даже застонала сквозь стиснутые зубы. Недоверие мучило ее хуже болезни. Она плохо спала, невнимательно вела записи. По настоянию Мехды, питалась в эти дни только молоком и медом, но болезнь не проходила. Ей было страшно. По ночам к ней приходил один и тот же сон: она спускается по веревке через стену, и уже у самой земли веревка вдруг оживает, поднимается, как змея, обвивает ее горло и принимается душить. Аксум просыпалась от собственного беззвучного крика и долго еще лежала в темноте, широко раскрыв рот и жадно глотая воздух.

И ни одной живой души не было поблизости, чтобы поделиться с нею этой бедой.

Церингену она сказала, что у нее обычное женское недомогание. Церинген охотно «вошел в положение» и даже захлопотал как-то совсем по-женски: бедняжечка, пусть тебе дадут молочка, полежи в постельке, побереги себя — у многих девочек в такие дни очень дурное самочувствие...

Но бежать ей не пришлось. События повернули совершенно не так, как предвидел Инаэро. В его судьбу вновь вмешались посторонние силы.

На сей раз злой рок Инаэро принял облик черноволосого синеглазого варвара, который назывался охранником в кхитайский караван, снаряжаемый Эйке.

Прочие наемники только тем и занимались, что отыхали перед долгим путешествием. Наседали жирок, играли в кости, болтали. Женщина, что была с ними, — подруга одного из солдат, — проводила дни на женской половине. Она возилась с ребенком, чинила и чистила одежду хозяюшки и явно наслаждалась обычной оседлой жизнью. Инаэро видел ее раз или два, но она всегда прикрывала лицо рукавом и торопилась уйти.

На писца мало кто обращал внимания. Когда Эйке в первый раз увидел, что к нему прислали «негра» вместо Аксум, он не смог скрыть разочарования.

— А где та девочка, которая так чудесно и быстро писала? — спросил хозяин.

— Она сейчас приболела, — соврал Инаэро, как его учили, и склонился в низком поклоне. Он чуть исказил голос и пригнул голову, чтобы Эйке не узнал его.

Впрочем, как учил Инаэро многоопытный Ватар, человека редко узнают, если видят его в не-привычной ситуации. Если бы тот же «негр» находился в старой лавке, где некогда заправлял

делами Инаэро, — в этом случае Эйке, возможно, и разглядел бы знакомые черты. Но поскольку Эйке не ожидает встретить Инаэро в роли писца, то и не поймет, кто перед ним на самом деле.

Так оно и случилось. Эйке сказал:

— Перепиши набело вон те документы. Таблички приготовлены на столе справа, пергаменты слева, чернила свежие. Тебе принесут фруктов и разбавленного вина.

Инаэро взялся за работу, попутно делая выписки для хозяина, — раз уж взялся шпионить! Когда «негр» уже уходил, Эйке вновь остановил его и дал немного денег.

— Это тебе за труды, — сказал хозяин, улыбаясь, но глядя немного в сторону. — А это, — тут он вытащил из-за пояса тонкий браслетик с двумя изумрудами, — для Аксум. Пусть она скорее поправляется.

— Аксум не носит браслетов, — сказал Инаэро, невольно протягивая руку к красивой вещице.

— Это на лодыжку, — улыбнулся Эйке. — Я и сам видел, что она оставляет руки свободными от всяких украшений. Но на ногах у нее есть кольца, не так ли?

Инаэро молча кивнул. Эйке слегка коснулся его плеча, повернулся и ушел. Инаэро невольно потер плечо. Его бывший хозяин остался все тем же, добросердечным и внимательным. Даже странно, что он не узнал своего бывшего приказчика...

«Негр» уже собрался было уходить, когда его окликнул новый голос:

— Эй, черномазый, постой-ка!

Инаэро обернулся. Перед ним, широко расставив ноги и ухмыляясь, стоял варвар.

— Ты обращаешься ко мне, господин? — вежливо осведомился Инаэро.

— К тебе, черномазый, — согласился Конан.

— Прости, если тебе покажется, будто я осмелился тебя поучать, — очень осторожно проговорил Инаэро, — но нельзя ли, обращаясь ко мне, выбрать другое слово? Ты называешь меня «черномазым», а мне это очень неприятно. Я, кажется, ничем тебя не оскорбил. Для чего же ты обижаешь меня?

— Но я тебя вовсе не обижаю, — еще шире улыбнулся Конан. — Ты ведь не негр. Тебя измазали черной краской, вот я и называю тебя черномазым. Разве это неточное определение?

Инаэро похолодел, несмотря на то, что день был очень жарким. Руки его задрожали, кончики пальцев онемели.

— О чём ты говоришь? — пролепетал писец.

— Я знаю, о чём говорю, — заверил его Конан. — И ты, естественно, тоже.

И он схватил Инаэро за пояс крепкой ручищей, а затем подтянул к себе.

— Что у тебя в поясе? Таблички? Ты делал копии с документов, которые переписывал для нашего хозяина, не так ли? Тебя заслали шпионить за ним? Кто это сделал?

Инаэро молча мотал головой. Конан тряс его, как собака крысу, и тихо рычал сквозь зубы. От ужаса Инаэро не мог вымолвить ни слова. Наконец губы его разжались, и он пробормотал:

— Отпусти... Я все тебе расскажу, только...
— Что только? — оскалился Конан. — Ненавижу шпионов!

— Только не здесь!

— Почему?

— Я не хочу, чтобы Эйке видел...

— Ладно, — вдруг смилиостивился Конан, потому что «негр», едва его выпустили, повалился ему в ноги и принял хватать колени варвара трясущимися пальцами. — Поднимайся. Нечего валасться тут, как старая тряпка. Глядеть и то противно.

Инаэро протяжно всхлипнул.

Конан уселся рядом. Подняв голову, Инаэро уставился на него немигающими глазами, в которых стремительно набухали слезы.

— Мне высморкать тебе носик, или сам спрашивайся? — осведомился киммериец и плонул почти приветливо.

— Сам... Я расскажу тебе все, а ты обещай, что поможешь мне. У меня большая беда...

— Хм, — сказал Конан.

— Я не негр, — сообщил Инаэро.

— Я это уже понял, — напомнил ему киммериец.

— Когда-то я служил приказчиком в лавке, принадлежащей нашему теперешнему хозяину, Эйке. Вот как все началось.

Конан присвистнул.

— Ты неправильно понял, господин, — торопливо проговорил Инаэро, — я не держу на него зла. Наоборот, я хочу помочь ему, спасти его...

Ему угрожает большая опасность. Ему и еще одному человеку. Их могут убить. Ну, того человека — его точно собираются убить. Он слишком много видел. Был свидетелем того, как составлялся заговор. А мне этот человек... очень дорог.

— Женщина, — подсказал киммериец.

— Девочка.

— Твоя дочь?

— Моя учительница. Она бывала здесь. Аксум. Она каллиграф. Настоящий художник...

— О девочке и ее добродетелях расскажешь потом, — наморщил нос киммериец, — сначала поговорим об этой большой и неведомой опасности. Все, что тебе известно. Во всех деталях и подробностях.

Глава четырнадцатая

Черные дела в Феризе

ледует сказать, Элленхарда часто ставила Тассилона в тупик. Ему никак не удавалось до конца понять, как же относится к нему свою равная гирканка. Бывало, между ними воцарялась настоящая идиллия: они вместе спали, вместе ели, вместе проворачивали разные дела. А потом случится что-нибудь — и отвернется Элленхарда, словно между ними никогда ничего и не было.

Вот и сейчас: стоило им оказаться в Феризе и попасть в самую гущу событий, как Элленхарде, кажется, и дела нет до давнего спутника и друга. Умчалась неведомо куда вместе со спасенной женщиной.

Тассилон ждал развития событий, оставаясь в подмастерьях у кузнеца, прозванного Кровопийцей Аром.

Прозванье это кузнец получил, как убедился

Тассилон, отнюдь не даром. Впрочем, Ар и сам гордился именем, которым наградили его добрые жители Феризы, и всячески подчеркивал его и старался оправдывать. Чем только ни занимался Тассилон! Ходил в лавочку, где выслушивал замысловатые обвинения в адрес кузнеца, который-де задолжал за несколько лет, ведет себя нагло, при встречах на улице грозится переломать назойливым кредиторам все кости, выкрикивает под окнами обидные слова, насмерть пугая домочадцев того или иного лавочника... В общем, судя по всему, умел Кровопийца Ар разгуляться. Кузнец, в свою очередь, уверял, что лавочник не расплатился с ним за какую-то старую работу (выяснить детали дела уже не представлялось возможным, поскольку сделка заключалась еще с отцом нынешнего лавочника, а отец сей опочил среди богов и срывает розовые яблоки в Саду Удовольствий уже много-много лет...). Обвинения Ара в адрес лавочников были также многообразны: тот не поздоровался с ним тогда-то и тогда-то, при таких-то свидетелях и тем самым опозорил; этот обозвал троллевым отродьем, тот натравил на кузницу своих сорванцов-детишек, дабы они скакали, уподобляясь горным обезьянкам, и выкрикали различные глупости, какие только придут в их пустенькие головенки. А Тассилону оставалось одно: терпеливо переносить взаимные обвинения из кузницы в лавочку и обратно. Это, кажется, доставляло спорщикам дополнительное удовольствие.

Другие обязанности Тассилона были в том же

роде: по дому, по хозяйству... Еще он обязан был встречать клиентов и препровождать их к хозяину, «всемерно услаждая слух заказчиков сладкими речами о достоинствах Кровопийцы Ара», как наставлял кузнец слугу.

Из вышесказанного можно было бы предположить, что Кровопийца Ар был страшным, злобным существом, а Тассилон жестоко страдал под игом его безраздельной власти. Ничуть не бывало! Почти с первого взгляда Тассилон разглядел в кузнеце человека доброго и успел привязаться к нему. Кровопийца Ар, в свою очередь, быстро сумел оценить молчаливость, доброжелательность и вполне искреннюю симпатию своего слуги и подмастерья. Непрерывно ворча, кормил сытно, обучал кое-чему из ремесла и — о чем Тассилон хорошо знал — не никому позволил бы оскорблять чернокожего.

А в желающих насмеяться над чужестранцем среди добрых жителей Феризы никогда не было недостатка. Впрочем, Тассилон не из тех, кто легко давал себя в обиду. И если иногда умел смолчать, то это вовсе не означало, что человек он такой уж безобидный и безответственный.

Больше других цеплялся к Тассилону некий господин Энчо — рослый человек с хитрым мясистым лицом, на котором вечно щурились узенькие, наполовину заплывшие глаза. Копна кудрявых, совершенно седых волос, и такая же пышная белая борода придавали господину Энчо вид некоторого даже благообразия. Энчо был мельником — держал небольшую мельницу на бычьей

тяге, расположенную на окраине Феризы. Казалось, мука навечно припорошила его пушистые волосы.

Вот с ним враждовал Кровопийца Ар с особенной ожесточенностью. Мельник платил кузнецу той же монетой и никогда не упускал случая пройтись по адресу недруга — в гостях, в харчевне, просто в случайном разговоре.

Когда Кровопийца Ар обзавелся слугой, негодованию мельника не было предела. Он даже пробовал было останавливать Тассилона на улице и сладеньkim голосом любопытствовать: не притесняет ли его кузнец, не бьет ли. «Известно, что кулаки у негодяя чугунные, а сердце из железа. Ты не знал? Когда тролли сожрали его сердце, его отец за три дня выковал сыну железное... Он уже не одного работника в могилу свел. Так что мой тебе совет: держи ухо востро, по ночам спи вполглаза. Разное про кузнеца рассказывают, и не все эти рассказы — ложь...»

Тассилон выслушал «доброхота» дважды. Первый раз — на улице — молча. Второй раз — в харчевне, куда зашел за горячими пирожками для себя и хозяина — уже не молча. Так осадил господина Энчо, что тот из приятно-румянного сделался багровым, затрясся, зашипел что-то такое, отчего оплевал собственную бороду. А Тассилон, пожав плечами, вышел. И с той поры старался обходить мельника стороной.

* * *

Время шло, а известий от Элленхарды все не было. Священный Совет лютовал, прочесывал город вдоль и поперек. Пускаться на поиски Тассилон не решался, расспрашивать — тем более. Не смел даже разыскивать говорливую зеленщицу, тетку Филену. Любая встреча, даже случайная, могла иметь далеко идущие последствия. Нежелательные и страшные.

Нет уж. Он подождет.

Спустя седмицу после водворения Тассилона у кузнеца произошло убийство.

* * *

Это случилось утром. Из объятий сладкого сна Тассилона вырвал пронзительный женский крик. Он пошевелился, выпутываясь из лохмотьев, которые кузнец именовал «вполне приличным одеялом для слуги». Крик повторился. Слух быстро распознавал в захлебывающемся вопле основные ноты: ужас, отвращение. Физического страдания в этом голосе не звучало. Физическое страдание вырывается из самой нутряной утробы человека; эта же женщина кричала горлом — она была испугана, но и только.

Заворочался наверху, на полатях, сооруженных прямо над наковальней, кузнец. Свесил бороду, сверкнул глазами:

— Что там еще? Это у тебя? Девку, что ли, привел да испортить не умеешь?

— Это на улице, — ответил Тассилон, поспешно вскакивая.

— Режут кого-то, что ли? — удивился кузнец. И не без облегчения откинулся обратно на набитый опилками валик, служивший ему вместо подушки. — Ну и времена пошли, зарезать толком не умеют. Обязательно надо помучить, чтобы всех честных граждан в округе перебудить...

Тассилон уже не слушал ворчания хозяина. Выскочил из дома, на ходу затягивая тесемку на штанах. Босиком по холодному с утра песку и камню бросился бежать по улице навстречу крику.

Вскоре он увидел женщину — немолодую соседку, почтенную мать семейства. Она вцепилась в веревку, на другом конце которой моталась и мекала, тряся головою, коза, и монотонно вскрикивала, поглядывая куда-то в сторону оврага:

— А-а! А-а! А-а!

— Ты цела, госпожа? — Тассилон быстро окинул ее взглядом. Броде бы, цела. Если, конечно, в уме не повредилась. Вон, взгляд какой остекленевший. Смотрит в одну точку, как неживая.

Он осторожно спустился в овраг. Раздвинул кусты. И увидел.

Девушка, почти ребенок. На траве очень много крови. Горло перерезано. Даже обезображенная, она все равно выглядела красивой.

Юные руки раскинуты, тонкие пальчики ухватились за пучок травы, словно пытались удержать тело на земле. Поздно! Кто-то исторг незрелую душу из хрупкой этой плоти, до времени разлучил их, оставил сиротами.

И еще кое-что. Тассилон только глянул на темную лужу между ног жертвы, чтобы успеть понять: перед смертью девушка претерпела еще одно надругательство. А может быть, и после смерти.

Тассилон, подавленный, выбрался из оврага. Соседка с козой перестала кричать. Тяжело дышала и пошатывалась. Коза двигалась костлявым задом вперед, пытаясь вытащить рогатую голову из ошейника.

— Поздно кричать, — обратился Тассилон к соседке. — Кто она? Ты ее знала?

Она молчала так долго, что Тассилон уже решил было, что не ответит. Но она в конце концов вымолвила:

— Да. Дочка соседская. Как ее матери сказать...

И крупные, как горох, слезы покатились по усталому немолодому лицу женщины.

— Ее убили совсем недавно. Часа за два до рассвета, — сказал Тассилон. — Позовите кого-нибудь из мужчин. Надо бы посмотреть, нет ли следов... Может быть, сумеем отыскать убийцу.

Он был не вполне уверен в том, что женщина его понимает, и слегка встряхнул ее за плечо. Она словно бы очнулась от сна и быстро побежала в сторону дома.

Спустя недолгое время возле оврага уже было полно народу. Мужчины переговаривались вполголоса. Кто-то, кто считал себя поумнее других, высматривал в траве следы и приметы. Женщины перешептывались и тихонько всхлипывали. В

конце концов несчастную покойницу унесли, бережно переложив на носилки, сделанные из веток. В доме стали готовиться к погребению.

Кузнеца Ара вся эта, как он выразился, «возня» совершенно не занимала. Он пил свою любимую рисовую водку, которую некоторые местные умельцы в Феризе делали чрезвычайно хорошо.

Около полудня к нему заглянул заказчик и спросил, готов ли серп, оплаченный еще неделю назад. Ар отвечал, что серп готов и его вполне можно забрать.

— Слыхал? — спросил заказчик.

— О чём?

— Убита девушка. Полгорода только об этом и говорит. Священный Совет издал постановление, где сказано, будто бы все это дело рук скрытых колдунов. Мол, обряд у них там какой-то или ритуал для обретения силы... Я почти ничего не понял.

— Я тоже, — заметил Ар.

— Девчонку жалко.

— Скажи мне, — Ар отставил в сторону миниатюрную чашечку, где заманчиво поблескивал прозрачный напиток с тонким, едва уловимым запахом, — почему никто не задается вопросом: для чего бедная девчонка пошла куда-то ночью? Зачем она отправилась к оврагу в такой неурочный час?

— На свидание с молодцем? — догадался собеседник кузнеца.

— Я этого не говорил. — Ар взял в руки чашечку и задумчиво ее понюхал.

— Убийца — кто-то из нас, — горячо сказал горожанин и взмахнул серпом. — И мы даже не подозреваем, кто это!

Кузнец пожал плечами. Разговор зашел в тупик, и словоохотливый покупатель довольно быстро покинул кузницу.

В этот день заходило очень много народа. Всем хотелось почесать языками. Некоторые вспоминали покойницу — какая она была милая да хорошая, но большинству приятно щекотали нервы подробности страшного преступления. Упоминались лужи крови, сизые вены на горле.

К ночи произошло еще одно преступление: тепло девушки бесследно пропало.

Каким образом его удалось выкрасть из дома, никто так и не понял. Старшая сестра покойной уверяла, что лишь на миг покинула дом, а когда вернулась с пучком зелени из огорода — в доме готовились к щедрому поминальному пиру, — тела уже не было.

— Не ушла же она ногами! — рассуждали досужие кумушки.

— Ее кто-то унес — но для чего?

Безутешная мать громко выла где-то в глубине дома, убиваясь по дочери. Отец убитой девушки безмолвствовал. Мужчины из числа соседей всю ночь бродили вокруг оврага с факелами, что-то высматривая и высматривая.

И на рассвете — нашли! Прямо в бурой от крови траве, на месте преступления, лежал широкий медный браслет. Как не увидели его в первый раз? Здесь могло быть только одно объяснение:

ние: всех настолько потряс вид жертвы, что горе словно бы отвело глаза смотрящим. Такое случается. Да, случается. Многие тотчас припомнили десятки подобных случаев. Демоны только и ждут, чтобы одурачить людей. А уж там, где рассталась с молодой жизнью юная невинная девушка, этих самых демонов кишмя кишит. Они лесят на злодейство, как мухи на мед.

Не об этом ли и святейший Фонэн, глава Священного Совета, сегодня говорил? Не об этом ли он предупреждал? И кажется, называл наиболее возможных преступников. Как там было сказано...

Нашелся умник, припомнил: «лица, чья профессиональная деятельность располагает к использованию скрытых магических чар». Или как-то в таком же роде. Предупреждал! Хоть Фонэн и жесток, хоть и сделался он пугалом не только для детей, но и для взрослых, но в чем ему нельзя отказать, так это в мудрости. О, нет! Фонэн отнюдь не глуп! И уж в чем-чем, а в злодействе и магии он действительно смыслит.

— А кто эти... «лица, чья профессиональная... располагает к колдовству»? — задал вполне уместный вопрос один из соседей погибшей девушки.

Стали перебирать в памяти и вдруг сообразили: те, кто ближе всего к духам! Ткачи, кузнецы, певцы... кого-то он еще называл, всего не упомнишь...

— Кузнец! — закричала мать девушки. — Кузнец! А ведь он поблизости живет! И единственный, кто не пришел посмотреть!

И ведь правду она сказала. Не пришел Ар по глязеть на тело убитой. Вообще никакой заинтересованности происшествием не выказал. Как будто и не касалось оно его вовсе. А почему? Поначалу-то сглулу думали, будто Ар поступает так по общей странности своего характера, однако теперь, когда и подозрение на него пало, и медный браслет обнаружен (похожий браслет был у кузнеца!) — совершенно по-иному повернулась эта странность. Не пошел смотреть — да потому что слишком хорошо знал, какую картину увидит. Боялся, небось, что покойница встанет, откроет глаза и обличит его, указав пальцем на своего убийцу. А такие случаи, чтобы покойники открывали близким, кто их убил, бывают куда чаще, чем принято думать.

— Кузнец!

Припомнились и другие его странности. Например, редко участвовал Ар в общих праздниках, избегалходить на свадьбы и похороны к соседям, друзей не имел... зато имел долги. Словом, набралось немало.

Однако пока что хватать кузнеца и творить над ним суд избегали. Побаивались. Для начала написали на него донос Фонэну. И стали ждать — что будет.

* * *

В Вороньем Замке царил вечный полумрак. Даже в верхних покоях, где имелись довольно широкие окна. Словно темная дымчатая кисея

заволакивала здесь самый воздух, окрашивая всю картину в сумеречные тона.

Глава Священного Совета Фонэн стоял у окна. Его тонкий изломанный силуэт хорошо вырисовывался на фоне светлого неба, но в саму комнату свет почти ни проникал. Кузнец Ар, недавно арестованный по подозрению в ритуальном убийстве, стоял у стены, прикованный цепью, и ждал.

Фонэн резко повернулся к арестованному.

— Тебя уже пытали? — отрывисто спросил он.

— Нет, но меня били, — хмуро ответил кузнец.

— Орудия пытки показывали?

— Да.

— Понравилось?

— Нет. Я сделал бы лучше. Изобретательнее.

У вашего ковала, кем бы он ни был, мало фантазии. Изюминки в его работе нет, вот что, — дерзко заявил кузнец.

— Вот как? — протянул Фонэн. — А ты знаешь ли, кузнец... как там тебя... — Он заглянул в бумагу, которую держал в рукаве, чтобы свериться с именем. — Ар. Да, так вот, Ар, мой любезный, известно ли тебе, что всякая «изюминка», как ты говоришь, в любом ремесле — от нечистых духов, от грязных демонов, которым только того и надо, чтобы люди соперничали, тосковали, стремясь к чему-то лучшему — неведомому и недостижимому? Любой певец, умеющий исторгать у слушателей слезы, наверняка делает это не без помощи злых чар! Потому что не дано простому человеку, не пользующемуся магией, овладевать

душой другого человека настолько, чтобы заставить того плакать.

— Да? — переспросил Ар, не то понимающе, не то издевательски. И поскребся спиной о стену — зачесалось. Цепь при этом неприятно брякнула.

— Именно! — горячо подтвердил Фонэн. — Я неоднократно, на личном опыте, убеждался в том, что исторгнуть слезы у другого можно лишь одним способом: физическим насилием. И никак иначе! А мне уже доносили, доносили, друг мой Ар, что тебе доводилось создавать кованые предметы, кои совершенством своих форм умели истограть слезы у смотревших.

— Да? — в третий раз молвил Ар:

— Вот здесь, — Фонэн тряхнул доносом, — имена людей, которые припоминают подобные случаи.

Кузнец дернулся, цепь шевельнулась.

— Можно взглянуть — кому это я не угодил?

— Нет. Имена доносчиков — тайна.

— Да ладно, я и так знаю. Соседи и завистники. И еще, небось, этот толстый из мясной лавки, которому я задолжал.

— Тебя обвиняют в вещах куда более серьезных, нежели долг мяснику. Тебя обвиняют в убийстве! — Фонэн приблизился к заключенному и пристально посмотрел в его яростные черные глаза своими горящими запавшими глазками. — В убийстве с грязными магическими целями!

— Ну и что? — Кузнец Ар выглядел как будто совершенно равнодушным. Он всем своим видом

показывал: «Меня тебе этими штучками не просят». — Мало ли в чем можно обвинить неповинного человека!

— Ты отрицаешь?

— Разумеется.

— Ты не убивал ее?

— Нет, не убивал. У меня есть куда более интересный и выгодный способ проводить время, нежели резать девиц по оврагам.

— И тело не ты выкрад?

— Говорю тебе, нет! Я такими делами не занимаюсь! Я кузнец, а не мясник. Кстати, а почему мясника не арестовали? Я сам видел, как в его лавке плакал один нищий. Смотрел на порубленную говядину и плакал... Чем не искусство магии?

— Ты мне зубы не заговаривай. Просидишь здесь на цепи с недельку, а потом, если будешь по-прежнему все отрицать, подвергнешься допросу с пристрастием.

— С каким еще пристрастием?

— Ты дурак или притворяешься? Я велю пытать тебя! Пытать, пока ты не заговоришь! Пока не расскажешь мне все!

— Да я хоть сейчас готов рассказать тебе все, только это «все», как я погляжу, совершенно не то «все», которое ты жаждешь от меня услышать.

Фонэн отпрянул. Несколько мгновений он вглядывался в лицо заключенного, а затем повернулся и вышел, широко шагая в своем развеивающемся плаще. Кузнец Ар остался один.

Теперь он вовсе не был таким неустршимым

и уверенным в собственной правоте. Теперь ему стало страшно. Потому что доказать свою невиновность он не мог. А это означало только одно: ему предстояло выдержать страшные пытки, которыми снискал себе недобрую славу Вороний Замок.

* * *

Тассилон ни мгновения не верил тому, что кузнец мог быть замешан в этом преступлении. Кровопийца Ар, при всех его странностях, был, по твердому убеждению его подмастерья, человеком хорошим, и отдавать его на расправу Тассилон не собирался. Пока еще оставалась надежда, пока кузнец не был публично казнен как колдун и убийца, следовало действовать. И как можно быстрее.

Правда, Тассилон понятия не имел, с какого конца хватать за хвост верткого дракона, как сказали бы кхитайцы по поводу этого запутанного дела.

Для начала он осмотрелся в овраге. Странно, что браслет заметили только спустя некоторое время. Демоны глаза отвели? Так ли? Не подложил ли браслет настоящий убийца? И как ловко придумано! Не потребовалось даже выкрадывать какую-либо вещь, принадлежащую кузнецу (а сделать это, кстати говоря, было почти невозможно — Ар редко покидал свой дом, был всегда начеку, поскольку знал, что пользуется дурной славой и ждал от сограждан одних только пако-

стей). Убийца рассчитал верно: достаточно оказалось лишь намекнуть на кузнеца... и все сразу решили — да, негодяй обнаружен! А в городе, где свирепствует Священный Совет, достаточно просто написать донос.

Браслет-то бдительные сограждане заметили. А вот след большой ступни, отпечатавшийся на противоположной стороне оврага, — нет. И судя по этому следу, некто — значительно крупнее Ара и выше его ростом — некто тяжелый и сильный — поспешно уходил из оврага. Сорвался, скользнул по сырой глине, снова ступил — и выбрался.

Оставалось главное: каким образом этот неведомый злодей сумел выкрасть тело девушки из дома? И кто заходил в этот дом, погруженный в глубокую скорбь? Как он ухитрился вынести тело?

Над этой загадкой Тассилон долго ломал себе голову. Он бродил по улицам Феризы, он сидел в маленьких грязных харчевнях на окраине и беспощадно пропивал скучные гроши, заработанные в кузнице, спуская их на дрянное пойло. Иногда ему казалось, что стоит лишь напиться до полного беспчувствия или заснуть, погрузиться в тяжелый, бессмысленный сон, — и разгадка явится сама собою, отвратительная и примитивная, как освежеванная туша.

Он снова и снова перебирал в мыслях все, что ему удалось разузнать. Все? Почти ничего! Скудость фактов сводила его с ума. Но он, в конце концов, не вершитель правосудия, он всего лишь человек с большим жизненным опытом. Послед-

няя мысль неизменно вызывала у Тассилона кри-
вую ухмылку.

Харчевня, где он себя обнаружил, очнувшись от забытья, представляла собою грязнейшее заведение. Всю мебель составляли низенький столик и десяток очень засаленных и чрезвычайно рваных циновок, и там, несомненно, кишили насекомые. На циновках сидели и лежали люди самой отталкивающей наружности. Какие только рожи не попадались навстречу ошеломленному взгляду! И косоглазые, и с перебитыми носами, и исполосованные шрамами, и заросшие бородой до самых глаз. Мелькнуло одно миловидное лицо юноши, обрамленное тонкими косами, но и оно производило отвратительное впечатление, поскольку юнец был очень пьян и, несомненно, порочен — это было заметно по складке его пухлых, искусанных губ.

Тассилон затряс головой, как пес, у которого в ухе застрял клещ. Кругом лениво переговаривались. Кое-кто втягивал в себя ядовитый дым, от которого глаза мутнели, а тело переставало слушаться рассудка, пока таковой еще теплился. Тассилон протянул руку и безошибочно обрел свой стакан. Там плескалось мутное беловатое пойло, безвкусное, но крепкое, как удар лошадиного копыта.

Так. Попробуем еще раз. В голове почему-то назойливо вертесь указ Фонэна. Обращать особенное внимание на лиц, чья профессия... Да, там были названы «подозрительные профессии». Люди, которые могут по роду своей деятельности

общаться с демонами. Люди, которые вероятнее всего обращаются к различным духам в силу своего профессионального... э-э... Кто там был перечислен?

Пойло — гадостное. Лучше прикрыть глаза и не смотреть, каково оно на вид. В голове плавает отвратительный беловатый туман, похожий на простоквашу. И на каждой простоквашине сидит человек подозрительной профессии. На одной — кузнец. На другой — ткач. На третьей — певец. На четвертой — врачеватель. На пятой... мельник!

Да, в указе был назван мельник! Мельник живет на отшибе, сторонится людей, у него есть мельница — одинокое место, где может происходить решительно что угодно... Любое преступление, любое тайное дело. На мельнице можно прятаться и прятать... Мельник пользуется силами ветра для того, чтобы приводить в движение свою мельницу...

И мельник люто ненавидел Ара. Уж он бы не упустил случая отомстить своему врагу. На счет господина Энчо Тассилон не обольщался. Этот человек предпочитал деньги всему, кроме мести.

Хорошо-о... В пьяной голове мысли сделались тягучими, как сладости на жаре. И такими же липкими.

Тассилону стоило почти физического труда заставлять их шевелиться, сменять друг друга. Итак, возможно, мельник подбросил браслет и таким образом навел всех на мысль о кузнеце.

Сделаем следующий шаг. Предположим, мель-

ник и есть убийца девушки. Для чего он ее убил? Это сейчас все равно не выяснить, а вот другое неожиданно становится понятным: кто и как сумел выкрасть тело. В доме погибшей готовился обильный поминальный пир. Девчонку собирались провожать пышно — коль скоро уж свадьбы не сыграть и не проводить ее в дом жениха, то хоть похороны должны быть обильными и жирными, дабы порадовалась душа напоследок. Может быть, и духи предков смируются, возьмут ее к себе в Западный рай, в который верят некоторые кхитайцы и их потомки. В том раю — белым-белу, повсюду лотосы и лилии, подают чай в прозрачных чашечках, а прекрасные духи корятся ароматами. Хорошо бы попала девушка туда! А для этого требуется задобрить духов. Пусть замолвят за нее словечко перед владыками Западного рая.

Да, пир готовился, можно сказать, почти свадебный. И пеклись особые пироги — с рыбой, медными кольцами, с остропахнущими травами, которые живые — фиолетовые, а печенные — черные. И мельник заходил в тот дом. Приносил муку. В мешке. И уходил... тоже с мешком. В суете могли ведь не заметить, что мешок и при выходе был полон.

Вспышка озарения мелькнула в голове у Тассилона. Мешок! Ну конечно... Осталось одно: отправиться на мельницу и отыскать там тело девушки.

Мельница находилась не просто на окраине города — она была как бы отделена от жилого массива несколькими деревьями. Это были низкорослые деревья с широкими темными мясистыми листьями. Проходя под ними, Тассилон словно миновал некие ворота и оказался наконец в царстве господина Энчо.

Мельница и небольшая жилая пристройка при ней выглядели необитаемыми. Однако внутреннее чувство подсказывало Тассилону: там кто-то есть. Притаился и следит за незваным гостем. Впрочем, подвыпившего Тассилона, который считал себя тертым калачом, это сейчас мало беспокоило.

Главное — проникнуть внутрь.

Он обошел мельницу кругом. Никого и ничего. Впечатление такое, словно здесь никто и не живет, и не работает.

Да, вот еще один вопрос: никто не слыхал, чтобы господин Энчо держал помощника или слугу. Говорили, будто есть у него какой-то верхний раб для услужения, но этого раба никто никогда не видел.

Тассилон остановился у стены и заглянул в маленькое окошко, вырубленное внизу. Туда разве что кошка могла бы просочиться. В окошке зияла чернота. Рядом обнаружилась дверь. Не заперто! Вот это неожиданность! Тассилон даже предположить не мог, что такое возможно... если только это не ловушка.

Впрочем, спьяну он даже рассуждать на эту тему не стал. Просто толкнул дверь и вошел.

И оказался в полумраке. Откуда-то сверху струился пыльный белесый свет. Огромные жернова мертвого стояли на высоком стержне. Далеко наверху плавали облака мучной пыли, тонкие, почти рассеивавшиеся. Лучи света застrevали в них, словно нож в ворохе шелка.

На мельнице стояла тишина. И тем не менее обостренным инстинктом дикого зверя, привыкшего выживать среди других зверей — самых опасных животных, когда-либо созданных богами, среди людей! — Тассилон чувствовал чье-то затаенное присутствие.

Он обошел жернова кругом. Нигде не было и следа погибшей девушки. А вот валяется мешок... Возможно, тот самый. Но в мешке не обнаруживалось никаких остатков крови. Это и не удивительно, ведь похищен был труп, тело, которое давно уже перестало кровоточить.

Тассилон почти отчаялся найти хоть какую-то улику. Он знал, он был убежден в том, что именно господин Энчо — неизвестно, почему! — совершил это чудовищное преступление. Оставалось доказать это.

Тассилон остановился, еще раз огляделся по сторонам. У него внезапно появилось такое ощущение, словно кто-то ловко его провел.

Девушка была здесь. И ее убийца — тоже не подалеку.

Тассилон двинулся в медленный путь вдоль жерновов...

И вдруг увидел. Он увидел нечто настолько невероятное, что поначалу даже не поверил собственным глазам. Но деваться некуда — это было. Девичья коса. Растрепанная, точно солома после обмолота, она высовывалась из щели между жерновами.

Тассилон подошел ближе, потянул за волосы. И тотчас кто-то невидимый — тот, чье присутствие он все время ощущал, — набросился на него сзади. Тассилон присел, проходя под руками нападавшего, попытался увернуться. В голове мелькнула чей-то рассказ о «пьяном мастере» — об одном из великих мастеров рукопашного боя, который всегда выходил на битву, нагружившись изрядным количеством горячительных напитков. Это обстоятельство делало его медленным, как бы неповоротливым, а на самом деле непредсказуемым и уверенным в себе. Тассилон не помнил, каким образом окончил свою жизнь этот выдающийся боец — наверняка ничего хорошего! — но один раз, по крайней мере, воспользоваться чужим опытом стоило.

Нападавший не ожидал, что Тассилон отшатнется и присядет и потому удар кулака пришелся прямо на мельничный жернов. Раздался страшный вой. Хрустнули костяшки пальцев. Господин Энчо, крича и завывая, взметнул вверх руку. Тассилон тотчас обрушил удар головы ему под дых. Противник упал. Несколько сильных ударов ногами по лицу, несколько пинков по большой руке довершили дело: крупный благообразный мужчина превратился в комок страдающей, жалею-

щей себя, завывающей плоти. Теперь его можно было запросто связать длинной пеньковой веревкой. Что Тассилон и проделал с превеликим удовольствием.

Оставалось привязать пленника, чтобы сбегать за соседями и показать им — кто на самом деле виновен в преступлении. Тассилон подтащил господина Энчо к одному из столбов, на мертвую прикрутил его, а на голову ему натянул мешок и тоже привязал. Пусть посидит в мешке, подумает о смысле жизни и смерти. Скоро ему предстоит дать отчет духам... Но сперва пусть расскажет обо всем людям.

* * *

— Господин Энчо? Это невозможно.

— Ведь доказано уже, что девушку убил кузнец.

Только это Тассилон и слышал, когда бегал от одного двора к другому и спешно, сбивчиво рассказывал обо всем, что увидел и выяснил.

— Кто это приходил? Слуга кузнеца? Наверняка сообщник. Как можно ему верить? Зачем вы вообще открыли ему дверь? Оба — прислужники демонов, это же было ясно с самого начала! И откуда он взялся, этот слуга кузнеца? Неизвестно. И рожа у него черная. Откуда здесь взялся негр?

Тассилон понял, что от соседей ничего не добьется, и бросился бежать туда, куда ни один из добрых жителей Феризы никогда не отправился бы по доброй воле: к страшному Вороньему Замку.

* * *

Черные стены цитадели, казалось, были закопчены зловонными испарениями самого Стража. Древние камни, огромные, словно некогда их натаскали великаны, выглядели так, словно их вытащили из самой сердцевины гигантского костра. А между тем, большинство древних каменных сооружений кажутся выбеленными временем и ветром, подобно костям, встречающимся в пустыне.

Тассилона, как он и рассчитывал, остановили у ворот. Стражник, похожий более на священнослужителя, но обладающий при этом оружием и малым полудоспехом из вываренной твердой кожи, потребовал объяснений у встревоженного человека, который кричал, что ему необходимо немедленно видеть главу Священного Совета.

Тассилон нетерпеливо отмахнулся от бдительного стражника.

— Не до тебя! Позови хотя бы командира поста...

Глаза стражника вспыхнули.

— Я — командир поста, и тебе лучше отвечать, когда спрашивают! Никто не станет тревожить главу Священного Совета по пустякам.

Он махнул рукой, делая знак еще нескольким стражникам, которые, черными тенями, подобно воронам, приблизились к незваному гостю и схватили его сзади за руки.

— Я безоружен, — хмуро сказал Тассилон, даже не пытаясь отбиваться. — Я пришел кое о чём

рассказать. Думаю, Священному Совету неплохо бы это узнать, и как можно скорее.

Его обыскали. Он не сопротивлялся. Ему связали руки. Он позволил сделать и это. Черной тканью завязали глаза. Потащили куда-то, немилосердно задевая о какие-то невидимые углы. Тассилон молча сносил все эти издевательства. Он уже догадался: таков был заведенный здесь порядок. Ни один доносчик не миновал бы этих препон.

Коридоры закончились лестницей, по крутым ступеням Тассилона и втащили наверх, а затем опять повлекли по переходам и наконец водрузили в каком-то помещении, где и сняли повязку.

Эффект, произведенный на человека, с головы которого после долгих мытарств в темноте сдергивают черное покрывало, не мог не показаться неотразимым.

Посреди просторной комнаты с низким нависающим потолком пыпал открытый очаг. Дым уходил в отверстие в потолке. В очаге грелись огромные щипцы и два шомпола. Рядом помещались козлы, к которым, надо полагать, привязывают испытуемого. Чуть поодаль находилось высокое кресло с резной спинкой и широкими подлокотниками. В кресле восседал человек, облеченный в широкую черную мантию.

Тассилона бросили перед ним на колени.

Человек в кресле слегка приподнял бровь, как бы безмолвно задавая вопрос. Один из стражников, опустив голову, произнес:

— Вот этот человек ворвался в Замок, крича,

что желает предстать перед главой Священного Совета. Он оказался достаточно настойчив, и поэтому мы приняли решение выполнить его просьбу.

После краткой паузы Фонэн молвил:

— Хорошо.

И знаком отпустил стражников.

Все еще стоя на коленях, Тассилон поднял голову. Фонэн внушал ему настоящий ужас. Давным-давно не испытывал он этого чувства. И не пыточные инструменты в очаге были тому причиной — нет, зловещий потаенный огонь, пламя пожирающей страсти, пылавшее в глубоко запавших глазах главы Священного Совета — вот что ужасало! Фонэн давно уже утратил человеческий облик. Он почти не человек... Но кто же он такой? Демон?

Страшный взгляд остановился на Тассилоне, и у того перехватило дыхание.

— Говори, — велел Фонэн.

Тассилон с трудом перевел дыхание. И снова жуткий взгляд пригвоздил его к полу:

Негромкий голос главы Священного Совета пробирал, казалось, до самых костей.

— Расскажи мне о своем деле.

— Господин, — вымолвил Тассилон, — я пришел просить о справедливости...

Фонэн молча смотрел на него. Язык у Тассилона начал заплетаться. «Да что со мной такое! — яростно думал он. — Околдовали меня, что ли? Почему я боюсь этого человека больше смерти? Ведь и смерти я давно уже перестал бояться...»

Он мысленно призывал имена Элленхарды и Бэллит, но они отзывались ему слабо-слабо, словно бы из немыслимой дали.

— Справедливость? — тихо переспросил Фонэн.

Мороз пробежал у Тассилона по коже, но он нашел в себе силы продолжить:

— По доносу добрых граждан Феризы был схвачен кузнец, именем Ар, прозванием Кровопийца.

— Его обвиняют в колдовстве, — прощептал Фонэн.

— Да, но это неправда. Я знаю, кто совершил убийство... и кто является колдуном. Или, во всяком случае, пытается им стать. Прошу тебя, господин, поторопись! Отправь своих людей — пусть они заберут его. Я сумел его связать, но страх не покидает меня — вдруг он каким-нибудь образом освободится и избежит наказания!

— Интересно. — Фонэн слегка подался вперед. — Итак, ты выследил колдуна?

— Да. Убита девушка...

— Перерезано горло, — уточнил Фонэн. — Ее нашли в овраге недалеко от дома кузнеца Ара, если я не ошибаюсь.

— Ты не ошибаешься, господин. Именно так все и было. Но Ар — не убийца. Почему соседи обвинили его? Нашли браслет? Но ведь этот браслет могли туда и подбросить... К тому же, Ар изготавливал немало подобных браслетов... А я нашел следы настоящего преступления!

— Где?

— На мельнице!

Фонэн некоторое время молча смотрел на доносчика. Тер длинными пальцами переносицу, покусывал губы. Затем молвил:

— Подойди ближе.

Тассилон, изогнувшись, поднялся на ноги и кое-как приблизился. Глава Священного Совета выхватил из складок своей просторной одежды кинжал и одним взмахом разрезал веревки. Тассилон со стоном расправил руки... и обмер: змеиные глаза Фонэна были теперь совсем близко. В груди что-то болезненно сжалось.

— Я пойду вместе с тобой, — сказал Фонэн. — Ничего не бойся. Если там действительно отыщется черное колдовство, я сумею вырвать его с корнем.

Тассилон нашел в себе силы произнести:

— Отпусти кузнеца, господин. Он невиновен.

— Ты так уверен в этом Аре? — Теперь Фонэн чуть посмеивался, но это было не менее ужасно.

— Да.

Фонэн помолчал немного, а потом неожиданно сказал:

— Я тоже. С самого начала я чувствовал, что здесь какой-то подвох. Твой Ар — не колдун. Обыкновенный ремесленник. Характер у него, правда, скверный, но к магии он не имеет никакого отношения. Поэтому, кстати, его и не пытали. Только запугивали, как тебя.

* * *

Возле мельницы царила тишина, словно ничего здесь и не произошло. Тассилон шел впереди, то и дело спотыкаясь о кочки и камни. Он чувствовал себя неуверенно, хотя за спиной у него бесшумно и ловко двигались трое стражников в черных балахонах поверх доспехов. Один из этих стражников никаким стражником не являлся — это был сам Фонэн. Прихрамывающий, похожий на черную птицу с тонкими крыльями.

— Здесь.

Тассилон толкнул дверцу, вошел. Пыль и тишина, полосы света наверху.

Мельник был здесь. Связанный, с мешком на голове. Тассилон сдернул мешок, и перед Фонэном предстало жалкое лицо, распухшее, в белых комьях муки, щедро разведенных едким потом.

Несколько мгновений Фонэн упивался этим зреющим. Ноздри его тонкого носа вздрагивали, узкие темные губы слегка кривились, а в глубине глаз рождался яростный свет. Мельник извивался под этим страшным взглядом и еле слышно постанывал. Неожиданно штаны его начали стремительно темнеть, и вокруг распространилась вонь. Фонэн отвернулся.

— Покажи, где ты нашел следы преступления, — обратился он к Тассилону.

Тот указал на жернова. Клочья девичьих волос все еще свисали между жерновами.

Фонэн долго смотрел на них. Внезапно вокруг потемнело. Послышался странный звук, раз, друг-

гой... Жернова сдвинулись с места. Тассилон увидел, как тонкое изломанное тело убитой девушки — откуда оно взялось? — чьи-то невидимые руки вкладывают туда, куда обычно засыпаются зерна. В отверстии исчезли ноги, тело, голова, вот остались только косы... Жернова продолжали молоть. Темная масса показалась на краях...

— Хватит! — закричал Тассилон.

Видение исчезло. Фонэн обернулся. На его странном лице лежал отблеск нездешнего света.

— Ты видел? — хрипло спросил он. — Ты тоже видел?

— Только слепой бы не увидел, господин! — искренне ответил Тассилон.

— У тебя чутье, — сказал Фонэн. — Ты один из нас.

Он повернулся к мельнику:

— А ты будешь публично сожжен. Но сначала расскажешь, скольких женщин ты погубил своими злодействами.

— Я не колдун, — пролепетал мельник, ерзая в луже собственной мочи. — Я их... использовал. Для мужской надобности. И все. Я делал так с некоторыми женщинами, но только эта поклялась, что все расскажет... Другие молчали. Тех я не трогал.

— Любое злодеяние есть черная магия, — холодно молвил Фонэн.

— Я не знал... — бормотал мельник.

«Все они одинаковы, — думал Тассилон. — Такие высокомерные и горделивые, пока им не находят как следует по морде. Тогда они пускают

лужи и слюни и бубнят что-то в свое оправдание. А мне их не жаль, мне противно. Мне самому столько раз давали по морде, что теперь уже этим меня не проймешь...»

Стражники отвязали господина Энчо и снова нахлобучили ему на голову мешок. Увели.

Фонэн сделал Тассилону знак задержаться на мельнице.

— Останься, я хочу с тобой поговорить.

Тассилон остановился, настороженно поглядывая на всемогущего главу Священного Совета.

Тот продолжал:

— Ты, кажется, находился в услужении у этого Кровопийцы Ара?

— Да.

— Что ж, ты послужил ему верно. Не хочешь ли теперь служить мне?

Тассилон помялся, покусал губу.

— Господин, — выговорил он наконец, — я скажу тебе правду. Я принадлежу не кузнецу и не самому себе, даже богам я больше не принадлежу, а только одной женщине.

— И где эта женщина? Почему она не с тобой?

— Не знаю. Нрав у нее — как у ветра, то ласкает, то сбивает с ног, а то вдруг улетает неведомо куда.

Фонэн долго молчал, разглядывая Тассилона в полумраке. Потом сказал:

— Хорошо. В таком случае послужи мне до тех пор, покуда она не вернется.

Глава пятнадцатая

Доносчик

сведомителя, который воспользовался сострадательной натурой Азании и выдал ее Священному Совету как колдунью, звали Кутейба. Это был человек неопределенного возраста и довольно жалкой наружности: носатый, как птица, темноволосый, с маленькими, красноватыми, вечно бегающими глазками. Кутейба перебивался в Феризе случайными заработками и мелким воровством. Откуда он явился в город, никто не знал. Вероятно, не следовало бы говорить, что появлению этого человечка в городе никто не обрадовался. Однако горожане, чесчур занятые собственными делами, как-то не заботились изгнать Кутейбу за городские стены... А напрасно. Подобный мусорный люд пачкает улицы и делает жизнь в городе неприятной, суеверной и небезопасной.

Как-то раз Кутейба попался на воровстве. К

счастью для него, он забрался в кошель к одному из стражников Священного Совета; а тот, вместо того, чтобы обрубить блудливую руку по локоть, предложил незадачливому вору потрудиться на благо Священного Совета. Кутейба был вне себя от страха и готов на что угодно. В тот час он мог пообещать опуститься на дно морское и переговорить с морским змеем о поставках рыбной икры ко столу господина Фонэна.

Стражник оценил его рвение. И сделал Кутейбу мелким карманным доносчиком, а иногда и провокатором. Стоит ли говорить, что тот пре-восходно справлялся с этой нечистой работой и все шло превосходно.

Подобная деятельность отвечала суевому характеру Кутейбы, и он был очень доволен своей участью. Вынюхивать, выслеживать, выводить на чистую воду и с тайным злорадством наблюдать потом, как люди, которым он, Кутейба, и в подметки не годился, отправлялись на виселицу, — в этом осведомитель Священного Совета находил главное наслаждение своей никчемной жизни.

Конечно, в случае с Азанией Фонэн обошелся с Кутейбой слишком жестоко. Но кто такой Кутейба? Разменная монетка, не более. Если бы рассказни о магическом даре целительницы действительно оказались пустыми слухами, или же заподозри Азания подвох и не пожелай она применить магию при исцелении безнадежно больного — то Кутейба был бы уже мертв. Гангрена убила бы его.

Но, как известно, победителей не судят. Кутейба жив и здоров, Азания разоблачена и осуждена на смерть как колдунья. В том, что ей удалось избежать заслуженного наказания, виноват кто угодно — но только не он, Кутейба.

Поэтому, получив мешочек с монетами у казначея Священного Совета, Кутейба выпросил у Фонэна отряд из пяти стражников и разрешение забрать из дома осужденной любое имущество, какое только доносчик сочтет нужным.

В самом радужном расположении духа Кутейба направился к дому Азании. Он был уверен, что целительница, несмотря на внешнюю скромность образа жизни, прячет где-нибудь в шкатулке крупные драгоценности и немалое число золотых монет. Оно и неудивительно — ведь с ее-то даром творить чудеса она наверняка спасала от верной смерти весьма состоятельных людей. Болтые, как известно, тоже хворают, не только бедные. Поскольку бывают невоздержанны в еде, питии и прочих удовольствиях, а это, как известно, весьма плачевным образом сказывается на здоровье. Случается — куда более плачевным, нежели нищета и недоедание. И странно было бы, если бы исцеленные богачи никак не выражали бы свою благодарность спасительнице. А «благодарность», с точки зрения Кутейбы, имела только одну форму: приятную округлую форму звонкой монеты.

Однако сколько доносчик ни обшаривал дом погубленной им жертвы, сколько ни ворошил ее одежду, сколько ни рылся в ее вещах, ни бил по-

суду — нигде он не нашел и следа клада, что представлялся ему в сладостных грезах.

Наконец Кутейба понял, что удача на этот раз не пожелала ему улыбаться. Ни денег — за исключением довольно скромной суммы — ни драгоценностей он не нашел в разоренном и осиротевшем доме. Пришлось довольствоваться тем немногим, что там имелось: несколькими нарядными платьями, полотенцами с вышивкой, ожерельем из речного жемчуга, круглым зеркалом в серебряной оправе в виде мелких розочек и листьев, частью помятых, и еще несколькими безделушками. Все прочие вещи Азании были самой обыкновенной домашней утварью не слишком зажиточной горожанки.

Сложив в мешок скучную добычу, Кутейба направился знакомой дорогой на окраину Феризы к одному лавочнику, который уже не раз скупал у него вещи, конфискованные у осужденных Священным Советом.

Лавочника звали Хирут; он держал мелочную торговлю и промышлял всем понемногу: старьем, разной рухлядью, старинными вещицами — подчас немалой ценности; не брезговал и краденым, и конфискованным у осужденных. По мелочи давал иной раз в долг и со всего имел небольшой, но твердый доход.

Кутейба был ему хорошо знаком еще по старым временам, когда оба они только-только обосновались в городе, Хирут чуть пораньше, Кутейба позднее. Иногда Кутейба занимал у Хирута монетку-другую, иногда сбывал ворованное.

Нужно отдать Хируту должное: обладая добродушным нравом, тот был совершенно безразличен и к нечистым делишкам своих поставщиков, и к несчастным судьбам осужденных Советом, и уж тем более к невзгодам обворованных и обжуленных горожан, чьи вещицы, перекрашенные и перешитые, находили покупателей в мелочной лавочонке Хирута.

— Эй, Хирут! — позвал Кутейба, появляясь на пороге лавки. — Хирут! Где ты? Заснул? Это я, Кутейба!

— Ну и что с того, что Кутейба? — лениво отозвался Хирут, выбирайсь из подсобного помещения, где он разбирал партию траченого плесени шелка, весьма сомнительного по происхождению. — Что это ты вдруг решил меня навестить?

— Да так... Заглянул вот по старой памяти, — уклончиво проговорил Кутейба.

— «По старой памяти!» — фыркнул Хирут. — Ну, умеешь ты насмешить, Кутейба! Да ты без какого-нибудь пакостного дельца и носу своего длинного на улицу не высунешь. Давай-ка выкладывай, с чем пожаловал, а после иди своей дорогой. Мне некогда. Радости с тобой болтать, по правде говоря, вижу мало.

— Брезгуюшь? — прищурился Кутейба.

— Ну, это уж как тебе угодно, — лавочник пожал плечами и повернулся к Кутейбе спиной, всем своим видом показывая, что намерен тотчас же вернуться к своим заботам.

— Нет, нет, погоди, — поспешил остановил его

Кутейба, сразу же перестав изображать из себя оскорбленную невинность. — Ты прав, Хирут, ты прав, как всегда. Дельце у меня к тебе. Как водится, деликатное. Маленькое такое... Много времени не займет.

— Все-то у тебя маленькое, — проворчал Хирут. — Как бы тебе в один прекрасный день нос не укоротили по самые уши за все твои «маленькие» делишки... Ладно уж, показывай. Дрянь, не бось, товарец.

— А это тебе решать, — засуетился Кутейба. — Я знаю, Хирут, ты не обманешь. Ты у нас честностью славишься на всю Феризу. Даешь настоящую цену, не торгуясь.

Хирут хмыкнул. И лавочник, и доносчик — оба одинаково хорошо знали, что о настоящей цене на вещи, взятые в доме казненных, и речи быть не может.

— Выкладывай товар, — распорядился лавочник.

Он повертел в руках вещи Азании: зеркало, платья, украшения.

— Дешевка, — заключил Хирут после недолгого осмотра. — Посмотри сам: жемчуг мелкий, с дефектами, платья ношеные, зеркало от времени помутнело, а тут, гляди-ка, лепесточки позагибались...

— Ты их пальцами-то не мни, серебряные же, — возмутился Кутейба.

— Да чуть тут мять, и без того мятые...

— А зеркало? Может, магическое? — жадно спросил Кутейба. — Ты его рукавом протри или

там тряпкой... Может, в нем клады отражаются или еще что-нибудь. Хозяйка-то была ведьма, вот и соображай...

— А к магии я, друг мой, и вовсе касательства иметь не желаю, — Хирут отодвинул от себя вещи Азании. — Я простой торговец. Мне дела нет до чародейства. Так и передай своим хозяевам из Священного Совета.

— Да что ты, что ты! В чем ты меня подозреваешь? — возмутился Кутейба. — Вроде бы, не первый год знакомы...

— Вот именно, — холодно напомнил лавочник.

— Я вовсе не в этом смысле... — начал оправдываться Кутейба, но вдруг махнул рукой и сдался. — Да ладно, в конце концов, какая разница, магическое или не магическое... Серебряное оно. Работа тонкая, старинная, сам видишь — не слепой. Назови свою цену, и дело с концом.

Хирут навалился грудью на прилавок.

— Восемь серебряных. За все.

Кутейба закатил глаза и испустил придушенный вопль:

— Это грабеж!

— Хорошо, девять.

— Убива-ают! Лучший друг! Голыми руками! Задуши-ил!..

Хирут посмотрел на старого приятеля с отвращением. Сказал:

— Десять. — И тут же добавил: — Учи, это мое последнее слово.

— Ладно, ладно, — проворчал Кутейба. — Давай, режь меня без ножа.

Хирут отсчитал ему деньги и без лишних разговоров выпроводил из лавки.

* * *

Вот уже несколько часов Кутейбе было не по себе. Все-таки не обделили его чутьем всемогущие боги. Жулику, доносчику, шпиону, вору — без чутья никак, сразу погибель. Лучше и не браться за это ремесло.

Мясистый длинный нос Кутейбы чуял неладное. Ему казалось, что за ним и его домом кто-то следит. Напрасно Кутейба пытался убедить себя в том, что это не так. Кому пришла бы на ум дикая фантазия шпионить за жалкой хижиной на краю города? Это же не дворец вельможи! Даже самому невзыскательному вору поживиться здесь нечем. Конечно, ближайшие соседи Кутейбы — такие же отщепенцы, как и он сам, — знали о роде занятий неприятного маленького человечка. Они и сами не чуждались подобных делишек. Кое-кто предполагал, что деньги у Кутейбы ворятся. Однако доносчик вряд ли хранит их у себя дома — в этом мнении все были единодушны.

А мстить Кутейбе... было некому. Он тщательно следил за тем, чтобы враги его в живых не оставались. Кроме того, в большинстве случаев никто так и не дознавался, чья именно рука написала очередной донос.

Да нет же, следить за убогой хижиной Кутейбы никто бы не стал. Да и что увидел бы соглядатай? Нищенскую обстановку, грязь, самого хо-

зяина, потягивающего дрянное пойло из плетеной бутылки...

Вспомнив о пойле, Кутейба вновь потянулся за своей уже изрядно опустевшей бутылью... и вдруг замер.

В доме явно кто-то был.

— Кто здесь? — слабо крикнул Кутейба.

Ответа не последовало. Однако чуткое ухо Кутейбы уловило какой-то подозрительный шорох. Хмель как рукой сняло.

— Что тебе нужно? — прошептал Кутейба, с тоской поглядывая на стену, где бесполезно болтался короткий кинжал в ножнах. Не дотянуться, не успеть. Тот, невидимый, уже подобрался — стоит совсем близко.

— Хочешь денег? Но их у меня нет...

Холодное лезвие коснулось его шеи. Кутейба так и не понял, каким образом невидимый шпион подкрался к нему столь незаметно.

— Выходи, — произнес тихий голос. Кутейбе почудилось, что голос этот — женский.

— К-куда? — заикаясь, спросил доносчик.

— Во двор. С тобой хочет кое-кто поговорить.

Кутейба, шатаясь, поднялся на ноги, еще раз поглядел на свой кинжал, понимая, что прощается с ним навеки, и осторожно двинулся к выходу. Он боялся даже бросить взгляд через плечо, так запугал его неожиданный посетитель. В тоне неведомого гостя звучала какая-то леденящая жестокость, словно Кутейба был для него не человеком, а нечистым насекомым, раздавить которое не составит ни малейшего труда.

Не успел он оказаться во дворе, как кто-то набросил мешок ему на голову, ловко натянул на плечи и скрутил ему руки.

— Эй! — придушиенно запротестовал Кутейба, дергаясь под мешком. — Мы так не договаривались!

— А с тобой, мразь, вообще никто ни о чем не договаривался! — раздался тот же голос.

На этот раз Кутейба ясно слышал, что говорит женщина. Проклятие! Мороз пробежал у доносчика по спине. Уж не сама ли Азания тайно вернулась в город, чтобы собственными руками расправиться с предателем? На нее это, правда, не похоже. Вбила себе, дурочка, в голову, что цель ее жизни — помогать людям. Даже ценюю собственной крови. Как легко пользоваться подобными глупостями, как просто обернуть себе на пользу все эти прекраснодушные заблуждения!

Нет, вряд ли это она. Не станет она убивать, мстить... или же прав Фонэн — от колдуны можно ожидать злодеяния в любое мгновение?

— Не убивай меня, милостивая госпожа Азания, — захныкал Кутейба, задыхаясь в мешке, душном и темном, как сама могила.

— Тебе не повезло, — презрительно отозвалась неведомая женщина. — Здесь нет Азании, которую ты так легко предал, отплатив ей за доброту черным злом. А я не намерена распускать с тобой сопли.

— Госпожа! — взвизгнул Кутейба, норовя пасть на колени. — Клянусь! Я отслужу тебе! Я

расскажу все, что знаю, о проклятом Фонэн! Это он меня заставил, он! Они меня... пытали! Хотели отрубить руки, клянусь — это правда!

Женщина холодно молчала. Она стояла рядом, и Кутейба почти физически ощущал, как от нее исходит ледяное презрение.

Он продолжал завывать:

— Я буду твоим верным псом, твоим рабом! Я выполню все, что ты прикажешь — любое твое повеление, клянусь моей кровью! Чего ты хочешь? Хочешь, я выслежу для тебя кого-нибудь? Хочешь, убью — тайно, так, что никто и не дознается? Я владею множеством приемов. Не всякий шпион и наемный убийца может похвалиться столь разнообразными и изощренными уменьшениями! Удушить шелковым шнуром, подкравшись сзади, пустить богатею кровь, пока он неожиданно в ванне в собственном дворце, едва ли не на глазах у слуг, да так, что никто ничего не заметит! Я все могу! У меня множество талантов! Я пригожусь тебе, госпожа!

Кутейба даже приободрился, заговорив о своих дарованиях. Ему, можно сказать, повезло, что на голове у него красовался мешок и он не мог видеть лица женщины, иначе шпиона парализовало бы от ужаса.

Бледное лицо молодой девушки было сейчас ужасным.

На чистых щеках покраснели шрамы, оставленные ножом. Глаза сузились, превратились в две пылающие от гнева щелки. Из-под шелкового платка на плечи падали тонкие длинные косы,

которые слегка шевелились, словно змеи. В руке она сжимала нож.

Но убивать Кутейбу было еще рано. Прежде необходимо кое-что у него выяснить.

— Ты посмел запачкать своей грязной пастью чистое имя госпожи Азании, — проговорила она.

— Я не... О, как я страдал! — взвыл Кутейба. — Но я не своей волей предал ее, клянусь! Я — жертва!..

— Чего стоят твои клятвы? — спросила девушка. И пнула изо всех сил Кутейбу по колену. — Отвечай!

— Мои клятвы... ни гроша... милостивая госпожа, пощады! — забормотал Кутейба, извиваясь в мешке. — Мои клятвы ни гроша не стоят, но я... я клянусь... я страдал... я жертва... Он меня вынудил!

— Кто?

— Фонэн! Проклятый душегубец! Это все его вина! Это его черная рука! Вот настоящее чудовище, без сердца, без сострадания!.. Он способен на все, он наполнил этот город страхом, болью, жестокостью! А раньше, бывало... какие тут были жирные курочки, беспечные горожаночки, толстые кошечки... И всем, заметьте, хватало места под солнцем.

Кутейба теперь заливался самыми неприворными слезами. Он оплакивал собственную участь и невозвратимое прошлое.

— А потом пришел к власти этот Священный Совет. Фонэн едва не убил меня, госпожа! Он вынуждал меня делать ужасные вещи! Нет счета

злодеяниям, которые я совершил по его приказу. Он, он — настоящий виновник!

— Итак, твой хозяин — Фонэн, глава Священного Совета, — повторила девушка. — А ты — несчастная жертва. Я поняла, поняла. Только мне ты не нужен. Отвечай, где вещи, взятые тобою в доме Азании?

— Я не брал... никаких вещей, — пролепетал предатель.

Элленхарда безжалостно угостила его новым пинком.

— Не лги!

— То есть... Ничего ценного не брал. Всякую мелочь. Так, на память. Безделушки, тряпки, бабские побрякушки. Совершенно дешевые, — прорычал Кутейба смиренно. — Жемчуг мелкий, с дефектами, сущая дрянь. Платья ношеные. Полотенца вышитые, но тоже не новые. Серебряные листочки помялись...

— Где все это? — холодно осведомилась Элленхарда.

— У одного перекупщика, госпожа, — с готовностью сообщил Кутейба. — Мелочная лавочка Хируга недалеко отсюда. Кстати, вот кто первостатейный жулик. Он тебя обдурит в два счета. С ним глаз востро... И ухо тоже востро, госпожа. И все равно обсчитает. Он покупает за бесценок, а потом продаёт так, словно это драгоценнейший товар. Жулик, одно слово — жулик.

Кутейба заметно приободрился. Кажется, напавшая на него женщина готова оставить его в живых в обмен на добровольное сотрудничество.

А менять хозяев — впрочем, как и служить двум господам одновременно, — такому закоренелому авурушнику, как Кутейба, не привыкать.

— Хирут? — переспросила Элленхарда. Она уже приняла решение, но Кутейба об этом еще не знал.

— Хирут, госпожа. Мелочная торговля. Неподалеку отсюда. Спроси — любой покажет. Ужасный скряга. И жулик.

Кутейба перечислил проданные лавочнику вещи осужденной, не уставая при этом поносить и скаредного скупщика, и злобного Фонэна.

— Скажи, ты веришь в каких-нибудь богов? — внезапно перебила его Элленхарда.

Кубейба опешил.

— Что?

— В богов, — повторила женщина.

Кутейба задумался. Желая угодить «госпоже», он совершенно искренне начал припоминать, каким же богам много лет назад молилась старуха, в доме которой он вырос... И не смог.

— Значит, не веришь? — сказала Элленхарда. — Жаль.

Кутейба мгновенно понял, что означают эти слова. Он громко зарыдал и упал на колени.

* * *

Посыльный был бледен и трясясь от ужаса. Но ему щедро заплатили за пустяковую услугу — доставить по определенному адресу небольшой пакет. Десять полновесных золотых за подобную

мелочь! Парень польстился на деньги и теперь проклинал себя за это. Новую жизнь себе за деньги не купишь, а в том, что она ему вполне может понадобиться, он уже не сомневался.

Человек, который нанял его на рынке, где юноша слонялся в поисках заработка, был одет в длинный плащ с капюшоном, низко надвинутым на глаза. Выглядел он довольно странно, если не сказать — подозрительно: узкоглазый, низкорослый, с приглушенным голосом. Впрочем, какая разница! Деньги есть деньги. Блеск золотых застил свет.

И парень согласился... и теперь вот уже в третий раз боязливо подбирался к воротам зловещего Вороньего Замка, резиденции Священного Совета в Феризе. Наконец он собрался с духом и постучал.

Когда за закрытыми воротами послышались твердые шаги стражника и лязгнул засов, юноша прикрыл глаза и слегка присел, явно полагая, что настал его смертный час. Однако ничего ужасного пока что не произошло. За ворота выглянул стражник — самый обыкновенный человек, в кожаном шлеме и плотном доспехе из вываренной кожи. На доспехе поблескивали медные заклепки. Юноша осторожно открыл глаза.

— Что тебе? — нетерпеливо спросил стражник. — Обнаружено еще одно ведьмовское гнездо? Принес известия о похитителях проклятой колдуньи, осужденной Советом? Коли так — выкладывай, и, если в течение трех дней твои сведения подтвердятся, получишь обещанную на-

граду. Если тебе угрожали колдуны — не бойся, за этими стенами ты найдешь защиту.

— Нет... — пробормотал посыльный. — Меня прислал... один человек...

— Имя?

— Я не знаю его имени. Он нанял меня на рынке, чтобы я доставил пакет главе Священного Совета. Вот и все, что я знаю.

— Как он выглядел?

— Пакет?

— Человек!

— Маленького роста, в плаще. Лицо скрыто капюшоном.

— Голос?

— Он шептал.

— Давай сюда пакет.

Юноша кивнул, не в силах больше вымолвить ни слова, и вытащил небольшой сверток, который держал до сих пор под мышкой. Едва лишь стражник взял пакет, как посыльный повернулся и бросился бежать со всех ног. Голова у него кружилась от страха, колени подгибались, но он мчался и мчался, пока ужасный Вороний Замок не оказался далеко позади.

* * *

Фонэн был нездоров. Официально Священному Совету было объявлено, что его терзает лихорадка. Никто не осмеливался разузнавать подробнее, хотя вряд ли кто-то верил этому объяснению.

О том, что происходит на самом деле с главой Священного Совета Феризы, знали лишь двое: сам Фонэн и его новый холуй и приспешник, который разоблачил черные дела господина Энчо и добился оправдания кузнеца — Кровопийцы Ара. Неожиданно для самого себя Тассилон сделался доверенным лицом жестокого и скрытного фанатика — просто потому, что оказался первым и единственным человеком, встретившимся на жизненном пути Фонэна, который отвечал прямо, не таил своих мыслей и умел хранить верность. Кажется, он был единственным во всей Феризе — даже в Вороньем Замке! — от кого Фонэн не ожидал удара в спину.

И потому Тассилон — знал.

Он знал о Фонэне все.

Болезнь, постепенно убивавшая главу Священного Совета, вовсе не являлась лихорадкой. Она имела другое, отвратительное Фонэну, ужасное наименование: магический дар.

Фонэн родился, наделенный этим даром. Боги посмеялись над ним, сделали его некрасивым, изуродовали его тело и вложили в него простую, честную душу. Душу, которой ненавистны были любые магические ухищрения. А магия так и рвалась с его пальцев, с его уст, вылетала молниями из его глаз. И поэтому люди считали Фонэна негодяем, лицемером, лжецом.

Он таил от окружающих свой дар. Учился подавлять его. Учился презирать его и втаптывать в грязь.

Став взрослым, Фонэн объявил магии беспо-

щадную войну. И почти преуспел. Теперь в Феризе — если не считать мелких заклинателей, убийц и безумцев, помешанных на поиске кладов, — оставался только один сильный и по-настоящему опасный маг. Сам Фонэн.

Держа в руках пакет, Тассилон осторожно приблизился ко входу в личные покой Фонэна. Остановился возле тяжелого бархатного занавеса. В Вороньем Замке не было дверей — все проемы занавешивались тканями, но чаще всего оставались открытыми. Так было заведено в древние времена, и Священный Совет не счел нужным что-либо изменять.

Фонэн, обессилев от долгой борьбы, полулежал в неудобном кресле. По полу были разбросаны книги, фрукты, лежало опрокинутое блюдо, несколько кубков, из которых, точно черная кровь, истекло густое вино. Искусанные, почерневшие губы мага кривились от боли. С пальцев слетали голубоватые молнии, с шипением уходя в каменные плиты пола. Фонэн застонал.

Тассилон коснулся занавеса:

— Господин!

Фонэн слегка приподнял голову. На месте его глаз зияли провалы, словно на лице мумии. Узкое лицо казалось постаревшим на десятки лет, оно стало коричневым, пергаментным.

— Кто здесь? — тихо спросил он.

— Я.

— Входи. — Фонэн слабо махнул рукой, и сноп голубых искр пронзил воздух.

Тассилон вошел в покой. От наэлектризован-

ного воздуха волосы сразу встали дыбом. Даже сквозь подметки он чувствовал, что каменный пол стал горячим.

— Какой-то человек принес пакет. Сказал — это тебе.

— Какой человек?

— Посыльный. Он ничего не знал. Был очень напуган, но это дело обычное.

— Разверни пакет.

Тассилон молча повиновался. Фонэн тускло смотрел на него и думал: «Никто другой не поступил бы так. Вдруг в пакете яд или змея? Сколько людей в Феризе мечтает убить меня! Нет, ни один из моих приближенных не осмелился бы вот так, не задумываясь, открыть этот сверток. Ни один. А этому, кажется, и жизнь не дорога.»

Тассилон поднял глаза и неожиданно встретился взглядом с Фонэном. Он даже вздрогнул: столько боли и вместе с тем странного, почти детского любопытства таилось на дне странных, измученных глаз главы Священного Совета.

— Тебе нехорошо, господин?

— Мне... хорошо, — отозвался Фонэн и облизнул губы. — Скажи, неужели ты не боишься?

— Чего?

— Меня, например.

Тассилон тихонько рассмеялся и оставил на время сверток — что-то круглое было завернуто во множество лоскутов и холстин, и каждый лоскут этой «капусты» был натянут завязан веревками, так что пришлось повозиться.

— Как я могу тебя бояться, господин? — сказал Тассилон. — До встречи с тобой у меня была довольно разнообразная жизнь. Из года в год в меня вколачивали страх, а потом я сам его из года в год из себя выколачивал. Теперь мне даже трудно представить себе, что могло бы меня по-настоящему испугать.

«Он не рисуется, — думал Фонэн, — он на самом деле такой».

— А вдруг в этом свертке змея или какое-нибудь устройство, которое должно обрызгать тебя смертоносным ядом? — спросил глава Священного Совета. Просто так, чтобы только не молчать.

— Мне кажется, я догадался, что это такое, — спокойно отозвался Тассилон.

Он снял последнюю обертку, и на пол с его колен выкатилась отрубленная голова Кутейбы.

И глядя на эту голову, Тассилон вдруг отчетливо понял: существует на свете только один человек, способный на подобную дерзость — вернуться в город, отрезать предателю голову и послать ее в пакете главе Священного Совета. Или это сделала Элленхарда, или Тассилон совершенно перестал понимать свою возлюбленную.

* * *

В доме Гарольда и Элизы было тихо, спокойно. Азания начинала поправляться. Ее пораненная при бритье голова заживала, волосы уже отрастали. Заживали и другие раны. Она уже поднималась с постели и сегодня вечером хотела

присоединиться к остальным за ужином. Горел камиин, пахло целебными травами. Слуги, неслышно ступая, разносили блюда и кувшины, накрывали на стол. Элиза негромко переговаривалась с братом.

— Я тоже заметил, — сказал Гарольд чуть громче, и одна из служанок украдкой бросила взгляд на хозяина. Он снова понизил голос. — Было бы странно, если бы Эдмун остался равнодушен... В конце концов, она очень красивая женщина. Даже сейчас, когда она похожа...

— ...на сломанную куклу, — заключила Элиза и вздохнула. — К счастью, человек — не кукла, его можно починить.

— Куклу тоже можно.

— Ты прекрасно меня понял. Не притворяйся. Азания оживает, и я нахожу, что это превосходно. И она в самом деле необычайно красива. И добра...

— Что тебя смущает, Элиза? — спросил Гарольд. — Да, твой сын уже взрослый. Он достаточно взрослый для того, чтобы держать в руках лук и стрелять в людей. Он достаточно взрослый для войны и смерти. Почему ты считаешь, что он недостаточно созрел для любви?

— Любовь опаснее смерти, — сказала Элиза.

— Не болтай глупостей!

— Если бы только это действительно были глупости... Эдмун — не маг, но дети от его брака с Азанией не могут не обладать магическими способностями. Я бы хотела, чтобы он нашел себе обычновенную девушку, самую обычновенную,

которая умела бы петь, стряпать, штопать одежду... и не умела бы заговаривать кровь или видеть веющие сны.

— Ах, сестра. — Гарольд покачал головой. — Магия — и благословение, и проклятие нашего рода. Лучше уж пусть Эдмун и его потомки заранее знают об этом. Представь себе только, что случится, если Эдмун женится на обычновенной девушки и от этого брака рождаются обычновенные дети.

— И очень хорошо, — упрямо повторила Элиза.

— Да, они будут обычновенными, но капля отправленной крови останется в их жилах. И спустя поколение среди самых обычновенных людей рождается необыкновенный ребенок, маленький маг. Никто не будет понимать, что с ним происходит. Над ним будут смеяться, его начнут опасаться, потому что он не позволит смеяться над собой безнаказанно. Другие дети в такой ситуации лезут в драку, а этот начнет метать в обидчиков молнии. Вспомни, Элиза, вспомни, как это бывает...

Элиза содрогнулась.

— Да, я понимаю, о чём ты говоришь...

— И если этого ребенка не убьют, — безжалостно продолжал Гарольд, — не растерзают разъяренные соседи или озлобленные подростки, то он вырастет в настоящее чудовище...

— Да, — прошептала Элиза.

— Так что пусть уж лучше твои внуки понимают, кто они такие, от каких родителей родились и какая опасность может им угрожать.

Гарольд поднялся, обнял сестру за плечи, легонько поцеловал в макушку, как делал в далекие времена, когда оба они были еще очень молоды.

— Не мешай своему сыну, Элиза. И не препятствуй Азании. Пусть прихорашивается и строит глазки. Бедняжка заслужила хотя бы немного счастья. А Эдмун, как мне кажется, способен дать любой женщине то самое огромное счастье, которого любая женщина заслуживает.

— Спасибо тебе за эти слова, — сказала Элиза. — Спасибо.

Ужин был накрыт, свечи зажжены, блюда расставлены. Слуги наконец удалились. Эдмун, его мать и дядя уселись за столом. Не было пока ни Элленхарды, ни Азании, но те вскоре появились. Элленхарда также приоделась, чего не могли не заметить хозяева замка: на гирканке было причудливое платье из желтого шелка, волосы убраны в высокую прическу, из которой тонкой плеткой падало шесть извивающихся косичек, и укращены убором из полоски шелковой ткани с нашитыми кругляшками монет. Лицо было безстрастным, как того требовали хорошие манеры, но уголки губ предательски изогнулись в улыбке: она прекрасно поняла значение изумленного взгляда, которым обменялись хозяева при ее появлении. Да, она была изумительно хороша — странной, немного пугающей, завораживающей красотой.

Следом за Элленхардой вошла и Азания. Бритую голову покрывала полуупрозрачная белая на-

кидка, которая подчеркивала удивительно чистое, правильное лицо с широко раскрытыми глазами. На ней было одно из старых ее платьев, на шее — узенькое ожерелье из речного жемчуга, которое светилось молочным светом, соперничая с белизной кожи.

Обе девушки прошли к столу и уселись — одна справа, другая слева от Элизы.

Ужин начался.

— Если бы Фериза не была окружена стенами, — туманно заговорила Элленхарда, — или если бы стены эти были прозрачными, интересно, что можно было бы увидеть?

— Много разной ненужной ерунды, — сказал Эдмун. Он не сводил глаз с Азании, чувствуя, что влюбляется в нее все больше и больше.

— Например, можно было бы увидеть, как один предатель и негодяй заходит в дом своей жертвы и забирает оттуда ее вещи, — продолжала Элленхарда. — Это зрелище отвратительное. Недостойное того, чтобы о нем упоминали за столь изысканным столом.

— Что верно, то верно, — подтвердил Эдмун.

Гарольд обменялся тревожным взглядом со своей сестрой. Оба чувствовали, что Элленхарда завела этот разговор неспроста. Кроме того, их удивляло платье Азании — откуда оно? Фравардин, правда, говорил, будто Элленхарда нынче утром опять брала лошадь — ездила кататься. Но гирканка часто уезжала верхом...

— И вот этот предатель идет в дом своей жертвы, забирает оттуда зеркало, платья, ожере-

лья — больше ничего нет, — и несет все это перекупщику краденого, а потом идет к себе домой и мечтает о большом богатстве... И тут к этому предателю является демон мщения!

— Кто? — удивился Гарольд.

Элленхарда ослепительно улыбнулась.

— Демон мщения! Вот кто! Потому что у меня в роду были настоящие духи! Мой брат — демон! Мой дедушка — Небесный Стрелок! Я — из рода богов! И я — демон мщения, когда захочу! А я захотела этого, и я пришла к предателю и отрезала ему голову.

Азания поперхнулась.

— Ты ничего не говорила мне об этом, когда принесла мои вещи... Зачем ты это сделала, Элленхарда?

— По-твоему, он заслуживал чего-либо иного? Может быть, мне следовало бы заключить его в сестринские объятия?

— Нет, конечно, но... — Азания слегка покраснела. — Я столько сил вложила в его исцеление... Как хрупок человек!

— Я, между прочим, тоже вложила кое-какие силы в это человеческое туловище. Особенно когда отрезала ему голову. О, Азания, стоит ли так печалиться! Каждая из нас делает свое дело: ты — спасаешь и исцеляешь, а я — настигаю и караю.

— Это... слишком жестоко, — прошептала Азания.

Элленхарда открыто захохотала:

— Клянусь богами моего клана, я получила

очень большое удовольствие и принесла его вам девственным. Потому что я не просто отобрала твои вещи, Азания. Я не просто забрала у них все, над чем они могли бы торжествовать! Я сделала лучше! Я подшутила над... главой Священного Совета.

И видя, каким мертвенным ужасом покрываются лица ее сотрапезников, гирканка окончательно пришла в развеселое расположение духа:

— Да ничего особенного. Я отправила ему голову предателя в пакете. Вместе с посыльным. Посыльного нашла на рынке. Не думаю, чтобы он мог меня разглядеть.

— Но Фонэн... — начала Элиза, замирая от ужаса.

Гарольд быстро схватил ее за руку, и она замолчала.

— Ты поступила неосмотрительно, Элленхарда, — сказал Гарольд. — Фонэн обладает особой властью. Получив голову предателя, он может догадаться, кто ее прислал, и тогда — горе нам всем!

— А как он догадается?

— Голова может рассказать ему! — сказала Азания.

— Мертвая голова не станет разговаривать с обыкновенным человеком, даже если он — большой начальник над другими людьми, — со знанием дела заявила Элленхарда. — Голова может ответить только шаману.

— Фонэн и есть шаман, — сказала Элиза, высвобождая свою руку из крепкой хватки пальцев

Гарольда. — Думаю, нашим гостям пора бы это узнать. Фонэн — великий шаман, и большая опасность грозит нам всем.

— Я не боюсь! — с вызовом сказала Элленхарда и расправила плечи.

— И я не боюсь! — выкрикнул Эдмун. — Для того меня и вырастили воином, чтобы я забыл о чувстве страха...

— А я боюсь, — сказал Гарольд. — И боюсь именно потому, что я — воин...

Глава шестнадцатая

Последнее колдовство

Выпадают в жизни такие дни, когда человеку дается передышка, остановка в бесконечном пути. Смертельно больного отпускает боль, воины перед решающей схваткой успевают насладиться одним или двумя вечерами, когда все еще вместе, когда никто не убит и не ранен и можно не думать об опасной битве с почти непобедимым противником.

Вот такие вечера проводили семья Гарольда, Азания и Элленхарда.

В камине трещали дрова, в чашах плескало густое, как кровь, вино, в гладкой поверхности которого дробилось пламя свечей, и текли неспешные разговоры.

Молодой Эдмун все больше и больше влюблялся в Азанию. Пушистые, светлые, короткие волосы странно обрамляли красивое лицо молодой женщины, и в этой красоте было что-то заво-

раживающее. Задумчивые глаза ее луцились, когда останавливались на Эдмуне.

Гарольд и Элиза знали, что дети от этого брака непременно будут наделены магическими способностями. Но они предпочитали не идти напрекор судьбе, заранее зная, как беспощадна она бывает тем, кто ей противится.

А Элленхарда понемногу начала скучать. Ей хотелось, чтобы все поскорее уже закончилось, и она могла бы снова, как и прежде, бродить по свету со своим сердечным другом — Тассилоном...

* * *

— Не побоишься? — Губы Фонэна кривились, когда глава Священного Совета задавал этот вопрос.

Тассион смотрел на него молча, с неподвижным лицом — этому он научился у гирканки. Давным-давно уже чернокожий разучился «бояться». И не то, чтобы страх был ему неведом — нет. Он знал и страх за собственную жизнь, и страх потерять любимую. Но бояться «вообще» — чего-то непонятного, даже ужасного?

...Кажется, с того дня минули тысячи лет, и теперь Тассион вспоминал о себе тогдашнем как о совершенно другом, чужом, постороннем человеке. Они с отцом пошли на кладбище — почтить память каких-то родственников. Каких — этого он бы сейчас уже не вспомнил. Да и не думал мальчишка ни о каких родственниках, дру-

гое было важно, другое осталось в памяти — этот день он провел с отцом. С отцом! У тогдашнего Тассилона был еще отец, любивший своего сына, рожденного от наложницы... Стоял жаркий летний день, над могильными камнями дрожало магево, кладбищенские травы пахли горячей пылью. Живой и любопытный мальчишка отошел от старших в сторону, принялся бродить самостоятельно, разглядывать надгробия — и потерялся.

Вот тогда он и испугался. Кричал, звал отца, шарахался от могил — ему все чудилось, что вот-вот высунется из-под земли костлявая рука и схватит его за загорелую лодыжку. Насилу отыскали его взрослые: он забился в самый дальний уголок кладбища, спрятался в густой траве и притаился.

А потом жизнь забросила его в такую преисподнюю, откуда это кладбище начало казаться недостижимым и блаженным раем. Ведь там были солнце, трава, запахи земли, свежих лепешек, что напекла мать для поминания умерших. Там был отец!

С тех давних пор страх перед тем, что может быть случится, оставил его. С тех пор он мог испугаться только той опасности, которую ясно видел перед собой, которую мог потрогать руками.

Что из этих мыслей своего подчиненного прочитал Фонэн? И умел ли он читать мысли? Во всяком случае, глава Священного Совета слегка улыбнулся, видя, как окаменели скулы Тассилона.

Улыбнулся? Много песка сменило место сво-

его обитания в гирканских пустынях с тех пор, как Фонэн в последний раз по-настоящему улыбался. Уголки рта Фонэна слегка дернулись — вот и все.

Они с Тассилоном все чаще понимали друг друга без слов.

Фонэн махнул рукой в сторону небольшого кривоногого столика, на котором лежала завернутая в шелк мертвая голова Кутейбы. Тассилон приблизился, развернул шелк. Фонэн бросил в курильницу горсть какого-то порошка, щедро зачерпнув полную горсть из коробки. Повалил разноцветный дым, что-то запело и залепетало в воздухе. Из узких окон башни вылетели дымовые клочья, и добрые жители Феризы, видя их, вздрагивают, вздыхают, делают пальцы «рогами», пытаясь отогнать от себя зло. Тетка Филема, зеленщица, сейчас, небось, качает головой и рассудительно говорит какой-нибудь покупательнице: «Опять прокля... Священный то есть Совет кого-то пытает адским пламенем. Ох, верно говорю: волчьи времена настали! Уйти бы из этой разнесчастной Феризы куда глаза глядят, да ведь как торговлю бросишь?!

Дым медленно окутывал мертвую голову. Фонэн, не оборачиваясь, сделал Тассилону знак смотреть внимательно и слушать в оба уха. Вот застывшие веки убитого шевельнулись, дрогнули и поднялись, обнажив глаза, в которых читались ужас и мука. Лицо покойника исказилось, губы поднялись над зубами, он скрипел — не то смеялся, не то грозил.

Фонэн приблизил лицо к этой жуткой образине и прошептал:

— Кто убил тебя?

— Не... знаю...

Хриплый низкий голос был еле слышен. Не приятной вибрацией он отзывался в костях, во всем теле слушающих. В этом голосе физически ощущались усталость и страх — настоящий смертный страх.

— Кто убил тебя? — безжалостно настаивал Фонэн. — Как он выглядел, твой убийца?

— Она... — мучительно вымоловили мертвые бескровные губы.

— Женщина?

— Почти... ребенок... гир...канка...

Тассилона вдруг пронзила дрожь, словно кто-то незримый вогнал ледяную иглу ему в затылок. Ребенок, женщина, гирканка! Это могла быть только Элленхарда! Кто еще решился бы на подобную дерзость?

— Где она? — настойчиво спрашивал Фонэн. — Где? Как она тебя высledила? Где скрывается? Где Азания?

— Он не знает, — прошептал Тассилон за плечом у Фонэна. — Он же сказал... Не мучай его, господин, отпусти. Пусть уходит туда, где тишина, покой и мрак.

Фонэн резко обернулся, метнул на него яростный взор:

— Мертвые знают больше, чем живые! Не вмешивайся — я знаю, что делаю!

Тассилон послушно замолчал.

— Сходи туда, откуда все видно, и назови мне это место! — приказал Фонэн.

— И ты... отпустишь... ме...ня? — медленно, жутким, нечеловеческим голосом прохрипел Кутейба.

— Да! — нетерпеливо бросил Фонэн.

— Кля...ни...сь...

— Я же сказал — да! — повторил Фонэн. — Не испытывай моего терпения.

Голова закрыла глаза, и воцарилось безмолвие. Затем она забормотала:

— Побережье... за...мок...

Фонэн вдруг побелел. Мановением руки он остановил говорящего, и голова, тотчас же застыв в мертвом оскале, замолчала.

— Распорядись, чтобы эту падаль закопали! — бросил Фонэн Тассилону. — Я должен отдохнуть.

Пошатываясь от усталости, он побрел к выходу из комнаты. Возле кожаного занавеса, закрывающего дверной проем, глава Священного Совета на мгновение остановился, схватился рукой за косяк, прикрыл глаза.

— Тебе дурно? — быстро спросил Тассилон. — Помочь?

— Я доберусь сам. Лягу в постель. Ты мне не слуга, не суетись. Если будут письма — принеси прямо к постели.

— Письма?

— Я уверен, — кривя узкие губы, произнес Фонэн, — что письма скоро появятся. Я должен был догадаться значительно раньше...

И он скрылся за занавесом.

Глава Священного Совета оказался прав: к вечеру того же дня стражник принес в башню послание — маленький кусочек коры, на котором было нацарапано всего несколько слов. Стражник растерянно вертел послание в грубых пальцах:

— Его святейшество отдыхает — не знаю, как и быть. Посыльный сказал, что, мол, немедленно доставить. Немедленно! Кто они такие, чтобы тут распоряжаться — верно я говорю?

— Давай сюда, — сказал Тассилон. — Я отнесу.

— Так ведь почивают, я слышал...

— Я тоже слышал. Он распорядился любые послания доставлять ему тотчас же.

— Он знал, что будут послания? — Стражник разинул рот от удивления.

— Господин Фонэн — провидец, — ответил Тассилон сухо. — Ему открыто многое из того, о чем мы с тобой и не подозреваем. Поэтому он приказывает, а мы подчиняемся. Давай сюда письмо.

И забрав кусочек коры, отправился к Фонэну в личную опочивальню.

Фонэн спал. Тассилон поразился тому, каким изможденным тот выглядел. Бескровный рот запал, как у старика, нос заострился, резко выступили скулы, кожа потемнела от усталости. Роковой магический дар сжигал главу Священного Совета. Фонэн горел изнутри. Он ненавидел этот ненужный дар и, пытаясь его уничтожить, уничтожал сам себя.

— Письмо, — негромко молвил Тассилон.

Фонэн тотчас открыл глаза.

— Покажи.

Тассилон бросил кусочек коры на покрывало. Покрытая морщинами и выступающими жилами рука Фонэна схватила кору, провела по ней пальцами, поднесла к глазам.

— Собирайся. Будешь меня сопровождать.

И — все. Ни слова больше. Но одного лишь красноречивого взгляда, полного боли и самого настоящего ужаса было достаточно, чтобы Тассилон повернулся и выбежал вон — исполнять приказание. В конце концов, не сам ли он только что говорил стражнику о том, что Фонэн — прозорливец, а дело прочих — не спрашивать ни о чем и подчиняться?

* * *

Ночью в степи холодно. Зато звезд на небе над степью куда больше, чем над городом, как будто в городских стенах им тесно. Ярко светит луна — настало полнолуние, и теперь светло, как днем. Каждую травинку видно. Только цвета обманчивы и призрачны, а расстояния плохо определимы: великая лгунья луна!

Тассилон едет на смиренной лошади позади Фонэна. Глава Священного Совета закутан в черный плащ с капюшоном, лица почти не видно. Он сильно сутулится в седле, как человек, которого гнетет тяжелое тайное горе.

Впереди темнеет громада замка, но путь двоих лежит не туда — мимо, мимо, подальше от чело-

веческого жилья. Тассилон не задает вопросов. Просто едет следом, полный безмолвной благодарности к Фонэну за то, что позволил сопровождать себя. Потому что — он догадывается — они едут навстречу убийце Кутейбы. «Женщина, ребенок, гирканка».

Путь кажется долгим — слишком долгим для того, кто столько времени томился ожиданием. Казалось бы — подождал месяц, подождешь и несколько лишних минут, но нет! Каждая из этих «лишних минут» растягивается словно бы на год.

Вот, кажется, наконец и цель их путешествия — одинокое дерево, некогда убитое молнией. Часть могучего ствола, расщепленного надвое, уже мертвa, но вторая половина отчаянно цепляется за жизнь, и весь ствол унизан тонкими зелеными прутьями молодых побегов. Под прикрытием этого дерева стоят люди. Кони их привязаны где-то сзади, их Тассилон пока не видит, только слышит храпение, да вот молодая кобылица, почувствовав приближение чужаков, тонко и нервно заржала.

Тассилон прищурился, пытаясь пересчитать темные невнятные тени. Один, два... Кажется, еще двое — вон там. И одна тень — которую он не спутал бы ни с чьей другой. Тень девушки с тонкими косицами.

Пятеро.

Фонэн остановил коня. Повторяя каждое движение своего спутника, остановился и Тассилон. Затем оба спешлились, бросив лошадей, двинулись навстречу ожидающим.

Те стояли неподвижно — смотрели. Затем вперед выступил мужчина — рослый, широкоплечий — и звучным голосом произнес:

— Здравствуй, брат.

— Здравствуй, брат, — отозвался Фонэн.

Луна освещала теперь всех семерых. Тассилон видел красивые лица Гарольда, Элизы, молодого Эдмуна. Рядом с юношой стояла Азания, ослепительно прекрасная в причудливом восточном наряде. С ее локтей свисали ленты, голову окутывало прозрачное покрывало, шитое черными и золотыми узорами в виде сплетающихся змей и цветов. Сверху оно было прихвачено тонким золотым обручем, под которым смеялись длинные брови и луцились огромные глаза. В руке она держала зеркало в оправе из мятых металлических роз.

А чуть поодаль, настороженная, как боевой лук, стояла Элленхарда. Ноздри ее тонкого носа чуть подрагивали — она сердилась. Зоркие глаза ощупывали окрестности — она не доверяла пришедшему и подозревала, что где-то в ночной тьме кроется предательство. Засада, отряд всадников, стражники с мечами наготове — что угодно. Она была готова ко всему.

Вот ее взгляд остановился на главе Священного Совета... Элленхарда чуть качнула головой — до слуха Тассилона донесся слабый звон, и он улыбнулся: гирканка по привычке вплела в косы старые обереги.

А затем Элленхарда увидела Тассилона, смуглое, почти черное лицо которого не сразу разгля-

дела в ночной темноте. Гирканка чуть подалась вперед. Луна залила ее лицо ярким светом, и Тас-силон прочитал на нем последовательно сменявшие друг друга удивление, гнев, настоящую ярость. Пухлые губы молодой женщины сжались, шрамы на ее щеках покраснели. Затем гирканка словно бы окаменела в неподвижности.

Гарольд приблизился к Фонэну еще на один шаг:

— Хорошо, что ты решился на эту встречу, брат.

— Я умираю, — просто сказал Фонэн. — Проклятая магия сжигает меня, как будто в моей утробе кто-то запалил факел. А вы... — Он медленно обвел глазами своих родственников. — Вы не навидели меня с самого детства! За то, что я не похож на вас. За то, что хромой, за то, что умею читать ваши мысли...

— Ты был дрянным, злым мальчишкой, — спокойно молвила Элиза. — Я помню, как ты ломал моих кукол, как щипал служанок, как наступал на ноги старому лакею. Ты привязывал к собачьим хвостам паклю и поджигал, ты выкалывал глаза птенцам сокола...

— Когда же вы наконец поймете, что я страдал! — почти выкрикнул Фонэн.

— И причинял боль другим — вот как ты лечил свое страдание! — выговорила Азания. — Сперва ты мучил своих домашних, а потом достиг власти и принялся терзать целый город!

Фонэн остановил ее взмахом костлявой руки:

— Молчи, женщина! Если даже тебе суждено

было стать моей последней жертвой — пусть хотя бы сострадание заградит твои уста! Я не желал тебе зла. Я хотел лишь освободить тебя от колдовского дара.

— Но я не хотела освобождаться.

— Ты неразумна, как все люди.

— Почему ты взял на себя власть решать за других? — горячо спросила Азания.

Фонэн презрительно усмехнулся:

— Потому что другие сами дали мне эту власть!

— Не слушай его! — выкрикнула Элиза. — Он лжет!

— Неправда! — яростно возразил Фонэн. — Завистливая маленькая жаба, я помню, какой ты была, Элиза!

— Те годы давно миновали, — напомнил Гарольд. — А что касается зависти... Помнишь, ни одна женщина не соглашалась даже за деньги прикоснуться к тебе? Помнишь, как тебе отказалась продажная любовница? Помнишь?

Фонэн молчал. Он помнил.

Незнакомые мужчины не всегда догадывались, какое проклятие тяготеет над этим хмурым молодым человеком с непривлекательным лицом и покалеченной ногой, но женщины — те чувствовали сразу. Особенно после того, как он прикасался к ним. Вздрагивали, бросали на него испуганный взгляд, затем их лица искажало отвращение, и они поскорее покидали его — уходили прочь под первым попавшимся выдуманным предлогом.

Гарольд был прав. Фонэну отказывали даже проститутки.

И тогда он подстерег в отцовском доме служанку, схватил ее поперек туловища, утащил в свою комнату, как паук муху. Он жадно рвал с нее одежду, царапая ее молодое тело, а она безмолвно отбивалась, и в ее глазах был ужас, ужас — ничего, кроме ужаса... Это была развеселая девица, она охотно занималась любовью со всеми мужчинами, какие только попадались ей на пути: и с сыновьями хозяина, и с немолодым конюхом, и с совсем юным поваренком, и с заходящим торговцем.

И только ему, Фонэну, она отказывала, всякий раз сторонясь и прижимаясь к стене, когда он проходил мимо.

Почему? Почему?

Он набросился на нее, как дикий зверь. Она не кричала. Смотрела на него безмолвно, и в ее широко раскрытых глазах плескались страх и омерзение. Словно он сам был какой-нибудь отвратительной жабой, скользкой, бородавчатой... Но проклятье, это же было не так! Конечно, он был хром и не вполне хорош собой — но всяко не хуже, чем конюх, пропахший лошадиным потом и запахом седел!

Когда Фонэн закончил, девушка была мертва. Что убило ее? Сила ненависти? Магия?

Фонэн не знал. Он не хотел ее смерти. Он никого не хотел ни убивать, ни мучить. Тот жуткий, бесполезный, разрушительный дар, который он унаследовал вместе с отравленной кровью

своих предков, уничтожал все, к чему он ни прикасался.

С тех пор Фонэн избегал женщин. Он избегал всех, к кому мог испытывать какие-либо чувства, кроме сострадания.

А сострадание он испытывал лишь к себе подобным.

И освобождал их от проклятия магии.

Теперь настал его черед. Он был готов встретить смерть с высоко поднятой головой. Эта участь его не страшила.

— Слушай, брат, — сказал Гарольд, — оставим прежние споры. Никто здесь не желает тебе зла.

— И я никому не желаю зла, — спокойно отозвался Фонэн. — И никогда не желал.

— Это правда, — вмешался вдруг Тассилон. Он и сам от себя не ожидал подобной дерзости. Но Фонэн был сейчас один против всех — как жил один против всех всю свою жизнь, и Тассилон внезапно понял, что это несправедливо. — В душе этого человека много горечи, но много и искренней муки, и желания добра. Вы не понимали его.

— А ты кто? — прищурился Эдмун. — Кто ты такой? Новый прихвостень?

— Я его друг, — ответил Тассилон.

— Друг? — удивленно протянул Эдмун и коснулся локтя Азании, которая вдруг покраснела и оскорбленно сжала губы. — Да разве у такого, как Фонэн, могут быть друзья?

— Если у него могут быть братья и сестры, — парировал Тассилон, — значит, могут быть и друзья. Мой сводный брат говорил: «Брат — это друг,

данный человеку самой природой». Если кровь обманывает, то не обманут разум и понимание.

— Это ты о себе? — фыркнул Эдмун. — Это у тебя — разум и понимание?

— Может быть, — сказал Тассилон.

Элленхарда еле заметно улыбнулась. Ей нравилась эта дерзость, и он понял это.

— Мы знаем, как освободить тебя, Фонэн, — сказал Гарольд. — Ты действительно не виноват в том, что единственный из нашего поколения унаследовал магический дар. Эдмуна эта беда обошла стороной...

— К счастью, — добавила Элиза.

Фонэн теперь молчал — слушал.

Гарольд продолжал:

— Стой спокойно, не двигайся. Мы попробуем избавить твоё тело от этого огня.

Гарольд, Элиза, Эдмун и Азания окружили Фонэна, оттеснив Тассилона в сторону. Он воспользовался случаем стать поближе к Элленхарде. Она смерила его холодным взглядом, и у Тассилона упало сердце: да что же это такое! Разве не сама она оставила его в Феризе, когда умчалась вместе со спасителями колдуны?! Почему же теперь она отворачивает от него лицо?

Впрочем, спустя миг даже эти мысли вылетели у него из головы, так необычно и страшно было происходящее под мертвым деревом.

Азания высоко подняла над головой зеркало. Из пальцев Фонэна вдруг вылетела синеватая молния и ударила прямо в середину зеркала. Азания вскрикнула, пошатнулась, но Эдмун под-

держал ее, а Гарольд крепко схватил за руку, не позволяя выронить зеркало. Еще одна молния, еще одна. Фонэн безмолвно стискивал зубы. Его худое тело сотрясала крупная дрожь, черный плащ освещался изнутри, как будто под ним пробегали светляки.

Молнии словно разрывали тело главы Священного Совета, вылетая из него одна за другой. Они били и били по зеркалу. От напряжения Азания была белой, как мел, но зеркала не опускала. Оно уже покернело и слегка дымилось.

Фонэн захрипел. С его губ закапала пена, она сделалась розовой, потом красной. С жутким булькающим звуком хлынула из горла кровь. Фонэн упал на землю, корчась и извиваясь. Кровь заливала его лицо и откинутую в сторону левую руку. Ноги принялись стучать по земле, отбивая предсмертный танец.

— Они убивают его! — шепнул Тассилон.

Последние слабые молнии пробежали по умирающему телу и с легким шипением коснулись зеркала. Фонэн еще раз вздрогнул на земле и затих навсегда.

Азания разжала онемевшие губы и громко застонала. Зеркало выпало из ее руки и рассыпалось в пыль, едва лишь коснулось твердой почвы. Ладонь Азании была обожжена почти до кости. Она плакала от боли и старалась не смотреть на свою руку, а растерянный Эдмун целовал ее здоровую ладонь и тоже едва не плакал.

Гарольд склонился над телом своего брата.

— Он мертв? — тихо спросила Элиза.

— Мертвее не бывает, — ответил Гарольд.
— Мы убили его! — горестно молвила Элиза.
Гарольд бережно обнял ее за плечи:
— Не горюй. Мы сделали все, что в наших силах. Ведь мы не маги, да и Азания немногое умеет. Мы честно пытались спасти его, и он об этом знал.
— И все же мы его убили, — повторила она. — Мы убили нашего брата.

— Мы освободили его, — сказал Гарольд. — Теперь он может уйти в мир покоя и безмолвия.

Эдмун помог Азании сесть в седло и сам уселся позади девушки — она не смогла бы сейчас управлять лошадью. Тассилон безмолвно присоединился к остальным. Он знал, где его место, — там, где Элленхарда. Что бы она об этом ни думала.

Они возвращались в замок молча. Все были слишком измучены для того, чтобы разговаривать. Лошадей бросили на попечение сонного Фравардина — старый слуга спал вполуха, ожидая возвращения господ. Он бросил подозрительный взгляд на Тассилона, но, видя, что господа не обращают на нового гостя никакого внимания, решил отложить расспросы до утра. Впрочем, Тассилон вел себя не как гость — он помог старику расседлать лошадей и заснул прямо в конюшне прежде, чем Фравардин успел предложить ему ужин и приличную постель.

* * *

Элленхарда явилась на конюшню утром. Обошла лошадей, одну погладила по морде, другую

похлопала по шее, третьей прошептала ласковое словечко.

Лошади помаргивали и поглядывали на нее так, словно о чем-то догадывались. Впрочем, Элленхарда в этом и не сомневалась: коням ведомо куда больше, чем людям.

Тассилон спал, подложив под голову седло. Девушка остановилась над спящим, сердито разглядывая его. Хорош, нечего сказать! Как он мог — вместо того, чтобы разыскать ее в замке, остаться в городе и в конце концов попасть в услужение злому врагу ее друзей? Да еще и другом его называть! Как он мог бросить ее? А теперь, гляди ты, спит — и горя ему мало!..

Она тосковала по Тассилону в разлуке. Это открытие испугало Элленхарду и рассердило ее. Вот еще не хватало!

Тассилон пошевелился и открыл глаза. И сразу натолкнулся на гневный колючий взгляд!

— Пробудился? — осведомилась гирканка. — Сладко ли выспался?

— Да, — ответил он и сел. — Благодарю тебя за этот вопрос.

Она топнула ногой:

— Почему ты всегда такой! Почему я должна тебя разыскивать?

Тассилон взял ее за руки и усадил рядом с собой. Обнял за плечи, прижал к себе. Она сердито всхлипнула.

— В этом городе нам больше нечего делать, — сказала она. — Сидя на одном месте, Арригона не найдешь.

— А ведунья? Она не может разглядеть его в каком-нибудь волшебном зеркале?

Элленхарда безнадежно махнула рукой:

— Ведунья! Одно только название! Эта Азания, из-за которой мы оба чуть не потеряли голову, ведает лишь травками да припарками, может заговорить кровь или больной зуб, а толку-то? Ничего она не видит, ни в прошлом, ни в будущем, и сквозь расстояние тоже ничего не углядывает. Молодой Эдмун поет ей песенки про то, про это, а она знай себе наряжается и глазками хлопает.

Элленхарда очень смешно передразнила — как именно красавица Азания «хлопает глазками». Тассилон засмеялся.

— По сравнению с тобой, госпожа моя, любая раскрасотка не лучше раскрашенной куклы — знаешь, из тех, что шьют из старых тряпич и размалевывают угольком.

Элленхарда покосилась на него. Она до сих пор не могла поверить, что вызывает у мужчины такое сильное чувство, сродни поклонению. Но Тассилон говорил совершенно серьезно. Для него существовала только одна женщина на свете. И за ней он был готов пойти куда угодно, даже туда, где волны Мирового Моря с ревом бьются о панцирь гигантской черепахи.

* * *

Они объявили хозяевам замка о своем отъезде вечером, за общим ужином. Те не стали удержи-

вать гостей. Фонэн был мертв, страшная тайна семьи — раскрыта и тотчас погребена под слоем пепла; последний представитель их рода нашел себе невесту — впереди была новая жизнь. Кроме того, хозяев замка заметно смущал Тассилон. Они не представляли себе, как к нему относиться. С одной стороны, он был слугой или даже «другом» Фонэна — их заклятого врага. С другой, Элленхарда так и сияла, когда встречалась с ним глазами, и по всему было заметно, что они уже давно путешествуют по свету вместе.

А Эдмун, далекий от всех этих тонкостей и сложностей, беспечно рассуждал о том, об этом со своей нареченной. Но под конец вечера разговор сделался общим — речь зашла о мере человеческой свободы, о верности и предательстве.

— Тут и обсуждать нечего, — фыркала, ссыдясь, Элленхарда. — Человек всегда знает, где правая у него рука, а где левая.

— Да, но встречаются левши, — возражала Элиза.

— Левша хорошо понимает, что делает правой рукой то, что другие люди делают левой, и наоборот, — не соглашалась Элленхарда. — Ради одного-двух уродов не следует менять местами стороны горизонта. Солнце не взойдет на западе ради чьего-нибудь каприза.

— Мне кажется, многие так называемые «правильные люди» остаются добродетельными только благодаря случайности, — несмело подняла голос Азания.

Элленхарда круто взвела левую бровь:

— Потрудись объяснить, женщина!

— Хорошо. — Азания отпила из своего кубка, стараясь унять волнение. В присутствии Элленхарды ей всегда делалось не по себе. — Большинство из тех, с кем я имела дело, — добрые горожане, жители Феризы, — ни разу не бывали поставлены в такие условия, когда надлежит проявить волю... дать оценку и поступить соответственно. Они живут как живется, и им не приходится делать выбор. А вот если жизнь повернется так, что выбор делать придется... Многие ли поймут, где правая у них рука, а где левая?

— Немногие, — неожиданно поддержала Азанию Элиза. — Мне не раз приходилось в этом убеждаться.

— А я думаю, — сказал Гарольд, — что внутри у каждого человека должен жить голос совести. И этот голос всегда подсказывает, какое решение является истинным, а какое — ложным.

— Попробуй еще услышать этот голос! — задорно произнесла Элиза. — Жить-то хочется!

— Честь дороже, — высокомерно молвила Элленхарда. Гарольд решил немного сменить тему:

— В таком случае, открой нам, Элленхарда: что ты намерена делать дальше твоей правой рукой?

— Моя правая рука — Тассилон, — сказала гирканка, — у него и спрашивайте.

Она коснулась его локтем. Он поднял глаза:

— Думаю, нам стоит навестить моего брата Эйке. Когда сегодня я назвал его имя, мне вдруг показалось, что я ему нужен.

Глава семнадцатая Свобода

онан увел Инаэро в комнаты, которые занимали наемники, устроил там поудобнее, дал выпить вина и велел перестать лязгать зубами, трястись и быть невнятным.

— Если ты желаешь добра нашему нанимателю, то бояться тебе нечего. Ты — среди друзей, — заверил его киммериец.

Вульфиле ухмылялся с устрашающим добродушием, натирая гигантские бицепсы маслом. Он собирался поупражняться в саду с большой дубиной — своим любимым оружием. Арригон лежал в полумраке и скучно глядел на потолочную балку, расписанную синими цветами. Он делал вид, что ему неинтересно, хотя на самом деле гирканец слушал разговор чрезвычайно внимательно.

Инаэро смотрел на Конана так, словно видел в киммерийце якорь своего спасения. В конце концов Конана это стало раздражать.

— Где Бертен? — обернувшись к своим спутникам, спросил варвар.

— Созерцает струи фонтана, — ответил Арригон после короткого молчания. — Сказал, что ему хочется наполниться видом прекрасного. Или что-то в таком роде. Должно быть, слагает стихи о бренности всего сущего.

— Вульфила, приведи его сюда, — сказал варвар.

Огромный асгардец уставился на Конана, чуть приподняв бровь.

— Приведи его, — повторил Арригон.

— С-снюхались, — вздохнул Вульфила. — З-заке и-не быть к-командиром отряда!

— Как хорошо, что ты это сам понимаешь, — сказал Арригон. — Приведи, пожалуйста, Бертена.

Вульфила, шумно топая и сопя, вышел и вскоре вернулся с принцем. Тот имел крайне недовольный вид и хмурился. Вульфила тащил его за собой почти насильно.

— В чем дело? — осведомился Бертен. — Я согласился на ваш план и притворяюсь тупым и грубым наемником, чтобы меня не узнали раньше времени, но не думаете же вы, что я действительно отправлюсь с вами в Кхитай, охраняя этот глупый торговый караван...

— Разумеется, нет, — сказал Конан с насмешливым поклоном, — но дело, по которому мы призвали вас на совещание, ваше высочество, имеет государственное значение.

Инаэро моргал, не зная, как относиться к происходящему. Что означает обращение «ваше вы-

сочество»? Инаэро не видел никакого «высочества» — перед ним был юноша в потрепанной одежде, и выглядел он так, словно несколько месяцев назад перенес тяжелую болезнь и только теперь начал оправляться.

— Так, — не без удовольствия проговорил Конан и устроился поудобнее в углу, на подушках, набитых соломой. — А теперь, дружок Инаэро, рассказывай.

И Инаэро, беспокойно водя глазами с одного лица на другое, рассказал все, о чем слышал. Он вдруг разом сдался. Терять ему было уже нечего.

— Орден Павлина? — удивился юноша, которого называли Бертеном. — И Арифин его возглавляет?

— Ты знаешь Арифина? — удивился в свою очередь Инаэро.

Бертен посмотрел на него высокомерно и вместе с тем задумчиво.

— Да. Мелкая сошка, торговец. Он поставляет моему брату наркотики. Они оба делают вид, будто речь идет о женщинах и благовониях, но весь дворец знает: это черный лотос.

— Дворец? — глупо брякнул Инаэро и замолчал, прикусив язык.

— Тебе же сказали, — напомнил Конан, — перед тобой наследный принц Бертен. Разве ты еще не понял этого?

Инаэро упал на колени. Не из почтительности перед высоким саном потрепанного юнца, а просто оттого, что ноги больше не держали его. Слишком много потрясений за один день.

Аригон со своего места проговорил отчетливо и внятно:

— Картина получается отвратительная. Арифин кормит старшего сына наркотиками и постепенно превращает его в идиота. Тот же Арифин содержит огромную шпионскую сеть по всему Хоарезму. Одна из его задач — разорить нашего хозяина. Мне почему-то кажется, что эта задача — так, мелочь, а настоящая цель Арифина в другом.

Конан кивнул.

— Не готовит ли он покушение на самого правителя Хоарезма? Как бы это узнать?

— Мой отец почти не покидает дворец, — сказал Бертен. — Он нечасто выезжает на охоту.

— Отравить человека можно и в его постели, — сказал Арригон тоном заправского дворцового заговорщика.

— Вряд ли. Яд сразу обнаружат, и первое подозрение падет на того, кто снабжал принца Хейто наркотиками, — сказал Бертен.

— Почему? — удивился Инаэро. Теперь он уселся и старательно делал вид, что является полноправным участником разговора.

— Иди умойся, — бросил ему Конан.

— Но я должен вернуться в школу каллиграфов и доложить, что все прошло успешно, — возразил Инаэро.

Конан безнадежно махнул рукой, а Бертен снизошел до объяснений:

— Арифина заподозрят потому, что он имел дело с запретными зельями. Это проще простого.

— Смерть властителя должна иметь вид естественный, — продолжал свою мысль Арригон. — Подумай хорошенько, принц, не представится ли убийцам удобный случай подстроить несчастье с правителем?

— Может быть, жертвоприношение коней... — растерянно проговорил Бертен. — Мой отец должен будет принести в жертву коней... Лошадь — животное опасное.

— Подходит, — кивнул Конан. — Скоро ли это должно случиться?

— Да.

— Поспешим, — решил Конан. — Я думаю, настало время представить принца Бертена его отцу. Инаэро останется здесь. Возвращаться ему опасно. Отправим в школу раба с сообщением о том, что у Инаэро слишком много работы, и он задержится в доме Эйке до темноты.

Инаэро попытался что-то возражать, но его даже не слушали, и он неожиданно для себя обмяк и успокоился. Эти двое, гирканец и киммериец, знали, что делают. Похоже было, что оба не раз уже ворочали государственными делами. Инаэро почувствовал себя в надежных руках. «Хорошо бы, чтобы и Хоарезм испытывал то же самое», — подумал молодой человек, забиваясь в угол и стараясь не обращать внимания на насмешливые взгляды могучего Вульфила.

— Идем, черномазый, — добродушно пророкотал великан, — я т-тебе п-покажу, где м-можно умыться... А то г-глядеть на теб-бя срамно...

Но дурная весть опередила Конана и Бертена.

Как-то разом заголосили в доме женщины, заговорили громкими голосами мужчины.

— Что-то случилось, — сказал Конан, хмуриясь. — Как невовремя!

Бертен молча остановился рядом с киммерицем. Они оба стояли посреди двора, прислушиваясь к тому, что происходило внутри комнат.

— Не может быть! — долетел наконец резкий мужской выкрик.

Точно по команде, разом взвыли женщины.

— Кто-то умер, — определил Бертен.

Во двор широкими шагами вышел Эйке. Его просторная белая одежда развевалась от быстрого движения. Лицо хозяина дома было взволнованным. Заметив своих наемников, он остановился, как будто споткнулся, а затем овладел собой и тряхнул головой.

— В городе несчастье, — сказал Эйке, обращаясь к своим солдатам. — Сегодня утром принц Хейто был найден мертвым в собственных покоях. А второй наследник престола, Бертен, до сих пор неизвестно где. Правитель даже не знает, жив он или умер. Город погружен в отчаяние. К счастью, наш государь еще не стар и может иметь детей, но, к несчастью, эти дети вырастут еще нескоро и достигнут зрелости к тому времени, когда государь будет уже дряхл...

— Да, нет ничего хуже, чем малолетний наследник трона, — согласился Конан с таким видом, словно наблюдал такое не раз и с самого близкого расстояния. — Однако отчаиваться рано, господин, потому что младший сын правите-

ля жив и, надеюсь, со временем сделается достойным государем.

Эйке моргнул.

— О чём ты говоришь, солдат? Разве до тебя не доходили слухи о его безрассудной храбости, о его гибели на берегу озера Вилайет?

— До меня много кто доходил, почтенный Эйке, — многозначительно заметил Конан. — Вот, например, мой товарищ.

Эйке скользнул по невзрачной фигуре раскованного принца небрежным взглядом.

— Да, — ответил наконец хозяин дома, — я нанял его только потому, что об этом попросили такие отменные воины, как ты, Вульфил и Арригон. Сказать по правде, сам бы я его нанимать не стал. Сдается мне, воин из него посредственный, да и опыта у юнца в любом случае маловато. Но я согласен с вами: солдат должен учиться своему ремеслу. Наставники у него хорошие, так что с годами из парня выйдет толк...

Бертен побледнел и закусил губы, а Конан захотел.

— Позволь представить тебе, господин: наследный принц Бертен, младший и теперь единственный сын хоарезмийского владыки! Неужели ты не узнал его?

Бертен вскинул голову, в очередной раз до смешного напомнив Конану птицу, в которую был превращен волей злого колдуна. Эйке поджал губы. Он не знал, потешается ли над ним киммериец или же говорит серьезно.

С одной стороны, как этот ничтожный пар-

нишка может оказаться наследником? С другой стороны, Эйке вдруг начал замечать сходство...

— Принц, — выговорил он и поклонился. — Какое неожиданное счастье! Мне неслыханно повезло, что я предоставил тебе кровь!

Бертен чуть склонил голову набок, моргнул по-птичьи, бормотнул: «Сон, сон...» и затем проговорил:

— Твоя ошибка вполне объяснима — ты ведь не ожидал меня увидеть. Да еще в столь неподобающей одежде.

— Это правда, — согласился Эйке, — и надеюсь, что это послужит мне оправданием.

— Теперь, когда мой брат мертв, моему отцу угрожает опасность... — начал Бертен, но Конан непочтительно перебил его:

— Выслушай нас, Эйке. Ситуация отвратительная. Правителю угрожает заговор. И глава заговорщиков — не визирь, не вельможа и даже не родственник, а ничтожный торговец, но тайная власть его велика. Если не принять мер...

— Я понял, — быстро перебил Эйке и вздохнул. — Жаль, здесь нет моего брата Тассилона.

— Зато здесь есть Конан из Киммерии, — сказал Бертен. — Человек государственного ума!

И чуть заметно усмехнулся.

Конан пропустил насмешку мимо ушей.

— Можно было бы, конечно, заставить Арифина проявить себя, совершив еще несколько преступлений... Но мне кажется, будет гораздо разумнее просто явиться к отцу Бертена и открыть ему все. Надеюсь, он нам поверит.

— Я тоже, — сказал Эйке, готовясь уйти. Но Конан остановил его:

— Здесь твой бывший приказчик, Инаэро.

Эйке остановился и обернулся. На его лице было написано искреннее удивление.

— Инаэро? Что он здесь делает?

— Пытается тебя спасти, — сказал Конан. — Он не брал того шелка, в краже которого ты обвинил его. Более того, этот парень, несмотря на всю свою слaboхарактерность, не держит на тебя зла.

— Я не обвинял его в краже, — горячо сказал Эйке. — Я просто...

— Ты просто выставил его на улицу как человека запятнанного, — сказал Конан. — Поступок разумный, но не слишком милосердный. Впрочем, я поступил бы на твоем месте точно так же. Однако сам Инаэро — не таков, и у тебя есть возможность в этом убедиться. Он пришел сообщить о заговоре. Ты — очередная намеченная жертва.

— Я? — удивился Эйке. — Конечно, у меня есть враги, но какое отношение моя скромная персона имеет к дворцовому перевороту?

— Никакого, просто ты не угодил одному из членов этой милой компании заговорщиков, — объяснил Конан. — Кажется, его зовут Церинген. Тебе знакомо такое имя?

Эйке молча кивнул. Других объяснений ему не потребовалось.

— Вот и отлично, — заявил Конан. — Теперь скажи мне, господин Эйке, есть ли у тебя близкие друзья среди дворцовых слуг?

— Игельгус, старший и доверенный писец его величества, давний друг моей семьи, — сказал Эйке. — Можешь обратиться к нему. Он поможет вам обоим проникнуть во дворец. Думаю, принцу не стоит бить кулаком в ворота и взывать: «Пустите меня к отцу, я — спасенный принц Бертен!» Его могут убить прежде, чем он окажется во дворце.

— Разумно, — кивнул Конан.

— Кто посмеет убить меня на глазах моего отца? — высокомерно спросил Бертен.

— Во-первых, твой отец может этого и не увидеть, — успокоил своего спутника киммериец, — а во-вторых, ему просто скажут, что ты ненормальный. Так что набрасывай на голову покрывало, как странник, и идем. Игельгус? Я запомню.

* * *

После того, как принц Хейто был обнаружен в спальне мертвым, с синим лицом и почерневшими веками, среди рассыпанного горстями порошка черного лотоса, во дворце поднялась настоящая буря. О дурных пристрастиях принца хорошо знали, но никто не предполагал, что он погибнет так рано и, судя по всему, от собственной глупости.

Когда у ворот появилось двое странников, никто не обратил на них должного внимания. Конан и его товарищ вошли во двор со стороны конюшни, постояли немного, осваиваясь посреди суматохи. Конан фыркнул, видя, как некоторые

слуги под шумок вытаскивают из покоев мертвого принца какие-то вещи. Он задержал одного такого хапугу и спросил его как ни в чем не было:

— Где бы мне найти доверенного писца Игельгуса?

— Пусти! — слуга дернулся и недовольно сморщил лицо. — Кто ты такой, бродяга? Почему пристаешь ко мне?

— Так хочу, — объяснил Конан. — Где Игельгус? Мне он нужен!

— Как ты вошел сюда?

— Воротами, — сказал Конан. — Ты объяснишь мне, где найти Игельгуса, или я должен сломать тебе шею и подыскать себе другого провожатого?

— Пусти, — обмяк слуга, — я провожу тебя.

— Вот и хорошо, — сказал Конан. — А золотой кубок лучше сомни как следует и отнеси на Блошиный рынок. Там неплохо платят за краденый золотой лом.

— Ты грязное животное, — объявил слуга не без достоинства. — Я несу этот прекрасный кубок моему господину.

— Угу, — сказал киммериец и воздержался от дальнейших комментариев.

Покои Игельгуса во дворце представляли собой две небольшие комнаты с решетчатыми ставнями на окнах, выходящих во двор. В одной помещались писчие принадлежности, в другой — тахта и низенький столик с напитками, предназначенные для часов отдохновения. Жил Игель-

гус в другом месте, у него имелся собственный дом в Хорезме.

Но сейчас старший и доверенный писец находился во дворце, и слуга представил ему «бродяг и оборванцев, которые для чего-то желают видеть твою милость», после чего быстро убежал. Он не хотел видеть, какая сцена разыгралась между царедворцем и странными людьми, ворвавшимися во дворец.

Первым вошел Конан. Он быстро огляделся по сторонам, но в помещении никого не было, кроме пожилого человека весьма достойной наружности. При виде чужака старик привстал на тахте.

— У нас несчастье, — проговорил Игельгус, — так что ты извиниши мой огорченный вид, неизнакомец.

— У вас — большое счастье, — возразил Конан, — и это счастье пришло со мной.

Старик поморгнул, озадаченный.

— Если это счастье здесь, то почему же я его не замечаю? — спросил он наконец.

Вместо ответа Конан протянул руку назад и взял за локоть Бертена, прятавшегося за спиной киммерийца.

— Иди сюда, — велел он молодому принцу. И втащив его в комнату, сдернул покрывало с головы юноши. — Смотри, Игельгус! — обратился варвар к старшему писцу. — Раскрой свои старые глаза пошире и посмотри хорошенъко!

— Великие боги! — старик даже подскочил. — Это же... наследник!

Он схватил Бертена за руки, прижался к ним лицом и заплакал.

— Мы уже отчаялись увидеть тебя живым! — всхлипывал старик.

Конан чуть тряхнул его за плечо.

— Не время проливать слезы, — сказал киммериец недовольным тоном. — В городе созрел заговор. Я нарочно доставил Бертена сюда, потому что для надлежащей встречи наследника у нас нет времени. Правитель должен немедленно арестовать всех участников заговора. Я назову ему имена, а ты и наследник подтвердите, что я говорю правду.

— Но как я могу что-то подтверждать, если вижу тебя впервые в жизни? — удивился Игельгус.

— Меня прислал Эйке. Он говорит, что ты — старый друг его семьи, — сказал Конан.

Бертен кивнул.

— Это правда, Игельгус, можешь ему верить.

— Ну, хорошо... — начал сдаваться старик. — Я действительно знаю семью Эйке.

— Бертен будет моим главным доказательством, — продолжал Конан. — Я — человек, который сумел вернуть сына отцу. Правитель не сможет не поверить мне.

— Возможно, — пробормотал Игельгус. — Очень возможно...

— Ты опытный царедворец, — добавил Конан. — Надеюсь, ты найдешь убедительные доводы. Иначе... Если мы промедлим хотя бы день, может быть поздно.

* * *

Арифина схватили прямо в его лавке. Он возмущался, отбивался, показывал какие-то документы, удостоверяющие его полную надежность.

— Я — поставщик королевского двора! — кричал он.

Смерть Хейто застала его врасплох. Конан не зря действовал так стремительно: ни один из членов великого и тайного Ордена Павлина не успел разобраться в событиях, сделать для себя надлежащие выводы и стремительно бежать из Хоарезма. Кроме того, большинство из них в любом случае не смогло бы оторваться от накопленных за долгие годы сокровищ и предпочитало выжидать: авось подозрение на них не падет.

Однако по совету Инаэро первой была захвачена школа каллиграфии, где хранились списки членов Ордена и перечень пожертвований, имущества, вложений тайной организации.

С помощью этого списка и был составлен другой — перечень людей, подлежащих немедленному аресту.

Стражники ворвались сразу во все намеченные дома. Правитель Хоарезма не тратил времени на объяснения и разговоры с придворными и советниками двора и действовал как тиран и деспот. Получив сведения о заговоре в Хоарезме и убедившись в их надежности, он попросту вызвал к себе военачальников и отдал им соответствующие распоряжения.

— Вы не можете арестовать меня! — надры-

вался Арифин, пока невозмутимые солдаты вязали ему руки. — Я — честный человек! Поставки порошка черного лотоса не запрещены! Я не убивал принца Хейто!

— А тебя никто не обвиняет в убийстве принца Хейто, — сообщил ему начальник отряда, скучно наблюдая за тем, как его подчиненные копаются в вещах Арифина.

— Но в чем тогда меня обвиняют?

— Узнаешь, — сказал начальник отряда. — Наш государь — господин над жизнью и смертью своих подданных. Он вообще может ничего тебе не объяснять. Просто повесит — и все...

— Меня оклеветали! Меня предали! Я невиновен! Это все они! Мои тайные недруги! — вопил Арифин. Он кричал и плакал до тех пор, пока его не успокоили ударом массивного кубка по голове.

Батар при виде отряда солдат удивительно быстро все понял. Инаэро, как ему докладывали, до сих пор не возвратился, и глава каллиграфической школы сделал на счет этого работника совершенно правильные выводы.

Посылая проклятия на голову болвана и неудачника Инаэро (все-таки не зря говорят люди, что неудача — болезнь заразная и последнее дело брать к себе в дом неудачника!), Батар попытался сбежать.

Однако Инаэро, хорошо знавший нрав своего теперь уже бывшего хозяина, предупредил солдат о такой возможности, поэтому засады были расставлены по всему Блошиному рынку, и Ва-

тар бесславно угодил в руки стражи, как и все прочие участники заговора.

Правитель Хоарезма торжествовал. Младший сын вернулся победителем, более того — он, достойный наследник престола, — раскрыл злодейский заговор, имевший целью покушение на жизнь самого владыки! Впору было трубить в трубы и устраивать роскошное празднество.

Конан и его спутники были представлены ко двору, но ни один из них не соблазнился должностями в гвардии: все они предпочитали свободу и независимость, пусть даже это и означало иногда полуголодное существование и риск. Рейтамира взгрустнула на пару часов об упущенной возможности жить под надежной крышей дворца. И даже объяснения Арригона — насчет того, что не так надежны крыши дворцов, как это представляется со стороны, — не смогли развеять ее печаль. Но выбор был сделан: она осталась со своим супругом и должна была до конца жизни разделять его участь.

А вот от мешочка с золотыми не отказался ни один из наемников. Эйке поначалу опасался, что они, разбогатев, откажутся сопровождать его караван в Кхитай, но — нет: деньги заканчиваются, рассудили солдаты, а такая замечательная работа, как охрана богатого каравана, принадлежащего щедрому торговцу, подворачивается нечасто.

Арригон отдал свою долю Рейтамире, проворчав:

— Купи в Хоарезме дом. Здесь, по моим подсчетам, хватит на небольшой дворец. Найми при-

слугу — пусть следит за ним в наше отсутствие. Надо же куда-то будет девать детей, когда они начнут рождаться.

Рейтамира покраснела.

— Ты рассчитываешь на детей?

Арригон очень удивился:

— А разве ты не рассчитываешь? Я полагаю, их появится не менее десятка.

И дом был куплен. Арригон не слишком огорчался тем, что Рейтамира почти сразу потратила все золотые, полученные от правителя: поездка с караваном обещала принести немалые барышши, зато супруга расцвела и теперь откровенно сияла.

— Для меня важно знать, что у меня есть свой дом и я всегда могу в него вернуться, даже из Кхитая, — объяснила она мужу.

Арригон, привыкший возить свой дом с собой, на спине быка, только фыркнул, но возражать женщине не стал.

* * *

Вечером памятного дня, когда были схвачены все заговорщики, к Конану явился Инаэро. Он был очень смущен и некоторое время топтался, не зная с чего начать разговор.

Черная краска была полностью отмыта с его лица и рук. Конан разглядывал молодого человека немного насмешливо. Наконец киммериец кивнул ему:

— Садись и рассказывай, с чем пожаловал.

Инаэро послушно сел. Поерзal на месте и на конец начал:

— Я хотел попросить тебя... об одолжении.

И вытащил из-под одежды мешочек с золотыми — правитель одарил его наравне с прочими своими спасителями.

— О, кажется, у меня новый наниматель, — протянул Конан лениво и зевнул. — Кого я должен убить для тебя, малыш? Только назови. За такие деньги я перебью целую казарму стражников.

— Это не для тебя, — сказал Инаэро, смущаясь почти до слез. — То есть, можешь взять себе все, что останется... Если останется.

— Не томи мое сердце, — сказал варвар, — иначе оно разорвется.

— Владыка распорядился изъять в казну и распродать все имущество арестованных, которых послезавтра публично казнят на площади.

— Разумное решение, особенно если учесть, что они успели накопить огромные богатства, — согласился Конан. — Когда я стану королем, я воспользуюсь хоарезмийским опытом. Однако продолжай.

— Среди этого имущества... есть имущество некоего Церингена... Личного врага нашего хозяина, Эйке.

— Припоминаю, — сказал Конан, который отлично это знал. И нахмурил брови: — А тебе-то что до этого? Хочешь что-то купить?

Инаэро покраснел.

— Сейчас у Церингена находится одна девушка.

— По моим сведениям, Церинген — кастрат,

так что успокойся, малыш: твоей драгоценной девушки ничего не угрожает.

— Я не об этом. Я хотел бы ее выкупить, — сказал Инаэро.

— Так вперед, за чем же дело стало? — удивился наконец Конан. Поведение молодого человека поневоле поставило его в тупик. — Деньги у тебя есть, и немалые, хватит на десяток девушек. Ее, видимо, выставляют на продажу уже завтра.

— Я... не могу, — пробормотал Инаэро.

— Почему?

— Понимаешь ли, Конан, она мне не простит, если я сделаю это еще раз, — объяснил Инаэро. — Она — лучший каллиграф нашей школы. Она обучала меня своему искусству. Да и вообще... Она замечательная, если хочешь знать!

— Прекрасный выбор.

— Не смейся надо мной!

— Погоди-ка, — задумчиво проговорил Конан, — из твоих слов я понял, что один раз ты уже ее продал.

— Это была необходимость.

— Как у тебя в жизни все запутано, Инаэро! — воскликнул киммериец. — Ты непрерывно ставишь меня в тупик. Можно сказать, общаясь с тобой, я не вылезаю из этого тупика. Тебе нравится эта девушка, и ты желаешь ее непременно выкупить, но хочешь, чтобы это сделал для тебя кто-то другой?

— Приблизительно так, — кивнул Инаэро.

— А если точнее?

— Это в точности то, чего я хочу.

— Так бы и сказал, — киммериец опять зевнул и сомкнул пальцы над мешочком с золотыми монетами. — Завтра она будет у тебя, не сомневайся.

* * *

Конан отправился на Блошиный рынок поутру, едва только удары барабана возвестили о начале торгов. Ему пришлось подождать, пока выведут всех рабов, подлежащих непременной продаже. Наконец, когда было объявлено об имуществе преступника Церингена, Конан затесался в толпу любопытствующих и принял разглядывать «товар». Большинство прислуги Церингена никуда не годилось, с точки зрения киммерийца: это были изнеженные, капризные люди, в основном приученные подавать напитки, услаждать взоры плясками и пением, а также чтением. Их разбирали охотно и платили за них немалые деньги: такие рабы считались «вышколенной домашней прислугой», а богатых людей в Хоарезме имелось немало, и все они желали, чтобы им «услаждали взоры и слух». Конан только плевался, когда на помосте оказывался очередной гладенький человечек с холеным телом и томным взором.

Наконец киммериец встрепенулся. Под свист и выкрики на помост вывели девочку лет пятнадцати-шестнадцати. Близоруко щурясь, она оглядела толпу. Было очевидно, что она не раз гуляла по этому рынку среди этой самой толпы, и многие из собравшихся были ей знакомы.

И точно. Послышались вопли:

— Эй, Аксум! Эй, гордячка! Что, тебя выставили, а? Что ты натворила, если тебя продают? Сперла что-нибудь, а?

— Тыфу на тебя! — закричала вдруг Аксум в ответ. Она вся подобралась, набычилась, словно собираясь боднуть кого-то из увиденных внизу, под помостом.

Послышался громкий, дружный хохот.

— Ну, эта — пантера, только держись! — высказал свое мнение один из зевак, стоявших рядом с Конаном. Он явно не собирался никого покупать, просто пришел поглязеть на любопытное зрелище.

— Тихо, ты! — обратился к Аксум распорядитель аукциона и легонько хлестнул ее прутиком по плечу.

Она сморщилась.

— Сам ты тихо! — сказала она дерзко. — Попортишь мне руки — тебе самому руки выдернут!

— Девственница Аксум! — провозгласил распорядитель аукциона, решив не обращать внимания на выходки девушки. — Начальная цена — пятнадцать золотых!

— Нахал! — завопила Аксум. — Я — каллиграф, я — мастер!

— Знаем! Знаем! — послышались выкрики в толпе. — Она смерть как хорошо рисует сердечки и завитушки!

— И голых баб! — добавил какой-то солдат в простоте. — По моей просьбе как-то раз нарисовала. Я в трактире сидел и скучал смертно, —

продолжал он словоохотливо, видимо, не в силах удержаться от воспоминания. — А она подсела рядом, попросила персиков угоститься — мол, устала очень, — а я ей и говорю: «Ты, красотка, для меня не годишься, я тощих не люблю». А она в ответ: «Я красотка не для того, а вот нарисовать тебе могу такую распрекрасную, что засохнешь — будешь искать похожую и в жизни не найдешь». И что бы вы думали? Нарисовала! И как в воду глядела: сколько с тех пор времени прошло, такую же не нашел!

Покупать каллиграфа не спешили. Конан отошел от стены, к которой прислонился, всем своим видом выражая крайнюю лень, и громко произнес:

— Двадцать пять золотых.

Соседи по толпе дружно уставились на киммерийца. Варвар был меньше всего похож на человека, которому требовался личный каллиграф.

После предложенной цены торги оживились, как по волшебству. Аксум захотели сразу несколько торговцев, но Конан неизменно поднимал цену и в конце концов сумма в триста золотых показалась чрезмерной даже самому богатому из претендентов. Аксум столкнули с помоста прямо в могучие руки варвара под свист и улюканье толпы.

Оказавшись в могучих объятиях киммерийца, Аксум сердито дернулась:

— Пусти! Надеюсь, ты не собираешься превратить меня в свою наложницу!

— У тебя ужасный характер, — сказал Ко-

нан. — Нет, в принципе, я заплатил за тебя для того, чтобы ты была свободна. Если хотя бы часть того, что я наслушался о тебе за все то время, пока велись торги, — правда, то ты должна жить совершенно свободно. Разве что захочешь обременить себя другом сердца.

— Чьего сердца? — осведомилась Аксум. — Моего? У меня его нет!

Тут на помост вытащили негра Мехду, и девочка схватила Конана за руку.

— У тебя еще остались деньги? Купи мне этого черномазого! Он — отличный человек, очень добрый.

— И почитает тебя, как богиню, — добавил проницательный Конан. — Брось, красавица. Это просто негр. Ты найдешь себе в услужение дюжину таких. И все они будут почитать тебя, как богиню.

— Ну... — насупилась Аксум. — А если я тебя очень попрошу? Я могу нарисовать тебе...

— Знаю, красавицу, по которой я всю жизнь потом буду сохнуть. Этим ты меня не купишь.

— Ладно, — сказала девочка. — Ну просто купи мне этого негра, ладно? А я тебе расскажу, где прячу мои денежки. У меня почти сто золотых собрано.

— Вот змея! — восхитился Конан.

И негр перешел в собственность Аксум.

— Значит, я теперь ничья? — спрашивала Аксум всю дорогу до дома Эйке. — А куда ты меня ведешь? А кто ты такой? Зачем ты потратил столько денег, если тебе не нужен каллиграф?

Конан наконец остановился и закрыл ей рот ладонью.

— Ты невыносима, женщина! — сказал он, и Аксум покраснела от удовольствия, услышав это обращение. — Деньги, которые я отдал за тебя, — не мои. Точнее, не все мои. Я просто немного добавил из своих. Один человек попросил меня об этом одолжении. Поняла теперь?

Она поняла. И сказала, едва только киммериец освободил ее рот:

— Я его убью!

А Мехда просто шел за ней следом, счастливый оттого, что судьба не разлучила его с Аксум.

* * *

Когда Тассилон и Элленхарда подъезжали к Хоарезму, их встретили рои мух. Гудение насекомых наполняло воздух, мухи садились на лица всадников, раздражали лошадей, которые непрерывно взмахивали хвостами и трясли гривами.

— Что за проклятье! — воскликнула Элленхарда и вдруг, приподнявшись над седлом, сказала своему спутнику: — Гляди!

Она вытянула руку, указывая вперед. Тассилон прищурился. Вдоль городских стен были выставлены отрубленные головы. Плоть уже успела разложиться, глазницы зияли пустотой, зубы скалились, кое-где с черепов свисали остатки волос.

— Здесь подавили мятеж, — заметил Тассилон. Он уже начал улавливать запах. — Совсем недавно.

— Ты умеешь читать? — жадно спросила Элленхарда. — Тут написано что-то...

Тассилон немного разбирал буквы. Они с гирканкой остановили коней, чтобы попытаться выяснить имена казненных, но этого не потребовалось: стражник с замотанным тряпкой лицом, охранявший отрубленные головы, глухо, как из бочки, заговорил с путниками:

— Хотите узнать, кого это здесь выставили, точно алмазы на продажу?

— Да, — отозвался Тассилон.

— Ватар... был начальником каллиграфической школы и шпионом... Арифин, называвший себя Светлейшим... обвиняется в убийстве принца Хейто и подготовке покушения на жизнь государя... Церинген... соучастник преступления Арифина...

— Бедный, — смеясь, молвила Элленхарда, — сперва ему отрезали одну часть тела, а затем — другую. Трудная судьба.

— Вы его знали? — удивился стражник и заикался под своим покрывалом. — Как вы можете тут стоять! Воняет же...

— Да, — сказал Тассилон кратко.

А Элленхарда добавила:

— Как раз мы и отрезали бедняге то, чем он думал прежде, чем лишиться головы.

Озадачив стражника этим высказыванием, гирканка с гиканьем и визгом влетела в раскрытые городские ворота, предоставив своему спутнику уплачивать пошлину за двоих.

Если не считать отрубленных голов, никаких

особенных перемен в Хоарезме не наблюдалось. По-прежнему бойко велась торговля в бесчисленных лавочках, у колодцев в тени навесов собирались женщины, чтобы посудачить, босоногие, едва прикрытые одеждой ребята бегали по улицам и лазали в сады. Детей в Хоарезме традиционно одевали очень плохо. Это делалось по двум соображениям: во-первых, возможные похитители не сумеют угадать, какой ребенок из богатой семьи, а какой — из бедной; а во-вторых, дети до определенного возраста так портят и пачкают одежду, что лучше не тратить понапрасну деньги на наряды, судьба которых в любом случае будет очень печальна.

Знакомые ворота, выкрашенные синим с серебряными звездами, были заперты, но из сада слышались голоса. Тассилон решительно постучал. Элленхарда неподвижно сидела в седле, и лошадь под ней тоже застыла, как изваяние. А Тассилон спешился. Он вдруг ощутил странное волнение.

Дом сводного брата был местом, где Тассилону всегда будут рады. Тассилон просто не мог поверить в такое. Вдруг он обманывается, и его сейчас вежливо выставят вон хорошо обученные слуги с равнодушными глазами?

Тем не менее он ждал.

Ворота распахнул сам Эйке.

— Я тут подумал, Конан... — начал было он, явно ожидая увидеть за воротами кого-то другого. Кого-то, кто должен был прийти в этот час.

Заметив незнакомцев с лошадьми, Эйке за-

моргал на ярком свету. В первые мгновения он видел только белые покрывала на головах и конские гривы, пронизанные лучами полуденного солнца. Затем лицо Эйке расцвело в улыбке:

— Тассилон! Не может быть! И Элленхарда!

— Почему же не может быть? — спросила Элленхарда, не покидая седла.

— Ох! Входите, входите же!.. — заговорил Эйке. — Скорее входите в дом!

Переглянувшись, странники последовали приглашению. Эйке сутился, кричал на слуг, требовал всего сразу — и питья для гостей, и угощения, и ванны, и благовонных масел, и новых одежд.

Когда Элленхарда удалилась, чтобы примерить какие-то шелковые наряды, которыми тряслась перед ее лицом прислужница, Эйке схватил своего брата за руки.

— Ты действительно рад меня видеть? — спросил Тассилон. — Сдается мне, я вверг тебя в не приятности.

— Все уже позади, — сказал Эйке. — Видел отрубленные головы?

— Их увидел бы даже слепой, столько там мух. Не говоря уж о запахе.

Эйке дернул углом рта.

— Не будем об этом. Я отправляю сейчас большой караван в Кхитай.

— Хочешь нанять меня в охранники?

Эйке всплеснул руками:

— И в мыслях не было! Нет, оставайся у меня, сколько захочешь. Я никуда тебя не отпущу, если

только ты не будешь настаивать. А твоя подруга... она... как?

— Понятия не имею, — вздохнул Тассилон. — У нее в голове сразу четыре ветра, как и подобает гирканке.

— Ясно, — сказал Эйке.

Разговор братьев был прерван появлением киммерийца, который занимался последними приготовлениями к отправке каравана. Конан вошел, явно намереваясь сообщить хозяину какие-то последние новости о закупках оружия и продовольствия, но замер, увидев сводного брата Эйке.

Тассилон медленно поднялся и тоже застыл, когда ледяные синие глаза киммерийца остановились на его темном лице. Мгновение спустя оба разом вскрикнули:

— Ты!..

Затем Конан прикусил губу. Этот человек, стремительно пронеслось в голове у киммерийца, явно дорог хозяину дома, так что избить его прямо здесь — не получится. А Тассилон явно смущился и опустил голову.

Эйке решительно встал между ними.

— Прекратите! — сказал он. — Я знать не желаю, что у вас произошло и при каких обстоятельствах, но немедленно прекратите!

— А мы и не начинали, — пробурчал Конан, взглядом обещая Тассилону скорую встречу.

Но Тассилон ответил иначе:

— Я прошу у тебя прощения, киммериец. Неожиданно Конан расхохотался.

— Да ладно! — сказал он, махнув рукой. — В конце концов, я и сам бы на твоем месте сделал то же самое. Ты довольно плохо выглядел, когда мы встречались...

— Зато ты так и лоснился, ленивая жирная скотина! — фыркнул Тассилон.

— Я — жирная скотина? — возмутился варвар.

— Хватит! — рявкнул Эйке.

Оба посмотрели на хозяина дома с удивлением. Ни один явно не ожидал от Эйке такой решительности.

Вбежала служанка со сладостями на подносе. День был жаркий, сладости залепляли губы и впивались в зубы, не позволяя спорить и кусаться, и в конце концов и Конан, и чернокожий сводный брат Эйке — оба размякли, и давний эпизод их неудачной встречи смазался в памяти, превратившись в глупое, быстротечное сновидение, которое давным-давно развеялось...

* * *

Караван вышел из Хоарезма на рассвете пятого дня, считая от возвращения Тассилона. Эйке провожал его до городских ворот. Вышел проститься и Инаэро. А вот Аксум и не подумала подняться с постели: хозяйка каллиграфической мастерской считала свой отдых чем-то гораздо более важным, нежели проводы какого-то там каравана.

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

**КОНАН
И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ**

Руководитель проекта *Дмитрий Павлов*

Составитель *Наталья Баранова*

Художественный редактор *Георгий Богданов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вязелик*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Нашли электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

САДА О КОНАНЕ

КОНАН И САУТА ТУМАНА 64	КОНАН И АНК ЗВЕЗДЫ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ АРАНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ СМЕРТНЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПРИТЬ 69	КОНАН И ТАНЦЫ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОДЫС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЭНПАРЫ 74	КОНАН И ЖЕРУСАЛЕМСКАЯ ПУСТЫНЯ 75	КОНАН И АЛХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИЙ 77	КОНАН И ЕВРОПЕЙСКИЙ КУБОК 78	КОНАН И УМИНИЯ ЧЕЛОВИЦ 79	КОНАН И СТРАНИЦЫ МОРЯ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОВ 81
КОНАН И ВЛАДАССА ЛЕСА 82	КОНАН И НАТАРА ПЛАМЕННОКА 83	КОНАН И АЛТИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗНЕСЕНИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕЛДМИ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ ВЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ 89	КОНАН И ВОАЧИЯ БАШНЯ 90
КОНАН И КАРТА ВАРВАРС 91	КОНАН И СОВЕТ МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И АЛТИОН АЛЮМИНИЯ 94	КОНАН И ЗРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАННА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАД ТАЛНСКАНА 97	КОНАН И ПОХОД СЕРФИНГОВ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНИЙ 99
КОНАН ГЕРОЙ ХАЙБОРНА 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И ЗАМОКИ РОВА 102	КОНАН И ПАТОЛА СИА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ 104	КОНАН И АЛЫ СТИПИ 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ СХОДНИК 106	КОНАН И КАЛЫКИ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД БОГНИЙ 108
КОНАН И ЦИД ВЕНДАНИ 109	КОНАН И АНКИ АЛЕРОНА 110	КОНАН И СОЛНЦЕВЫЙ ОСТРОВ 111	КОНАН И АЛМОНЫ СИПИЯ 112					

ISBN 5-17-029314-3

9 785170 293148